

Мастера детектива. Выпуск 13

М.: Пресса, 1995

Содержание:

- Гвен Бристоу, Брюс Маннинг. Невидимый хозяин (роман, перевод М. Никольского), стр. 3-138
- Картер Браун. Бывшая жена (роман, перевод В. Постникова), стр. 139-232
- Джорджетт Хейер. Зачем убивать дворецкого? (роман, перевод С. Романенко), стр. 233-461

Джорджетт Хейер

Зачем убивать дворецкого?

1

От указателя было мало толка. Несколько тусклых букв на одной из его стрелок, краска на которых местами вздулась, информировали интересующегося, что Ламсден находится к западу и, чтобы добраться до него, видимо, нужно проехать по узкой дороге сомнительного вида до конца. Другая стрелка указывала на Питтингли, об этом месте мистер Эмберли никогда не слышал. Однако если Ламсден на западе отсюда, то Верхний Неттлфолд следует искать где-то в направлении неизвестного ему Питтингли. Мистер Эмберли выключил подвижную фару и сделал разворот, раздраженно подумав, что ему следовало бы получше разузнать о том, как ехать, а не доверяться энергичным, но весьма неполным сведениям своей двоюродной сестры Фелисити. Если бы он, руководствуясь здравым смыслом, поехал обычным путем, то сейчас уже был бы в «Грейторне». Соблазнившись «коротким путем» Фелисити, он опоздал к обеду.

Мистер Эмберли ехал довольно осторожно по ухабистой дороге, по сторонам которой тянулись живые изгороди из боярышника. Его раздражали окутавшие дорогу густые клубы осеннего тумана. Он проехал мимо поворота влево и, поскольку тот не сулил никаких надежд, продолжил движение прямо.

Дорога, пролегающая через весь Уильд¹, извивалась, изобилуя поворотами. Не видно было каких-либо признаков жилья, а значит, не появлялся Питтингли — населенный пункт, к которому Эмберли начал испытывать острую неприязнь. Он посмотрел на часы и чуть слышно выругался. Пошел уже девятый час. Он прибавил газу, продолговатый корпус мощного «бентли» рванулся вперед и запрыгал по ухабам, явно не улучшая этим настроение мистера Эмберли.

Видно, Питтингли суждено было остаться под покровом тайны. Неожиданно, после крутого поворота, впереди показался красный фонарь автомобиля.

Когда «бентли» подъехал поближе, его фары, пронизав туман, осветили застывшую фигуру, стоящую у дороги рядом с неподвижным автомобилем «остин» седьмой модели. Двигатель не работал, были включены только боковые и задние фонари. Мистер Эмберли сбросил скорость и увидел, что неподвижная фигура у дороги — это не мужчина, как он первоначально подумал, а женщина в плаще с поясом. На голове у нее была фетровая шляпа, низко надвинутая на лоб.

Мистер Эмберли поставил «бентли» рядом с маленьким «остином» и через пустое сиденье наклонился к окну.

— У вас что-нибудь случилось? — спросил он.

В его голосе слышались нотки нетерпения. В самом деле, он уже и сам совсем сбился с пути, а если ему еще придется менять рулевое колесо на «остине» или залезать внутрь мотора, это будет верхом невезения.

Молодая женщина (он скорее догадался, чем разглядел, что она была еще очень молодой) не двигалась. Она стояла около двери «остина», сунув руки в карманы.

— Нет, ничего не случилось, — ответила она низким голосом.

У него возникло подозрение, что все-таки что-то произошло, однако он не имел ни малейшего желания вдаваться в причину волнения, которое чувствовалось в ее словах.

— Тогда скажите мне, пожалуйста, правильно ли я еду в усадьбу «Грейторн»? — спросил он.

— Я не знаю, — не очень-то любезно ответила она.

— Вы, значит, нездешняя? — в глазах мистера Эмберли блеснула усмешка.

¹ Уильд — район южной Англии, в который входят части графств Кент, Суссекс, Суррей, Гемпшир.

Она кивнула головой, и на мгновение он увидел ее лицо. «Бледный овал с ротиком», — подумал он угрюмо.

— По сути дела, да. Во всяком случае, я никогда не слышала о «Грейторне». До свидания, спокойной ночи.

Фраза была достаточно ясной, но мистер Эмберли проигнорировал ее. Его собственные манеры, по оценке родных, порой были чрезмерно резкими, поэтому недружелюбный тон женщины был ему даже отчасти симпатичен.

— А не подскажете ли мне, — произнес он, — как отсюда добраться до Верхнего Неттлфолда?

Поля шляпы отбрасывали тень на ее глаза, но он был уверен, что она сердито смотрит на него.

— Вам нужно было повернуть налево еще за милю до этого места, — сказала она.

— Вот черт! — воскликнул мистер Эмберли. — Спасибо.

Он откинулся на спинку сиденья и выжал сцепление. Развернуть машину на узкой дороге было непросто. Мистер Эмберли немного отъехал от «остина», чтобы он не мешал маневрировать, и начал делать разворот. Достаточно помучившись, он развернул свой «бентли», фары которого теперь освещали молодую женщину и «остин» двумя яркими лучами. Женщина вздрогнула, как будто внезапный поток яркого света напугал ее. На какое-то мгновение мистер Эмберли увидел ее белое как мел лицо, но она сразу же отвернулась. Вместо того, чтобы закончить разворот, мистер Эмберли остановил машину. Его нога с силой давила на педаль сцепления, а рука автоматически держала рычаг переключения скоростей. В свете фар, направленных в упор на «остин», мистер Эмберли увидел нечто странное. В ветровом стекле машины было маленькое отверстие, от которого лучами шли трещины, образуя звездообразный узор. Он перегнулся через руль, пристально всматриваясь.

— Кто в машине? — спросил он резким тоном.

Женщина быстро подвинулась, заслоняя внутреннюю часть автомобиля от пытливого взгляда мистера Эмберли.

— Какое вам дело? — напряженным голосом произнесла она. — Я сказала вам, как проехать в Верхний Неттлфолд. Почему вы не едете?

Мистер Эмберли привел рычаг переключения скоростей в нейтральное положение и поставил машину на тормоз. Он вылез из машины и подошел к женщине. Теперь, стоя рядом с ней, он видел, что она красива (это совершенно не заинтересовало его) и крайне взволнована (это показалось ему весьма подозрительным).

— Ваш приятель очень молчалив, — мрачно сказал он. — Отойдите от дверцы.

Она продолжала стоять там, где стояла, но было ясно, что она напугана.

— Пожалуйста, поезжайте. Это не ваше дело, и не приставайте ко мне.

Он стремительно протянул руку, схватил ее за запястье, грубым рывком оттолкнул от дверцы машины и заглянул внутрь. Человек за рулем был неестественно неподвижен. Его голова упала на грудь.

Женщина пыталась выдернуть свою руку, но мистер Эмберли сжимал ее все сильнее. Фигура сидящего за рулем оставалась неподвижной.

— О! — сказал мистер Эмберли. — Я вижу, в чем дело.

— Пустите меня! — Ее голос дрожал от гнева. — Я... этого... Я не делала этого!

Продолжая сжимать запястье женщины, он смотрел на труп. Одежда покойника — темный костюм — была в беспорядке, как будто кто-то обшаривал его карманы, полосатая рубашка была в красных пятнах, а под жилетом виднелось темное пятно.

Свободной рукой мистер Эмберли попытался дотянуться до мертвого тела в машине. Казалось, он при этом не испытывал никакого отвращения.

— Еще не холодный, — произнес он. — Ну, что скажете?

— Если вы думаете, что это сделала я, то ошибаетесь, — ответила она. — Я нашла его уже таким. Поверьте, меня даже не было здесь.

Он провел рукой вниз по ее плащу, прощупывая, нет ли у нее оружия. Она начала было сопротивляться, но сразу убедилась, что он держит ее крепко. Его рука наткнулась на что-то твердое. Не церемонясь, он вытащил из ее правого кармана маленький автоматический пистолет.

Женщина стояла не двигаясь.

— Если вы возьмете на себя труд осмотреть пистолет, — с ненавистью сказала она, — то увидите, что он полностью заряжен. В магазине семь патронов. Пистолет не взведен.

— У вас привычка носить с собой заряженные пистолеты? — спросил он.

— Это мое дело.

— Несомненно, — согласился он и, подняв пистолет к лицу, осторожно втянул носом воздух у дульного отверстия. Он отпустил ее руку и вынул из пистолета магазин. Как она и говорила, в нем было семь патронов. Оттянув затвор, он убедился, что тот пуст. После этого он вставил магазин и протянул ей пистолет.

Она взяла его с некоторой неуверенностью.

— Спасибо. Убедились, что я не делала этого?

— Вполне. Убежден, что вы не использовали этот пистолет, — сказал он. — Может быть, вы вообще не стреляли, но что-то знаете.

— Вы ошибаетесь. Я ничего не знаю. Он был мертв, когда я нашла его.

— Был мертв?

— Нет... то есть да.

— Подумайте хорошенько: нет или да, — посоветовал он.

— Черт возьми, оставьте меня в покое! — вспыхнула она. — Вы что, не видите, что я совершенно не в себе и не соображаю, что говорю?

Он окинул ее холодным взглядом.

— Если вопрос стоит так, то нет, не вижу. Напротив, мне кажется, что ваше самообладание поразительно. Так что, давайте выкладывайте! Был ли этот человек мертв, когда вы нашли его?

Она ответила не сразу, было видно, что она раздумывает, как бы лучше ответить. В ее лице уже не было ярости, оно выражало сдержанность и осторожность.

— Нет, — сказала она наконец. — Я думаю, он не был мертв.

— Почему вы так думаете?

— Он что-то произнес, — тихо сказала она.

— Да? И что же именно?

— Не знаю. Я не поняла.

— Вы негодная лгунья. А вам не пришло в голову, что ему нужно оказать первую помощь?

— Я пыталась остановить кровотечение. — Она разжала правую руку и показала носовой платок, весь вымокший в крови. — Но поняла, что это бесполезно. Он умер почти сразу после того, как я появилась здесь.

— И вы просто не сообразили, что можно попытаться остановить машину и попросить помощи?

Она прикусила губу, бросив на него один из самых испепеляющих взглядов.

— Какой смысл в этом? Вы бы только подумали, что это сделала я.

— Ну и выдержка у вас! — сказал он.

— Вы можете думать, что хотите, — отозвалась она. — Мне это безразлично.

— Вы ошибаетесь. То, что я думаю, будет иметь для вас самое существенное значение. Подойдите-ка сюда на минутку. — Он схватил ее за руку выше локтя и принудил подойти к «остину».

— Не загораживайте свет, — раздраженно сказал он и еще раз нагнулся, чтобы осмотреть неподвижное тело.

— Вы интересовались содержимым его карманов?

— Нет, — содрогнулась она.

— Кто-то интересовался. — Он просунул руку в окно машины и осторожно провел ею по подкладке костюма покойного. — Нет ни блокнота, ни записной книжки.

Он вытащил свою руку из машины и снова выпустил руку женщины.

— Черт побери, — произнес он без всяких эмоций, глядя на испачканные в крови пальцы.

— Я плохо себя чувствую, — сказала молодая женщина.

Мистер Эмберли поднял одну бровь.

— Я не удивлен, — вежливо ответил он.

Она села на подножку автомобиля и опустила голову на колени. Мистер Эмберли стоял, вытирая кровь с пальцев, и, насупившись, глядел на нее. Немного погодя она выпрямилась.

— Сейчас мне уже лучше. Что вы собираетесь делать?

— Сообщить в полицию.

Она глянула на него в упор.

— Обо мне?

— Возможно.

Ее руки непроизвольно сжали одна другую. С горечью в голосе она сказала:

— Если вы считаете, что это сделала я, то почему вернули мне пистолет? Я ведь легко могла застрелить и вас тоже.

— Я не думаю, что это вы. Но очень бы хотелось знать, что вы делали здесь в это время, и почему носите с собой оружие.

Она молчала. После маленькой паузы он произнес:

— Что-то вы не слишком разговорчивы.

— А почему я должна разговаривать с вами? Вы не полицейский.

— На ваше счастье, нет. А вам бы лучше сжечь ваш носовой платок. — Он повернулся и пошел к своей машине.

Она встала. Изумленная и сомневающаяся.

— Вы... вы меня отпускаете? — спросила она, пристально глядя на него.

Он открыл дверцу «бентли».

— Я ведь не полицейский, — ответил он ее же словами, даже не повернувшись.

— Но... но почему? — продолжала спрашивать она.

Он сел в машину и хлопнул дверцей.

— Если это сделали вы, — сказал он, — то такую маленькую глупышку полиция очень быстро найдет и без меня. Спокойной ночи.

Он двинул машину вперед, потом подал ее на несколько футов назад и, окончательно вырвав, поехал в обратном направлении.

Молодая женщина продолжала нерешительно стоять возле «остина». Удивленно прищурясь, она смотрела, как за поворотом скрываются хвостовые огни «бентли».

Затем она нащупала в кармане фонарик. Включив его, она снова повернулась к машине. Кровь уже перестала сочиться из тела убитого и загустела на прохладном вечернем воздухе. Молодая женщина направила луч фонарика на тело, осторожно просунула руку в открытое окно машины и ощупала наружные карманы убитого. В одном из них она нашла дешевый кисет для табака и трубку, а в другом — спички. Она попыталась залезть рукой в карманы брюк, но для этого надо было бы повернуть тело. Дрожа, она выпрямилась и оглядела пустынную дорогу.

Туман, все такой же клочковатый, становился гуще. Женщина поежилась и отвернулась от машины. Луч ее фонарика пробежал по земле около ног и осветил носовой платок. Она подняла платок, весь пропитанный кровью, и сжала его в руке.

При свете фонарика туман впереди казался сплошной стеной, однако фонарик все же давал возможность разглядеть канаву, пролегающую по обочине дороги. Женщина пошла по дороге, ведущей в Питтингли. На вершине небольшого подъема туман почти рассеялся, превратясь в легкую дымку, и в нескольких ярдах впереди был ясно виден небольшой лаз в живой изгороди. Там была приставная лестница, а за ней — тропинка через поле. Женщина легко перелезла через изгородь и быстро зашагала в восточном направлении. Тропинка вела к еще одному лазу в живой изгороди и дальше, через буковую рощу и поля, к мерцающим огням Верхнего Неттлфолда.

Вместо того, чтобы идти через деревню, женщина повернула на юг и, пройдя примерно полтысячи ярдов, вышла на заброшенную проселочную дорогу. Здесь стоял столб, за много лет испытавший на себе все превратности погоды, а к нему была прибита доска, на которой кривыми буквами было написано «Плющевый коттедж». Чуть дальше по дороге виднелись белые ворота.

Женщина открыла ворота и прошла к дому по дорожке, неровно вымощенной плитами. Дверь была не заперта, и она вошла внутрь, закрыв ее за собой.

Крутая лестница вела на второй этаж. На верхней лестничной площадке было две двери, одна — в кухню, другая — направо, в общую комнату.

Правая дверь была приоткрыта. Женщина распахнула ее и встала на пороге, прислонившись к косяку. Ее темные глаза презрительно смотрели на молодого человека. Он сидел, развалившись на стуле, и, по-свиному моргая, смотрел на нее.

Она тяжело усмехнулась.

— Еще не протрезвел?

Молодой человек выпрямился и попытался отодвинуть свой стул назад.

— Со мной все в порядке, — сказал он заплетающимся языком.

— Где... где ты была?

Она вошла в комнату и резким движением закрыла за собой дверь. При этом дверь так хлопнула, что парень вздрогнул.

— Боже мой! Меня тошнит от тебя, — сказала она с горечью в голосе. — Где я была? А то ты не знаешь, где я была! Ну и дрянь же ты, Марк! Дрянная пьяная свинья!

— Замолчи! — крикнул он сердито. Затем, качаясь, поднялся и быстро прошел к двери. По доносящимся из кухни звукам она поняла, что он погрузил свою пропитанную алкоголем голову в раковину для мытья посуды. Она скривила губы. Сдернув шляпу, бросила ее на стул. Потом подошла к коптящей керосиновой лампе и прикрутила фитиль.

Молодой человек вернулся в комнату. Было похоже, что ему стыдно, он старался не смотреть ей в глаза.

— Извини, Ширли, — пробормотал он. — Я не знаю, как это случилось. Клянусь, я и выпил-то всего две рюмочки, ну самое большее — три. Я даже и не собирался идти в этот проклятый кабак, если бы не этот парень с фермы, забыл только с какой.

— Ах, оставь! — нетерпеливо сказала она. — Не бывает дня, чтобы ты не напился. Ты ведь знал, что тебе нужно было сделать.

— Ну не ругай меня, Ширли! — В его голосе слышалось какое-то усталое раздражение. — Ну хорошо, хорошо. Я знаю, что я свинья. Да, я должен был с ним встретиться. Полагаю, ты ходила вместо меня.

Она достала из кармана пистолет, положила его и стала расстегивать плащ.

— Да, ходила, — коротко ответила она.

— Надеюсь, все в порядке? Я всегда говорил, что это розыгрыш. Но тебе надо было забраться в эту мерзкую дыру и меня затащить жить в этом вонючем доме, и все для того, чтобы гоняться за туманом. Безумная затея!

Внезапно он замолчал, уставившись на ее плащ.

— Боже, Ширли! Что это? — хриплым голосом спросил он.

Она сняла плащ.

— Это кровь. Мне нужно сжечь его.

Лицо его побелело, и он схватился за край стола.

— Что случилось? — спросил он. — Ты... тебе не пришлось стрелять?

— Не пришлось. Он был мертв.

— Мертв? — тупо повторил он. — Как это мертв?

— Его застрелили. Теперь ты понимаешь, что это не розыгрыш, мы гонялись не за туманом.

Он сел потрясенный.

— Боже! — произнес он снова, пытаясь стряхнуть опьянение и взять себя в руки.

— Кто это сделал?

— Я не знаю. Его обыскали. Тот или те, кто застрелил, знали о намеченной встрече. Но они ничего не нашли.

— Откуда ты знаешь?

— Он ничего не взял с собой. Он успел сказать мне об этом. Я думаю, что он струсил, вот и не взял.

Марк потянулся рукой через стол и неуклюже погладил ее руку.

— Прости, сестренка. У тебя был жуткий вечер, бедная девочка.

— Да ладно, все ничего. Досадно только, — тяжело вздохнула она.

— Еще бы не досадно! В итоге мы не продвинулись ни на шаг, если это все-таки не блеф. Но похоже, что не блеф, раз его убили.

Она с раздражением посмотрела на него.

— Разумеется. Более того, я знаю, где искать. Он успел сказать мне.

— Он сказал тебе? — Молодой человек подался вперед. — Где же? — нетерпеливо спросил он.

Она встала.

— Так я тебе и сказала! — бросила она презрительно. — Чтобы ты разболтал об этом первому же собутыльнику.

Он густо покраснел.

— Черт возьми! Но это же мое дело, разве не так?

— Да, это твое дело, — резко ответила она, — но делать его приходится мне. Хорошо, я сделаю его, но ты здесь будешь ни при чем. Понял?

При этих словах он явно скис, но продолжал упорствовать:

— Ты женщина, а это не женское дело. Черт! Не нравится мне это убийство.

— Конечно, — сказала она. — Кому такое может понравиться. Но, прошу тебя, держи язык за зубами.

Выражение ее лица смягчилось.

— О Марк! Ради бога, брось пить хотя бы на некоторое время, — сказала она. — Нам нужно собраться с силами, а ты каждый день напиваешься. Какой от тебя толк, если ты полдня пьян, а остальное время приходишь в себя?

— Ну я же говорю тебе, — пробормотал он, отворачиваясь от нее, — что сегодня я не виноват. Честно! Я даже не собирался идти в эту пивную, но...

— Знаю, знаю, — вздохнула она. — Ты встретил парня, который тебя заманил туда. Я уже слышала это.

2

Проехав совсем немного, Фрэнк Эмберли добрался до Верхнего Неттлфолда, маленького провинциального городка милях в десяти от Карчестера. Его раздражение еще более усилилось при мысли, что если бы, проезжая по дороге на Питтингли, он не прозевал поворот налево, то, во-первых, не опоздал бы к обеду, а во-вторых, не наткнулся бы на труп посреди дороги и избежал бы тем самым массы хлопот и неудобств.

— И какого черта я ее отпустил? — спросил он сам себя вслух. Ответить было нечего. Он нахмурился и сказал:

— Чертов идиот!

Он и в самом деле не знал, что побудило его отпустить ту женщину. Он был достаточно равнодушен к женским чарам, а она и вовсе ему не понравилась, правда, ее самообладание и резкость позабавили его. Ну и характер! Такая ни перед чем не остановится. Но убивать она не убивала. И все-таки следовало доставить ее в полицию. Она уж точно что-то знает. Здесь Эмберли не проведешь. С преступлениями и всем, что с ними связано, он сталкивается каждый день по роду своей деятельности. С другой стороны, сдай он ее в полицию, она пропала. Все факты свидетельствуют против нее. Выяснить кое-какие подробности (а в том, что было чего выяснять, он не сомневался), и дело против нее можно передавать в суд. Будь он обвинителем на этом процессе, он бы выиграл его.

Впрочем, долг его был очевиден, но он пренебрег им. Само по себе его это мало беспокоило, но осторожность все же не помешает. Иначе он рискует попасть в соучастники. И чего ради, черт подери? На этот вопрос он ответить не мог.

Приехав в Верхний Неттлфолд, он подъехал к отделению полиции.

Оно располагалось на рыночной площади в старом здании из красного кирпича. Дежурный молодой констебль прижимал к уху телефонную трубку. На его лице было выражение утомленности и скуки. Он без всякого интереса взглянул на мистера Эмберли и сказал в трубку, что пока ничего не выяснилось, но он делает все, что может. После этого он прослушал ответную реплику, потом повторил свой ответ и повесил трубку.

— Да, сэр, — сказал констебль, записывая что-то на листке бумаги.

— Сержант Габбинс здесь? — спросил Эмберли, набивая свою трубку.

— Да, — ответил молодой констебль.

— Я хочу его видеть.

Констебль подозрительно посмотрел на него и наткнулся на жесткий взгляд.

— И побыстрее, — добавил мистер Эмберли.

— Я не знаю, сэр, — резко ответил констебль. — Я доложу об этом сержанту.

Он вышел из комнаты. Мистер Эмберли подошел к стене, чтобы лучше рассмотреть плакат, рекламирующий удовольствия для тех, кто решится приобрести билет на ежегодный концерт, устраиваемый городской полицией.

В глубине комнаты открылась дверь, на матовом стекле которой красовалась надпись «Только для сотрудников», и в комнату прошествовал человек мощного телосложения с красным лицом и свирепо топорщившимися усами.

— Слушаю, сэр. Чем могу быть полезен? — спросил он громовым голосом, явно предназначенным для того, чтобы вселять ужас в сердца преступников.

Мистер Эмберли повернулся.

— Добрый вечер, сержант, — сказал он.

Сержант сразу сбросил с себя напускную суровость.

— О, мистер Эмберли! — воскликнул он. — Вас не было видно в этих краях около полугода. Надеюсь, у вас все в порядке. Вам нужна моя помощь?

— Мне — нет! — ответил мистер Эмберли. — Но вам, я думаю, не безинтересно будет узнать про труп на дороге к Питтингли.

У констебля, который к этому моменту вернулся на свое место за столом, при этих словах перехватило дыхание, но сержант воспринял их спокойно.

— Вы все такой же шутник, сэр, — с улыбкой сказал он.

— Да, — ответил мистер Эмберли, — но в данном случае это не шутка. Вам стоило бы направить туда кого-нибудь. Если я понадобится, вы сможете найти меня в «Грейторне».

Улыбка с лица сержанта исчезла.

— Вы серьезно, сэр? — спросил он.

— Вполне. И, кроме того, я трезв. Покойник находится в «остине» седьмой модели. Застрелен выстрелом в грудь. Море крови.

— Убийство! — воскликнул сержант. — Господи боже! Сейчас, сэр, одну минутку. Где вы, говорите, нашли его?

Мистер Эмберли подошел к столу дежурного, попросил лист бумаги и нарисовал приблизительный план.

— Я не знаю, где расположен этот Питтингли, будь он неладен, но автомобиль стоит примерно здесь, на расстоянии около мили от поворота к Верхнему Неттлфолду. Я остановился, чтобы узнать дорогу к «Грейторну», и обнаружил, что этот человек мертв. Очевидно, убит. Я бы поехал туда с вами, но и так уже на час опоздал к обеду.

— Не беспокойтесь, сэр. Вы ведь пробудете в «Грейторне» денек-другой? Судебное следствие... да вы и сами все знаете не хуже меня. Уилкинс, свяжитесь с Карчестером. Не заметили ли вы чего-нибудь особенного, сэр? Может быть, видели кого-нибудь на дороге?

— Нет, не видел. Но ведь все в сплошном тумане. Этот человек был еще теплый, когда я дотронулся до него, если это поможет. Всего вам хорошего.

— Всего доброго, сэр, большое спасибо.

Констебль подал телефонную трубку и, пока сержант докладывал о случившемся начальству, стоял, потирая подбородок и задумчиво глядя на дверь, которая захлопнулась за мистером Эмберли. Когда сержант повесил трубку, он произнес:

— Не знаю, кто он такой, но нахал порядочный, это точно.

— Это мистер Фрэнк Эмберли, племянник сэра Хэмфри, — сказал сержант. — Очень умный молодой человек.

— Заходит сюда как к себе домой. Его послушать, так труп на дороге — такое же обычное дело, как одуванчик, — неодобрительно отозвался констебль.

— Для него это именно так, — строго сказал сержант. — Если бы ты, мой дорогой, хоть иногда читал газеты, ты бы знал о нем. Он адвокат. И, по общим отзывам, у него большое будущее. Он далеко пойдет.

— Ну, по мне, чем дальше, тем лучше, — ответил констебль. — Не нравится он мне, сержант. Это факт.

— Пришли ко мне Харпера и перестань слоняться по комнате, как лунатик, — скомандовал сержант. — Мистер Эмберли не нравится многим, но это его не очень-то волнует.

Тем временем машина Фрэнка Эмберли рванулась с места и поехала в направлении Хай-стрит. Дорога из Верхнего Неттлфолда была ему знакома, так что путь до «Грейторна», солидного каменного дома на высоком берегу реки Нетто, занял чуть более десяти минут.

В холле его встретила двоюродная сестра. Это была восемнадцатилетняя девушка, озорная и смешливая. Она с тревогой спросила, что с ним случилось.

Он снял пальто. Глянул на мисс Мэттьюз испепеляющим взглядом и желчно сказал:

— Это все твой короткий путь.

Фелисити захихикала.

— Фрэнк, ты что, сбился с дороги?

— Еще как! — Он повернулся навстречу тетушке, входящей в холл. — Извините, тетя Марион. Я опоздал к обеду?

Леди Мэттьюз обняла его.

— Фрэнк, милый, да, ты опоздал, и суфле из сыра... Дорогая, скажи кому-нибудь о Фрэнке. О, вот Дженкинс! Дженкинс, приехал мистер Эмберли.

Она одарила племянника чарующей улыбкой и направилась в гостиную. Эмберли ухмыльнулся ей вслед и спросил:

— Тетя Марион, переодеваться обязательно?

— Переодеваться, мой мальчик? Ну конечно, нет. Скажи, а ты не потерял свой багаж?

— Нет, просто уже десятый час.

— Это ужасно, мой дорогой. Мы боялись, что что-то случилось.

Фелисити дернула его за рукав.

— Фрэнк, я не верю, что ты целый час искал дорогу. Признайся, ты просто поздно выехал.

— Ты невыносима, Фелисити. Пусти меня, я должен умыться.

Через пять минут он спустился в холл и в сопровождении Фелисити прошествовал в столовую. Пока он ел, она сидела рядом, поставив локти на стол и подперев подбородок ладонями.

— Ты привез маскарадный костюм? — озабоченно спросила она. — Бал назначен на пятницу.

Фрэнк тяжело вздохнул.

— Привез.

— Какой? — Фелисити сгорала от любопытства.

— Костюм Мефистофеля. Он соответствует моему представлению о красоте.

Фелисити засомневалась:

— Ну, не знаю... Видишь ли, я собираюсь быть Девочкой-Пуховочкой, и ты не будешь соответствовать мне.

— И слава богу, что не буду. Послушай, а по какому случаю этот бал? И где он будет проходить?

Ее карие глаза изумленно раскрылись.

— Боже правый! Разве мама тебе не написала?

Он рассмеялся.

— Письма тети Марион похожи на ее разговоры — самое важное она опускает.

— Ну, так знай. Бал будет в усадьбе «Нортон Мэнор». По случаю помолвки Джоан.

— Джоан?

— Джоан Фаунтин. Ты должен знать ее, ты встречал ее здесь.

— Блондинка с красивыми глазами? А кто жених?

— Он просто душка. Его фамилия Коркрен. Кажется, денег у него куры не клюют. В общем, они обручились.

— Погоди, а как зовут этого парня?

— Кого, Коркрена? Тони. А почему ты об этом спрашиваешь?

Фрэнк поднял брови.

— Старина Коркс! Я так и подумал. Мы с ним вместе учились в школе.

— Неужели? Ах, как ему повезло, — вежливо сказала мисс Мэттьюз.

В это время дверь открылась, и вошел высокий худощавый седовласый джентльмен. Фрэнк встал.

— Добрый вечер, дядя.

Сэр Хэмфри пожал племяннику руку.

— Послушай, Фрэнк. Я только что узнал о твоём приезде. Что задержало тебя?

— Фелисити, сэр. Она указала мне короткий путь из города. Но он таковым не оказался.

— Значит знаменитый Эмберли сбился с дороги. Сильные мира сего проявляют слабость! Так, Фрэнк?

— Боюсь, что так, сэр.

— На самом деле он просто поздно выехал, — возмутилась Фелисити. — И не говори нам, что был занят, Фрэнк. Я прекрасно знаю, что у тебя сейчас... Папа! Что бывает у адвокатов летом? Кажется, это называется мертвым сезоном. Послушай, папа! Он говорит, что знаком с женихом Джоан.

Сэр Хэмфри, заметив, что его племянник завершает трапезу, пододвинул к нему графин с портвейном.

— В самом деле? На редкость безмозглый молодой человек, должен заметить, но, по-моему, из отличной семьи. Этими торжествами с маскарадом, как я понимаю, отмечают помолвку. Фелисити очень дружна с мисс Фаунтин.

Мистеру Эмберли было ясно, что сэр Хэмфри эту дружбу не одобряет. Он попытался отыскать в памяти какие-нибудь сведения о Фаунтинах, но безуспешно.

Фелисити позвали к телефону. Фрэнк расколол орех и очистил его от скорлупы.

— Я не все рассказал, — произнес он.

— Что ты имеешь в виду? — спросил сэр Хэмфри, наполняя свой бокал.

— Я действительно сбился с дороги. Но, кроме этого, я нашел тело убитого мужчины.

— Господи, спаси и сохрани! — воскликнул сэр Хэмфри, нащупывая пенсне. Водрузив его на свой костлявый нос, он сосредоточил на племяннике изумленный взгляд.

— Кого же убили?

— Понятия не имею. Средних лет, прилично одет... Даже трудно сказать, кто он. Может быть, коммерсант. Труп находился в «остине» седьмой модели. На дороге к Питтингли.

— Ну и ну! — заволновался сэр Хэмфри. — Скандал! Просто скандал! Наверняка это дело рук дорожных грабителей.

— Возможно, — уклончиво ответил племянник.

— Пожалуй, не стоит говорить об этом тете и сестре, — посоветовал сэр Хэмфри. — Как это все неприятно! Убийцы почти у самых наших ворот! Не знаю, куда катится мир!

Он все еще повторял свое «ну и ну» и качал головой, когда они сошли вниз в гостиную к леди Мэттьюз. Взглянув на мужа, она очень спокойно осведомилась о причине его волнений. Сэр Хэмфри настолько решительно отрицал факт своей взволнованности, что она тут же повернулась к Фрэнку и велела выкладывать все начистоту. Племянник имел более верное представление о нервах леди Мэттьюз и в отличие от сэра Хэмфри не опасался за нее. Он не стал ходить вокруг да около.

— Жуткие дела, тетя. Мертвецы на дороге, точнее — мертвец.

Леди Мэттьюз не проявила особой паники.

— Боже милостивый, Фрэнк! Надеюсь не здесь?

— Нет. На дороге к Питтингли. Убили человека. Дядя думает, что это разбойники.

— В самом деле? — сказала тетя Марион. — Похоже на средневековье. Какое неподходящее место — дорога к Питтингли! Кстати, Фрэнк, дорогой, тебе дали что-нибудь поесть?

— Да, спасибо. Великолепный обед.

Сэр Хэмфри, будучи идеальным мужем, успокаивающе погладил жену по руке.

— Не принимай этого близко к сердцу, Марион.

— Разумеется, дорогой, с какой стати? Бедняжка Фрэнк! Такая неприятность! Надеюсь, рядом с нами не орудует банда преступников. Ужасно, если вдруг окажется, что твой собственный шофер — главарь шайки.

— Лудлоу? — спросил удивленный сэра Хэмфри. — Как тебе такое пришло в голову? Любовь моя, Лудлоу служит у нас больше десяти лет. Какое отношение он может иметь к этой ужасной истории?

— Я уверена, что никакого, — ответила его жена. — Полагаю, никто из нас не может иметь отношение к таким делам. Но в этой книге, — ее рука нырнула куда-то между подушек и извлекла книжку в ярком переплете, — в этой книге преступник был шофером. Это наводит на размышления...

— Сэр Хэмфри снова надел пенсне и взял в руки книгу.

— «За углом подстерегает смерть», — прочитал он название. — Дорогая, неужели такая литература занимает тебя?

— Не очень, — ответила она. — Хороший человек в итоге оказывается негодяем. Это просто нечестно — уже почти влюбляешься в героя, и на тебе. Фрэнк, я просила тебя привезти маскарадный костюм?

— Да, тетя. А кто такие эти Фаунтины? Новые знакомые?

— Нет, вовсе не новые. Ты должен знать старого мистера Фаунтина. Хотя откуда тебе его знать, если покойник никуда не выходил.

— Потому и не выходил, что покойник? — сострил Фрэнк.

— Не смейся, мой дорогой. Ну, конечно, куда-то он выходил, иначе откуда бы я сама его знала. Когда умер Джаспер Фаунтин, Хэмфри?

— Если мне не изменяет память, два года назад или чуть больше.

— Да, где-то так. Мне он никогда не нравился. Слава богу, он не навязывал нам свое общество. Фелисити не настаивала, чтобы я ближе познакомилась с его сестрой. Не то, чтобы я что-то имела против нее, совсем нет. Сама она очаровательна, но мне всегда был неприятен Бэзил. Как поживает твоя мама, мой мальчик?

— У нее все в порядке, и она шлет вам привет. Но, тетя, не отвлекайтесь, пожалуйста. Кто такой Бэзил, и почему он вам не нравится?

Леди Мэттьюз посмотрела на него с ласковой улыбкой.

— Тебе не кажется, Фрэнк, что часто невозможно объяснить, почему кто-то не нравится? Не нравится — и все.

Мистер Эмберли задумался.

— Мне кажется, что я всегда могу объяснить, — ответил он наконец.

— Ах, мужчины — другое дело, — промурлыкала тетя Марион, — а я вот не могу.

Сэр Хэмфри оторвался от вечерней газеты:

— Марион, дорогая, не напускай таинственности. Фаунтин — парень как парень. Не скажу, что я от него в восторге, но, возможно, я старомоден. Боже мой, Фелисити, я тебя умоляю, закрывай дверь. Ужасный сквозняк.

Фелисити закрыла дверь.

— Прошу прощения. Мне звонила Джоан. У нее был кошмарный день. В самом деле, мама. Привезли ее маскарадный костюм, а вместе с ним чек. Бэзил увидел его, устроил скандал и сказал, что платить не будет. Можно подумать, что он на грани банкротства. Джоан говорит, что он всегда ворчит из-за денег. Прямо болезнь какая-то. Он же купается в деньгах!

Сэр Хэмфри посмотрел на нее поверх пенсне.

— Фелисити, со стороны твоей подруги нехорошо отзываться так о своем брате, — сказал он. — Ты не должна ей потакать.

— Но он ей всего лишь сводный брат, — не успокаивалась Фелисити, — а кроме того, он такой зануда. Однако Джоан сумела утихомирить его и прекратить скандал из-за костюма. Я думаю, он утешается мыслью, что скоро сбудет Джоан с рук.

— Фелисити, неужели ты все это время разговаривала по телефону? С одним человеком? — решил подтрунить над ней Фрэнк.

— Да, конечно. А что? Кстати, Джоан сказала, что уговаривала Бэзила быть Мефистофелем, поскольку она и Тони собираются быть Маргаритой и Фаустом, но он не согласился. И в итоге все получилось очень удачно. Я сказала ей, что нашла другого Мефистофеля, еще лучше. Она в восторге.

— Может быть, хоть ты меня посвятишь в тайну, — сказал Фрэнк. — Это уже начинает действовать мне на нервы. Кто такой Бэзил?

— Дурачок! Это сводный брат Джоан.

— Это я уже сообразил. Он сейчас владелец «Нортон Мэнор»?

— Ну разумеется! Он все унаследовал, когда старый мистер Фаунтин отдал концы.

Слегка шокированный сэр Хэмфри снова выразительно посмотрел на Фелисити.

— Умер, моя дорогая.

— Хорошо, папа, умер. Он племянник мистера Фаунтина, и так как у того не было детей, он стал его наследником. Все очень просто.

— У Джаспера Фаунтина были дети, — возразила леди Мэттьюз. — Вернее сказать, один сын. Он умер года три назад. Я помню, что читала объявление о его смерти в «Таймсе».

Фелисити слегка удивилась.

— Я не слышала ни о каком сыне. Ты уверена, мамочка?

— Абсолютно, милая. Ничего путного из него не вышло. Он уехал в Южную Америку.

— В Африку, дорогая, — поправил ее сэр Хэмфри, не отрываясь от газеты.

— В самом деле, Хэмфри? Впрочем, это не имеет значения. Был какой-то скандал. Что-то, связанное с картами. Молодой человек выпивал, чем, видимо, и объясняются его дурные привычки. Я не знаю, что с ним потом произошло, знаю только, что он умер.

— В таком случае хватит о нем, — сказал Фрэнк. — Скажите, тетя, а у вызывающего всеобщее неодобрение Бэзила есть дурные привычки?

— По крайней мере, я о них ничего не знаю.

Сэр Хэмфри отложил газету.

— В наше время газеты не печатают ничего, кроме сенсационных описаний самых отвратительных преступлений, — проворчал он. — Молодые люди, не хотите ли сыграть в бридж?

* * *

На следующий день Фелисити, которую леди Мэттьюз попросила купить кое-что в Верхнем Неттлфолде, потребовала, чтобы Фрэнк сопровождал ее. Его предложение отправиться в машине было решительно отвергнуто. Она хотела взять с собой на эту прогулку Волка, немецкую овчарку.

Волка привели с конюшни, и они отправились в путь. Первую сотню ярдов он в восторге прыгал вокруг хозяйки и лаял, как очумелый. Фрэнк по опыту знал, что прогулки с Волком — дело не шуточное. Этот пес не имел никакого понятия о дисциплине. При приближении любого автомобиля его приходилось крепко держать за ошейник. Вдобавок он имел привычку безрассудно ввязываться в ссоры с другими собаками.

Неширокая главная улица городка, как обычно в будние дни, была запружена стоящими у тротуара автомобилями, владельцы которых делали покупки в магазинах. Волк и сидящий в большом туристском автомобиле эрдельтерьер обменялись угрозами. Фелисити узнала машину Тони Коркрена. В это время из кондитерской вышла стройная блондинка в костюме из твида, а следом за ней — молодой человек.

— Это Джоан! — воскликнула Фелисити и устремилась на другую сторону улицы. Фрэнк последовал за ней, предательски бросив Волка, которому явно хотелось посетить мясную лавку.

Фелисити обернулась к подходящему Фрэнку.

— Подумать только, Фрэнк! Джоан говорит, что убили их дворецкого. Кстати, Джоан, это мой двоюродный брат Фрэнк Эмберли. Он говорит, что знаком с вами, мистер Коркрен. Но какой ужасный случай с этим Дроусоном! Как это случилось? — Она помолчала секунду и добавила: — Жуть просто!

— Убили вашего дворецкого? — переспросил Фрэнк, обменявшись сердечным рукопожатием с мистером Коркреном.

— Чудовищно, не так ли? — сказал Энтони, молодой человек, лицо которого выражало подкупающее простодушие и искренность. — Только что человек говорит вам: «Не хотите ли рейнвейна, сэр?», а через минуту, не успели вы глазом моргнуть, как его убили. Мерзкая история.

Он смотрел на бывшего одноклассника так уважительно, как будто тот был существом более высокого класса.

— Конечно, для вас, головастых ребят-адвокатов, такие случаи обычны, а для нас это большая неприятность. Гнусное дело.

— Безусловно, — согласился Фрэнк.

Он замолчал, нахмурившись, и тут же получил от Фелисити упрек в равнодушном невнимании.

— Напротив, — возразил он. — Я необычайно заинтересован. Как это случилось, мисс Фаунтин?

— Видите ли, мы пока еще знаем очень немного, — смущенно сказала девушка. — В этот день Доусон работал только до обеда, затем он уехал, воспользовавшись маленьким «остином». Бэзил специально держит эту машину для слуг, поскольку усадьба расположена довольно далеко от города, а автобусы поблизости не ходят. Мы ничего не знали о случившемся, пока вчера, уже поздно ночью, не пришел полицейский и не сообщил, что на дороге к Питтингли найден труп Доусона. Его застрелили. Все это просто жутко. Доусон много лет служил в доме, и я не могу представить себе, что кто-то хотел его убить. Бэзил очень расстроен.

— Как я понял, этот Доусон — ваш старый слуга?

— О да, — откликнулся Энтони. — Историческая достопримечательность. Торжественно-величественный и довольно угрюмый вид — типичный старый дворецкий.

Джоан поехала.

— Это ужасно! Просто не верится. Он был старым слугой дяди Джаспера, а когда тот умер, они вместе с Коллинзом остались в доме. Так что фактически он был не нашим слугой, а дядиным, но все равно, то, что произошло, чудовищно. Просто бессердечно с вашей стороны не отменить назначенный на среду бал.

— Но, душенька, мы ведь не можем скорбеть всю оставшуюся жизнь, — возразил ей жених. — Я могу сказать, что братец Бэзил уже действует мне на нервы. Конечно, то, что случилось, — это несчастье, однако все же речь идет не о его лучшем друге.

— Дорогой, не в этом дело, — мягко возразила Джоан. — Я же объясняла тебе, что Бэзил не переносит мертвых, даже мертвых животных. Тебе он кажется черствым и грубоватым. Но на самом деле он не такой, и это мне в нем нравится.

— Но как же так? — не соглашался Энтони. — Ведь он стреляет, охотится. Разве нет?

— Да, но он не может присутствовать при чьей-либо смерти, и я готова держать пари, что ты никогда не видел, чтобы он подбирал подстреленных птиц. Только никому не говори, потому что он это скрывает. Он даже не согласился похоронить щенков Дженни, когда я его об этом попросила. Он не смог бы дотронуться до них.

— Ну, возможно. И все-таки весь этот траур мне кажется несколько наигранным.

Джоан молчала, она выглядела обеспокоенной.

— Когда убивают твоего дворецкого, это как-то не воодушевляет, — начала было Фелисити, но ее речь была прервана внезапным гвалтом, донесшимся с середины мостовой.

— О боже! Волк! — закричала Фелисити.

Волк, выбежав из мясной лавки, столкнулся с бультерьером. Они сразу же почувствовали взаимную неприязнь и ринулись в бой. Услышав крик Фелисити, на мостовую метнулась женщина и попыталась поймать бультерьера. Мистер Эмберли также устремился на поле битвы, и ему удалось ухватить Волка за загривок. Молодая женщина обвила руками шею бультерьера.

— Держите вашу собаку! — запыхавшись, выкрикнула она. — Я немного придушу Билла. Это единственный способ.

Мистер Эмберли бросил на нее взгляд, но она в это время склонилась над собакой.

Бультерьер мощной хваткой вцепился в глотку Волка, но хозяйка безжалостно сжала ему шею, и собаке пришлось-таки разжать пасть. Мистер Эмберли оттащил Волка, продолжая держать его.

Женщина пристегнула поводок к ошейнику своей собаки и наконец подняла глаза.

— Это ваш пес виноват, — начала она и вдруг замолчала, испуганно глядя на мистера Эмберли и бледнея на глазах.

— Как всегда, — невозмутимо сказал Фрэнк. — Но, кажется, ваша собака не пострадала.

Она опустила глаза.

— Нет, — ответила она и хотела уйти, но в это время подошла Фелисити.

— Пожалуйста, извините, прошу вас, — сказала она. — Мне следовало бы крепче держать его на поводке. Я надеюсь, что он не причинил вреда вашей собаке?

Хозяйка бультерьера насмешливо улыбнулась.

— Скорее наоборот. Это ваша собака могла пострадать.

Фелисити посмотрела на нее с дружелюбным интересом.

— Вы — девушка из «Плющевого коттеджа», не так ли? — осведомилась она.

— Да, мы с братом сняли этот коттедж вместе с обстановкой.

— И надолго вы там обосновались? Вас, кажется, зовут Ширли Браун? Мое имя Фелисити Мэттьюз, а это мой двоюродный брат, Фрэнк Эмберли.

Мисс Браун слегка поклонилась, но при этом даже не взглянула на мистера Эмберли.

— Я хотела познакомиться с вами, — продолжала Фелисити. — Ужасно рада, что мы встретились. В нашей глуши практически нет молодежи. Вы знакомы с мисс Фаунтин?

Молодая женщина отрицательно покачала головой.

— Нет. Я, к сожалению, редко выхожу из дома. Мой... мой брат фактически инвалид.

— Ах, какое несчастье! — посочувствовала Фелисити. — Джоан, это мисс Браун, она живет в «Плющевом коттедже».

— Извините, — вмешался в разговор Фрэнк, — но вы мешаете движению.

После этих слов Фелисити обратила внимание на возмущенного водителя, немилосердно давящего на гудок своего автомобиля. Она отступила к тротуару, увлекая за собой мисс Браун, которая, впрочем, последовала за ней довольно неохотно.

— Вы слышали новости? — спросила Фелисити. — Убили дворецкого Фаунтинов. Ужасно, правда?

— Нет, я ничего не слышала. Убили насмерть?

— Ему прострелили грудь, — бархатным голосом сообщил мистер Эмберли, — когда он сидел за рулем «остина» седьмой модели.

— Ах, вот как, — сказала Ширли.

— Так оно и было, — озадаченно произнес мистер Коркрен, — но откуда, черт побери, ты знаешь об этом?

— Это я обнаружил труп, — ответил Эмберли.

Это заявление произвело сенсацию. Только темноволосая Ширли не выказала ни удивления, ни недоверия. В том, как она держалась, чувствовалась некоторая скованность, но во взгляде, который она переводила с лица изумленной Джоан на горящие глаза Фелисити, было равнодушие, граничащее со скукой.

— Я подумал, — сказал Эмберли, прерывая град вопросов, что рано или поздно вы все равно бы об этом узнали.

— Так! — Фелисити бросила на него испепеляющий взгляд. — Ну-ка, выкладывай!

— Дорогая! Мои свидетельские показания я должен держать при себе до судебного следствия, — не без ехидства ответил он и почувствовал, как напряглась Ширли Браун.

— Правда, одна только правда и ничего, кроме правды! — деланно пошутила она.

— Я вижу, вам хорошо знакома эта процедура, — сказал мистер Эмберли.

Она выдержала его жесткий взгляд, ничего не сказав в ответ. Разговор внезапно прервался: собаки, которые все это время глухо рычали, наконец предприняли попытку вцепиться друг другу в глотку. Ширли намотала на руку поводок бультерьера и отступила назад.

— Я должна идти, — сказала она. — Мне нужно кое-что купить. До свидания.

Джоан проводила ее взглядом.

— Какая странная девушка! — вырвалось у нее.

— Ну, не знаю. По-моему, довольно приятная, — отозвалась Фелисити. — Послушайте, мы не можем стоять тут вечно. Мне нужно зайти в магазины Томпсона и Крюэтта. Джоан, пойдём вместе. Фрэнк, ради бога, держи Волка как следует. Мы ненадолго.

Предоставленные самим себе двое молодых людей медленно прохаживались по улице.

— Послушай, Эмберли, в этом убийстве есть что-то чертовски странное, — громко сказал Энтони.

— Только не ори об этом на весь город, — порекомендовал самый грубый человек в Лондоне.

— Хорошо, но давай без шуток. Скажи, кому и зачем потребовалось стрелять в дворецкого? В старого уважаемого зануду, прослужившего в «Мэноре» много лет. Такого просто не

бывает. Я хочу сказать, что убивают гангстеров, министров и другую подобную братию. Это понятно. Но зачем убивать дворецкого? Какой в этом смысл?

— Понятия не имею, — пожал плечами Фрэнк.

— Дворецких не убивают, — уверенно произнес Энтони. — Здесь что-то не то. Я вот что думаю, Эмберли: всякие тайны хороши в книгах, а не в реальной жизни. Лучше от них держаться подальше.

— Постараюсь.

— Постарайся, — сказал Энтони, внезапно помрачнев. — Однако, живя в «Мэноре», это невозможно. Дом просто кишит тайнами.

— Вот как, — удивился Фрэнк. — Но почему?

— Будь я проклят, если знаю. Там есть нечто такое, чего нельзя пощупать руками. Но оно есть, это факт. Один братец Бэзил чего стоит. Между нами говоря, — продолжал он, доверительно понизив голос, — в нем есть что-то фальшивое. Я с ним практически не общаюсь. Неприятная ситуация. Тебе-то я могу сказать, что если бы не Джоан, я бы ни за что не согласился жить в этом доме.

— Из-за его таинственности или из-за его хозяина?

— Отчасти из-за того, отчасти из-за другого. Видишь ли, сам дом здесь ни при чем. Но в доме есть люди. Они, как кошки, шастают в темноте и везде суют свой нос. Послушай, никому не говори об этом, но это непреложный факт: там нельзя шагу ступить без ощущения, что за тобой наблюдают. Мне это действует на нервы.

— За тобой следят?

— Я не знаю. Но не удивлюсь, если это так. У брата Бэзила есть слуга, который имеет привычку внезапно появляться неведь откуда. Один из реликтов старого порядка. Если бы убили его, я бы не стал переживать. Мне кажется, что он занят мерзкими делами, и Джоан тоже так думает, но братец Бэзил любит этого субъекта.

— Кстати, а что, собственно, не так с Бэзилем? — спросил Фрэнк.

— Что не так? О, я понимаю, о чем ты хочешь спросить. Я не знаю. Видишь ли, он жаден до умопомрачения. Удавится из-за денег. У него чертовски скверный характер. Уверен, что Джоан от него порядком достается. Он полон показного жизнелюбия. Эдакий рубаха-парень, называет тебя стариком и хлопает по спине.

Фрэнк сжал кулак, оттопырил большой палец и направил его вниз, демонстрируя этим древнеримским жестом отрицательное отношение к Бэзилу.

— Именно так, — сказал Коркрен. — Я знал, что наши мнения совпадут. Тут есть еще одно обстоятельство...

Однако Фрэнку так и не удалось узнать, о чем еще хотел рассказать Энтони, поскольку в этот момент к ним подошли их спутницы. Джоан Фаунтин закончила все дела, связанные с покупками, и была готова отправиться домой. Пожав на прощание руку Фрэнку, она сказала:

— Фелисити обещала мне заехать после обеда. Я надеюсь, что вы тоже будете.

— Спасибо, я постараюсь, — ответил Эмберли к некоторому удивлению своей двоюродной сестры.

Когда Джоан и Коркрен отъехали, Фелисити испытующе посмотрела на Фрэнка, пытаясь понять, намерен ли он посетить «Нортон Мэнор».

— Я не могла не принять этого предложения, — объяснила она. — Ясно, что из-за случившегося все там в ужасном состоянии. Бэзил, конечно, нервничает, переживает, но Джоан считает, что ему всегда лучше, когда в доме гости. Ты не очень возражаешь?

— Не очень, — сказал Фрэнк.

Фелисити испытующе взглянула на него.

— Мне даже кажется, что ты хотел бы пойти.

— Так оно и есть, — ответил Эмберли.

Вернувшись в «Грейторн», они увидели в гостиной ожидающего их инспектора полиции из Карчестера, который уже раньше встречался с мистером Эмберли и не скрывал своей неприязни к нему. Инспектор задал множество вопросов и, недоверчиво похмыкав над ответами, записал их, однако, себе в блокнот. Сообщив, что на следующий день в одиннадцать утра мистеру Эмберли следует прибыть на судебное следствие, он отбыл. Для его недружелюбия были причины. Когда-то они вместе расследовали одно дело, причем мистер Эмберли подключился к расследованию значительно позже, но именно его версия оказалась правильной. Инспектор не любил вспоминать этот случай и, когда речь заходила о мистере Эмберли, гневно восклицал: «Глаза бы мои его не видели!»

В «Грейторне» происшедшее убийство не обсуждали, зная неприязнь сэра Хэмфри к подобным темам. Днем Фрэнк играл в теннис с кузиной, а вечером доставил ее на своей машине в усадьбу «Нортон Мэнор», которая была расположена в семи милях к востоку от Верхнего Неттлфолда и примерно в трех милях от «Грейторна».

Центральный дом усадьбы представлял собой постройку начала восемнадцатого века. Его изящный фасад был выложен из каменных плит и старого красного кирпича. Вокруг разбит небольшой парк, по которому под склонившимися к воде ивами змейкой вилась речка Неттл. Помещения внутри дома были прекрасно спланированы, но обставлены в каком-то тяжеловесном стиле, который не лучшим образом характеризовал вкус покойного мистера Фаунтина.

Эмберли и его сестра были встречены камердинером, неразговорчивым человеком среднего роста, который исполнял обязанности погибшего дворецкого.

— Добрый вечер, Коллинз, — поздоровалась с ним Фелисити, входя в дом.

Услышав это имя, Эмберли бросил на камердинера быстрый взгляд.

Во внешности слуги не было ничего примечательного. Его худое лицо привлекало внимание своей нездоровой бледностью. Глаза были постоянно потуплены.

Фелисити высказала соболезнование в связи с убийством Доусона. Она считала, что Коллинз, проработав несколько лет бок о бок с дворецким, должен сильно переживать по поводу понесенной утраты, и его холодная реакция немного смутила ее.

— Вы очень добры, мисс, — сказал Коллинз. — Очень трагическое событие, как вы изволили сказать. Я, естественно, не желал бы, чтобы происходили подобные вещи. Однако мы с Доусоном никогда не были, что называется, на дружеской ноге.

Он подошел к двери, ведущей в зал. Фелисити последовала за ним. Она назвала ему имя своего двоюродного брата, и опущенные глаза слуги на миг поднялись, чтобы взглянуть в лицо Эмберли. Это были холодные, невыразительные и какие-то безжалостные глаза. Один взгляд — и они снова спрятались. Слуга открыл дверь и доложил о прибывших гостях.

Вокруг камина сидели Джоан, ее жених и дородный мужчина с красивым энергичным лицом. Эмберли был представлен и выдержал рукопожатие, от которого хрустнули кости. Бэзил Фаунтин громко выразил удовольствие принять в своем доме таких гостей. Он весь лучился доброжелательностью. Эмберли вполне мог понять, какое чувство вызывал Бэзил у его друга Коркрена. За радушием скрывалось раздражение, готовое вспыхнуть по малейшему поводу. Он суетился, предлагал напитки, пододвигал стулья, весело шутил с Фелисити, но стоило его сводной сестре замешкаться, когда она устраивала для Фелисити место поближе к камину, дурной нрав Бэзила прорвался наружу, и он резко отчитал ее. Впрочем, он быстро взял себя в руки, и тут же на его лице снова засияла улыбка.

— Вы ведь знакомы с Коркреном, не так ли? Он собирается стать членом нашей семьи, о чем, несомненно, уже известил вас, — сказал он, ласково положив руку на безответное плечо Энтони.

Бэзил по натуре был гостеприимен. Он настойчиво потчевал гостей закусками и напитками, предлагал им сигары и сигареты, самолично принес подушечку для Фелисити. И лишь убедившись, что все устроены с максимально возможным удобством, затронул самый больной вопрос. Повернувшись к Эмберли, Фаунтин сказал:

— Я очень рад, что вы с сестрой заехали к нам сегодня. Скажите, это ведь вы нашли бедного Доусона?

— Да я. Но боюсь, что не много смогу рассказать вам.

Фаунтин срезал кончик сигары. Его лицо выражало беспокойство. В этот момент он был похож на человека, который не может стряхнуть с себя впечатления от кошмарного сна.

— Я понимаю, — сказал он. — Его ведь застрелили, не так ли? Может быть, вы видели кого-нибудь или нашли что-нибудь, что давало бы хоть какой-то ключ.

— Нет, — ответил Эмберли, — ровным счетом ничего.

Джоан чуть выдвинулась вперед.

— Хорошо бы, вам рассказать нам о том, что видели, — попросила она. — Полиция дала лишь сухой отчет, а мы чувствуем, что к нам это имеет отношение, ведь несчастный был нашим слугой.

— Да, расскажите хоть что-то, — присоединился к просьбе Энтони, — и покончим с этим.

Он посмотрел на Джоан и улыбнулся:

— Не стоит так расстраиваться, дорогая. Лучше не думать об этом.

Фаунтин, взглянув на него, тотчас возразил:

— Не так-то просто забыть, что убили одного из наших людей. Вам со стороны легко рассуждать. То, что произошло, ужасно. — Он тряхнул головой. — Я не могу выкинуть это из головы. Человека лишили жизни так... так хладнокровно!

Он, как будто почувствовав на себе взгляд Эмберли, повернулся к нему.

— Считаете, что я принимаю это слишком близко к сердцу? Возможно, так оно и есть. Не отрицаю, я очень переживаю.

Он зажег спичку и поднес ее к сигаре. Эмберли заметил, как дрожит пламя.

— Я ничего не могу понять, — прерывающимся голосом сказал Фаунтин. — Полиция говорит о дорожных бандитах. Скажите, его ограбили?

Коркрен, не упуская из вида бледное от волнения лицо Джоан, сказал не слишком серьезным тоном:

— Ограбили? Ну, конечно, его ограбили. Ставлю шиллинг, что он удирал, прихватив фамильное серебро. Послушайте, откуда так зверски сквозит?

Энтони оглянулся и увидел, что дверь приоткрыта. Он хотел было встать, но Фаунтин опередил его.

— Не беспокойтесь, я закрою, — сказал он и, тяжело ступая, направился к двери. Перед тем, как ее закрыть, он выглянул в вестибюль, и Энтони, заметив это, сказал, что, видно, этот тип Коллинз опять, как обычно, подслушивает.

Фаунтин с раздражением покачал головой.

— Нет. Но все же нам лучше разговаривать потише. Естественно, что вся прислуга сгорает от любопытства. — Он взглянул на Эмберли. — Их нельзя винить в этом. Не так ли?

— Думаю, — медленно произнес Эмберли, — я не столь снисходителен, и ни при каких обстоятельствах не склонен одобрять подслушивание у дверей или подглядывание в замочную скважину.

— Это все рассказы Коркрена, — сердито сказал Фаунтин. — Сущий вздор. Я не собираюсь быть адвокатом Коллинза, но... — Он внезапно замолк и, резко переменив тему, в своем обычном жизнерадостном тоне заговорил о предстоящем бале.

Дверь бесшумно открылась, и появился Коллинз с подносом, уставленным напитками. В комнате как будто повеяло холодом, и все почувствовали себя как-то стесненно. В голосе Фаунтина появилась принужденность, в смехе Джоан послышались нервные нотки. По ворсистому ковру камердинер бесшумно прошел к столику у стены, поставил на него поднос и вышел так же неслышно, как и вошел. Эмберли посмотрел, как он спокойно и твердо закрывает за собой дверь.

— Вы ведь не любите этого человека? — глядя в упор на Фаунтина, сказал Эмберли.

Собравшиеся были несколько уязвлены его неожиданной бесцеремонностью. Смех замер на губах Фаунтина. Он пристально посмотрел и отрицательно покачал головой.

— Нет. Не очень. Я бы не держал его в доме, если бы не желание моего дяди.

— Между ним и Доусоном не было вражды?

— Нет. Не скажу, что они прекрасно ладили друг с другом, но вражды я не замечал.

— Уж не кажется ли вам, что Коллинз может иметь какое-то отношение к случившемуся? — задала вопрос Джоан.

— Нет, мисс Фаунтин. Просто мне было интересно узнать это.

— Нет, он ни при чем, — заверил Фаунтин. — Я случайно знаю, что во время убийства он был в доме.

— Вы уверены в этом? — спросил Эмберли.

— Абсолютно. — Фаунтин рассмеялся. — Хотя по своей внешности он — типичный злодей, не так ли? Однако не стоит шутить по этому поводу. Вы, кажется, собирались рассказать нам о том, как нашли тело Доусона.

Рассказ Эмберли, по свидетельству его двоюродной сестры, не отличался сенсационностью. Он был очень кратким, даже суховатым. Эмберли не выделял никаких особых моментов, не предлагал версий. Рассказывая, он чувствовал вокруг атмосферу почти болезненного беспокойства. Беспокойство это исходило не от откровенно заинтригованной Фелисити и не от легкомысленного Коркрена. Джоан сидела, не сводя с Эмберли глаз, в которых застыла тревога, а ее брат, раздражавшийся, когда Энтони перебивал рассказ или когда Фелисити слишком явно выказывала удовольствие, слушал внимательно и напряженно, забыв про сигару, которая тлела, роняя длинные столбики пепла на пол к его ногам. Глядя на него, никто не усомнился бы в том, что он искренне расстроен. Он хотел услышать от Эмберли все до мельчайших подробностей и настойчиво повторял:

— Вы уверены, что никто не встретился вам по дороге?

Рассказ Эмберли был краток и лишен каких бы то ни было декоративных деталей. Он кончил, воцарилась тишина, которую через некоторое время нарушил Коркрэн. Он бодрим голосом предложил Фаунтину и Эмберли сыграть с ним завтра в гольф в три мяча, чтобы развеяться после следствия.

Фаунтин не хотел играть. Он энергично мотнул головой.

— Играйте вдвоем. Мне нужно будет съездить в город.

— В город? Зачем? — спросила его сводная сестра.

— Нужно позаботиться о том, чтобы найти нового дворецкого, — ответил он. — Я сегодня звонил Финчу в бюро по найму. Боюсь, это будет не так-то просто. Слуги не очень-то идут в такие уединенные места. А тут еще это жуткое дело. Несомненно, это тоже оттолкнет людей.

— Силы небесные! Неужели Коллинз теперь так и останется дворецким и как привидение будет мелькать по всему дому? — застонал Коркрэн.

— Я должен кого-то нанять, потому что эта работа не входит в обязанности Коллинза и он ее не любит. — Фаунтин заметил, что сигара догорела, и отбросил ее. Затем, чтобы стряхнуть подавленность, поднялся и предложил гостям сыграть в бильярд.

Он торжественно препроводил всех в бильярдную. Его обычная манера вернулась к нему. Темы убийства больше не касались. Но, несмотря на хохот Бэзила и легковесные шутки Коркрена, Эмберли явно ощущал висевший в воздухе дома тяжелый и давящий дух.

Он не сожалел, что званый ужин подошел к концу. Визит не доставил ему удовольствия, но дал повод для раздумий. Эмберли молча ругал себя за опрометчивое и не свойственное ему донкихотство в отношении девушки, которую он застал у автомобиля убитого и которую сейчас выгораживал своим молчанием.

Стреляла не она — в этом он был уверен. Но ее присутствие на месте убийства не было случайным. И причиной ее нервного состояния (он не сомневался в этом) был не только обнаруженный ею труп дворецкого. Она, пожалуй, была не то, чтобы потрясена или испугана, а скорее чем-то горько разочарована.

Случай представлялся весьма интересным. С ним так или иначе были связаны: девушка, которая явно шла на встречу с дворецким; Фаунтин, потрясенный, просто ошеломленный новостями; Джоан, напуганная, чувствующая себя в доме не в своей тарелке и опасаящаяся камердинера; наконец, сам Коллинз — бесстрастный, но почему-то производящий зловещее впечатление, подслушивающий у дверей и, как и его хозяин, очень сильно желающий услышать все, что мог рассказать Эмберли.

— Ну и что из этого? — возражал сам себе Эмберли. — Почему бы им не заинтересоваться всеми подробностями?

И тем не менее он мог поклясться, что за всем этим прячется нечто такое, что и не сразу раскроешь.

Эмберли решил поинтересоваться прошлой жизнью дворецкого. У него было мало надежды на то, что судебное следствие что-либо даст. Что знал дворецкий? Кому еще это известно? Все эти загадки не просто было разгадать.

Он не ошибся в своих предположениях. Судебное следствие, состоявшееся на следующее утро, мало что дало охочим до сенсаций журналистам. Врач и эксперт по оружию не сказали ничего интригующего, а сам Эмберли, считавшийся единственным свидетелем, разочаровал всех, ответив на вопросы сухо и сжато.

Эффектного раскрытия преступления не произошло, о каких-либо тайнах в жизни Доусона никто не знал, заподозрить в желании убрать дворецкого было некого. Присяжные признали, что убийство совершено неизвестным лицом или неизвестными лицами, и на этом процедура закончилась.

— И все-таки, сэр, — сказал сержант Габбинс, когда все завершилось, — странный это случай, и знаете, почему?

— Я мог бы высказать несколько предположений, но, сделайте одолжение, скажите ваше мнение, — ответил мистер Эмберли.

— Именно потому, что ничего странного в нем нет, сэр, — сформулировал свою мысль сержант.

Мистер Эмберли загадочно посмотрел на него.

— Я думаю, что вы в этом деле продвинетесь далеко, сержант. Если вам повезет.

— Что ж, сэр, не мне судить об этом, но хочется, чтобы вы не ошиблись, — ответил тот, весьма польщенный.

— Вам должно очень повезти, — вкрадчиво сказал мистер Эмберли.

Сержант недоуменно посмотрел на него, продолжая о чем-то думать, потом сердито произнес:

— Я слышал, что у вас много врагов, сэр, и меня это не удивляет. Я не из тех, кто обижается, потому как знаю, что вы любите пошутить. Но многим не нравится, как вы разговариваете с ними. И если бы я не знал вас так, как знаю, я бы не сказал вам того, что собираюсь сказать. Но в свое время вы сообщили нам пару ценных фактов, помните, в том случае с ограблением, когда мы зашли в тупик, причем сделали это бескорыстно.

— Да, вы тогда слегка сели в лужу, не так ли? — сказал мистер Эмберли. — Я заметил, что тот тупоголовый инспектор все еще служит у вас в Карчестере.

Сержант ухмыльнулся.

— Он должен скоро получить повышение. Возможно, и я тоже.

— За что? — поинтересовался мистер Эмберли.

— За раскрытие этого преступления, сэр.

— О! — сказал мистер Эмберли. — В таком случае я не должен отнимать у вас время. Вперед и флаг вам в руки!

— Именно так, сэр. Я подумал, что у вас есть особый дар, и вы, если можно так выразиться, всегда умеете попасть в точку. Так вот, я решил, что будет лучше, если я расскажу вам о наших сложностях в расследовании.

— Конечно, но если вы воображаете, что я возьму на себя роль сыщика-любителя...

— О, нет, сэр, об этом и речи не идет. Хотя когда вы заявили, что пропавшие алмазы находятся у Вилтона, я, признаюсь, подумал, что вы только зря растрчиваете себя на вашей работе. Правда, в то время, когда произошла кража, вы находились в том доме. Это, конечно, дало вам преимущество, но все же вы сработали весьма искусно, мистер Эмберли, и мы были очень благодарны вам за помощь, потому что наше положение было крайне неприятным. Мы размышляли, звонить в Скотленд-Ярд или нет.

— Так же, как и в нынешнем случае, — кивнул мистер Эмберли.

— Да, сэр, — ответил сержант. Говоря, что в этом случае нет ничего странного, я имел в виду, что здесь все ясно, все на поверхности. Нет никаких фактов против Доусона, нет врагов, нет женщин, многолетняя служба в «Мэнор» — все благопристойно. Но неестественно это. Можете мне поверить, мистер Эмберли. Когда человека убивают, за этим всегда что-то скрывается, и в девяти случаях из десяти оказывается, что у этого человека в жизни не все в порядке. Не считая женщин. Ну, а в этом случае только одно обстоятельство кажется немного подозрительным.

— Вы носите очки? — неожиданно спросил мистер Эмберли.

— Я, сэр? Нет.

— А надо бы.

— Нет, мистер Эмберли, только не мне. Я все вижу так же ясно, как и в возрасте двух лет.

— Именно это я и имел в виду. Продолжайте.

— Что-то я не пойму, к чему вы клоните, сэр, — чистосердечно признался сержант. — Так вот, это подозрительное обстоятельство связано с денежными сбережениями Доусона. Они все достанутся его сестре. Она — вдова, живет в Лондоне. Он не оставил завещания, и поэтому все отходит к ней. А это кругленькая сумма, более значительная, чем можно было ожидать.

— Я всегда предполагал, что дворецкие немного подрабатывают на стороне.

— Некоторые подрабатывают, а некоторые — нет. Но я никогда не слышал, чтобы какой-нибудь дворецкий скопил столько денег, сколько их оказалось у Доусона. Насколько мы можем судить, у него отложено что-то около двух тысяч фунтов. Причем эта сумма разбросана по разным банкам. Вам это о чем-нибудь говорит, сэр?

— В каких банках хранились деньги Доусона?

— В местном Почтовом сберегательном банке, в Банке сертификатов военного займа и в Карчестерском банке. Инспектор этому значения не придавал, а мне показалось это странным. Конечно, у каждого своя голова на плечах, и у каждого есть соображения о том, где разместить свои деньги, но все же мне хотелось бы знать, как он смог сколотить такую сумму. И всегда вносил наличные.

— По сколько же?

— Думаю, не помногу, но регулярно. Я предоставлю вам возможность ознакомиться с цифрами.

— Да, хорошо... то есть, пожалуй, нет. Лучше не стоит.

— Полковник Уотсон не стал бы возражать, сэр, если вас это беспокоит. Вы меня понимаете?

Мистер Эмберли мрачно улыбнулся.

— Вопрос в том, сержант, буду ли я на вашей стороне.

— Простите, сэр?

— А я не уверен, что буду на вашей стороне, — сказал мистер Эмберли. — Когда я все это обдумаю, я дам вам знать. А пока я хотел бы где-нибудь перекусить. Желаю вам успешного расследования!

Сержант смотрел вслед удалявшемуся Эмберли, и его лицо выражало глубокую растерянность. Начальник местной полиции полковник Уотсон, торопливо выходящий из зала суда, застал его задумчиво почесывающим голову.

— Сержант! Мистер Эмберли уже ушел?

Сержант в одно мгновение очнулся от задумчивости.

— Только что ушел, сэр. Он был в довольно шутливом настроении.

— Вы разговаривали с ним, не так ли? Это человек неупорядоченный, сержант, совершенно не сообразующийся с правилами. Полагаю, что в разговоре с вами он не более прояснил дело, чем в своих показаниях.

— Нет, сэр, не более. Мистер Эмберли ушел, настроенный весьма юмористически, — сказал сержант, тяжело вздохнув.

В «Грейторне» одна только Фелисити проявила большой интерес к результатам судебного следствия. Сэр Хэмфри, хотя и был мировым судьей, полагал неуместным вести разговоры на подобные темы в домашнем кругу, а леди Мэттьюз уже почти забыла об этом деле. Но когда Эмберли в этот день встретил в клубе Энтони Коркрена, последний горел желанием как следует обсудить дело. Он присутствовал на судебном следствии вместе с Фаунтинами и был неудовлетворен его результатами.

— Это что, конец? — спрашивал он. — Неужели больше ничего не будут делать?

— Нет-нет. Предстоит сделать много. Например, найти убийцу. Послушай, я собирался расспросить тебя кое о чем, но сперва хотел бы сыграть в гольф. Как ты на это смотришь?

— Я — за! — заверил Энтони. — Может быть, ценное решение придет во время игры?

Площадка для гольфа была большая, вытянутая в длину и изобиловала трудными участками. Мистер Коркрен предупредил приятеля, что обязательно нужно держаться прямого направления и первым своим ударом послал мяч в заросли дрока.

— Спасибо, Энтони, — сказал мистер Эмберли. — Пример всегда лучше, чем наставление.

Когда они закончили раунд, шел шестой час. Уже заметно темнело. В клубе, как обычно по будням, почти никого не было, и они без труда нашли себе уединенный уголок. После первой полупинты пива Энтони не мог говорить ни о чем другом, кроме как о своей привычке уводить мячи влево. Он припомнил заодно все случаи роковых уводов мяча, когда-либо имевших место на английских площадках для гольфа. Эта тема была исчерпана не ранее, чем Эмберли, следуя за рассказом Коркрена, проделал путь от Сандвича до Сэнт-Эндрьюса с заходом в Уэнтурт и Хойлэйк.

Эмберли дал ему еще несколько минут на анализ сегодняшней игры, а сам заказал еще пива. Когда принесли пиво, Энтони уже исчерпал тему гольфа и заговорил об убийстве.

— Совершенно убийство, — сказал он. — Что мы знаем об этом?

— Очень мало. В этом-то и загвоздка. Но скажи, чего боится братец Бэзил?

— А, ты заметил? Будь я проклят, если знаю это. Веселенькая атмосфера в доме, не правда ли? Чем скорее я вытащу оттуда Джоан, тем будет лучше.

— Кстати, когда ваша свадьба?

— В следующем месяце. И до этого времени я, видимо, буду пребывать там практически безвылазно. Предполагалось, что я отчалию после этих празднеств с карнавалом. Послушай, почему, когда затевается карнавал, женщины как будто сходят с ума? Даже Джоан! Скажи, Эмберли, неужели я похож на идиота, из которого можно сделать Фауста? — Фрэнк отрицательно покачал головой. — Вот и я говорю! Ну, хорошо, пусть будут танцы, но зачем нужно напяливать эти карнавальные костюмы? Впрочем, я хотел сказать о другом: о своем безвылазном пребывании. Так вот, я уже давно запланировал во вторник уехать, но Джоан хочет, чтобы я оставался подольше, и братец Бэзил жаждет этого.

— Ему что, приятно твое общество или он боится?

— Боится, — уверенно ответил Коркрен. — Он до смерти перепуган, и бог его знает, почему. Я знаю только, что он не хочет оставаться один в «Нортон Мэнор» и что испугался он после убийства.

— А вообще, что ты о нем знаешь?

— Очень немного. А что о нем можно знать? Хорошая семья, закончил закрытую школу и так далее и тому подобное. Всегда был хорошо обеспечен, как я понимаю, за счет старого Фаунтина, который сделал его своим наследником. Кое-что я вытянул у Джоан, когда мы болтали о том, о сем. Насколько я могу судить, братец Бэзил — сама добропорядочность. Никаких беспокойств, никаких долгов, никакого разгула. Этаким «добрым малым» — вполне заурядный. Культ простых удовольствий и физических упражнений. Стрельба, немного охоты, элегантная теннисная ракетка. Обожает спортивные игры на открытом воздухе. Дьявольски здоров. Когда мы с ним вместе были в Литтлхейвене, он каждое утро перед завтраком вытаскивал меня купаться. У него там одноэтажный домик. Все очень симпатично, кроме той чертовой лодки.

— Что это за лодка?

— Моторная лодка. Если верить Бэзилу, то в ней можно пересечь Ла-Манш, даже не почувствовав качки. Ну я, правда, не Ла-Манш в ней пересекал — возможно, как раз поэтому меня так укачало.

— Похоже, ты еще тот моряк! — засмеялся Эмберли.

— Что правда, то правда, — признался Коркрен. — Насколько я знаю, этой суперлодкой может пользоваться каждый. И Джоан в том числе. Но она ее терпеть не может, а это злит брата Бэзила. Да и вообще они не особенно ладят друг с другом. Хотя до того, как старый Фаунтин умер, отношения у них были вполне нормальные. Она утверждает, что все дело в «Мэноре». На самом деле, конечно, она просто не любит этот дом, поэтому и вбила себе в голову, что в нем что-то не так. Да еще ко всему прочему, и этот Коллинз действует на нервы.

— Вот-вот, Коллинз меня очень интересует, — сказал Эмберли. — Только он и Доусон остались служить в доме со времен «старого порядка»?

— Нет, почему же? Практически все слуги старые. Домоправитель служит там с незапамятных времен, повар, два садовника и целая стайка горничных, хотя о них я ничего не знаю. Может быть, они и сменились с тех пор, как старый Фаунтин сыграл в ящик. Но стойкие ветераны все на своих местах. Понятно, что братец Бэзил не является для них незнакомцем. Старик Джаспер очень его любил и часто приглашал погостить. Так что они все его знают и, кажется, неплохо к нему относятся. Вот, собственно, и вся информация.

— Я начинаю думать, что сержант прав, — заметил Эмберли. — Случай и впрямь странный. Похоже, скучать мне не придется.

— Ну что ж, Шерлок Холмс, если вам понадобится доктор Ватсон, то я к вашим услугам, — сказал Коркрен. — Кстати, ты помнишь Фреда Холмса? Такой веснушчатый парень из параллельного класса.

— Конечно, помню. А что с ним?

— Сейчас расскажу.

Коркрен пододвинул свой стул поближе, и разговор пошел совсем по другому руслу. Приятели окунулись в воспоминания о школьных годах. Беседа длилась час, но могла продолжаться и гораздо дольше, если бы Коркрен случайно не глянул на часы. Он чертыхнулся и двинулся к двери, бросив на ходу, что еще полчаса назад должен был забрать Джоан с чайного приема.

Эмберли, не слишком торопясь, последовал за ним. Он решил заехать на своем «бентли» в Верхний Неттлфорд, чтобы по пути домой купить табака для трубки. Выходя из табачной лавки, он увидел, что его автомобиль привлек внимание молодого человека. Темноволосый диковатого вида парень в серых фланелевых брюках, свитере с высоким воротом и твидовом пиджаке прислонился к машине и с мрачным видом разглядывал переключатели на приборной панели. Он был без шляпы, прядь черных волос небрежно свисала на лоб.

Эмберли задержался на пороге магазина, медленно набивая трубку и не спуская глаз с темноволосого парня.

— Вам чем-нибудь помочь? — осведомился Эмберли.

Взъерошенная голова повернулась.

— Мне... помогать не... надо, спасибо... — сказал парень заплетающимся языком.

— Это хорошо. Могу я отъехать?

Молодой человек не обратил на его слова никакого внимания.

— Знаете, что я сейчас сделал?

— Знаю, — откровенно сказал Эмберли.

— Я... я пил... пил чай... с одним парнем, — объяснил молодой человек.

— Крепкий был чай. Я бы на вашем месте направился домой.

— Во... вот это я и делаю, — отозвался юноша. — Это тот парень... я его встретил... на днях. Это хороший парень. Но Ширли... ей он не нравится. Что я скажу хазать... хочу сказать... Она такая снобиха, что куда там. Вот че я хочу сказать.

Слегка презрительная ирония в глазах мистера Эмберли вдруг исчезла, и в них загорелся живой интерес.

— Ширли? — переспросил он.

— Она самая, — кивнул юноша. Он смотрел на Эмберли мутным и чуть хитроватым взглядом. — Это моя сестра.

— Если вы сядете в мою машину, я отвезу вас к ней, — сказал мистер Эмберли.

Глаза юноши сузились.

— Кто вы такой? — требовательно спросил он. — Я не собираюсь ничего вам говорить. Понятно?

— Хорошо, хорошо, — дружелюбно сказал Эмберли. При этом ему удалось втолкнуть юношу в машину.

С этим пассажиром, однако, пришлось нелегко. Пока он что-то бессвязно бормотал, все шло хорошо, но когда он уже во второй раз выключил двигатель, Эмберли чуть было не потерял терпение.

Марк присмирел было под его разъяренным взглядом, но минуту спустя вдруг встрепенулся и попытался выскочить из машины. Казалось, ему была нестерпима мысль о том, что его похитили. С большим трудом Эмберли удалось его успокоить. Неожиданно он заговорил об убийстве.

Понять из его слов можно было очень мало, но Эмберли и не пытался заставить его выражаться яснее. Юнец несколько раз повторил, что его никто не сцапает, пробормотал что-то о скрытых опасностях и темных заговорах и громогласно заверил, что если кого-то и убьют, то только не его. Когда Эмберли вырулил на аллею, ведущую к «Плющевому коттеджу», молодой человек вдруг схватил его за рукав и сказал серьезно и вполне связно:

— Я в это не верил сначала. Ширли верила, а я ни на минуту не верил. Считал, что это розыгрыш. Теперь я вижу, что это не так. Мне нужно быть осторожным. Никому ничего не говорить. Не проболтаться.

— Я не проболтаюсь, — пообещал Эмберли, подъезжая к воротам коттеджа.

Он вышел из машины и направился к парадной двери по украшенной флажками дорожке. Он постучался, услышал в ответ собачий лай, и через несколько минут перед ним предстала Ширли Браун.

Увидев его, она явно испугалась, однако постаралась скрыть испуг.

— Разрешите узнать, что вам здесь надо, — бесцеремонно спросила она.

Мистер Эмберли не стал тратить время на деликатные намеки и иносказания.

— Мне надоело возить с собой вашего брата, и я решил, что лучше доставить его домой. Он в стельку пьян.

— О боже! Опять! — раздраженно сказала она. — Сейчас иду.

Она взглянула на него.

— Очень благородно с вашей стороны. Спасибо.

— Не беспокойтесь, — сказал Эмберли. — Я приведу его.

Он подошел к своей машине и открыл дверцу.

— Ваша сестра ждет вас.

Марк позволил вывести себя из автомобиля.

— Я ничего не сказал. Понятно? — забеспокоился он. — Вы ей передадите, что я ничего не сказал.

— Хорошо, — сказал Эмберли, помогая ему продвигаться на непослушных ногах прямо по тропинке.

Ширли взглянула на него.

— Ох! Ты лучше пойдешь проспись, — сказала она.

Взяв его за руку, она кивнула Эмберли:

— Спасибо. До свидания.

— Я зайду в дом, — сказал Эмберли.

— Нет, спасибо, я справлюсь с ним сама.

— Все же я зайду, — повторил он. Затем бесцеремонно отодвинул ее, ввел Марка в дом и стал помогать ему подняться по узенькой лестнице.

— В какую комнату? — бросил он через плечо.

Она стояла у подножия лестницы и смотрела на него, нахмутив брови.

— Налево.

Когда через несколько минут он спустился обратно, Ширли все еще стояла там, где он ее оставил. Она произнесла:

— Очень любезно с вашей стороны, что вы взяли на себя столько хлопот, но теперь я хочу, чтобы вы уехали.

— Я не сомневаюсь, что вы этого хотите. Где вы брали уроки изящных манер?

— Там же, где и вы, — огрызнулась она.

— Послушайте, при общении с вами нужен основательный запас терпения, — сказал он. — Вас, наверное, никто не шлепал как следует, когда вы были ребенком.

В ее глазах зажглась неожиданная для нее самой улыбка.

— Шлепали. И часто. Огромное спасибо, что привезли брата домой. Я так вам благодарна. И я просто в отчаянии, что не могу принять вас. К моему глубочайшему сожалению, сейчас я очень занята. Как это теперь звучит?

— Я предпочитаю первоначальный вариант. Вы могли бы пригласить меня в гостиную.

— Конечно, могла бы, но не собираюсь.

— В таком случае придется обойтись без приглашения, — сказал он и прошел внутрь дома.

Она двинулась за ним, разгневанная и изумленная одновременно.

— Послушайте, я допускаю, что очень обязана вам. Вы могли бы доставить мне массу неприятностей. Но это еще не дает вам право силой навязывать мне свое присутствие. Пожалуйста, уходите. Почему вы так настойчиво добиваетесь знакомства со мной?

Он окинул ее насмешливым взглядом.

— Я нисколько не добиваюсь знакомства с вами. Но меня заинтересовало убийство.

— О котором я не знаю ничего.

Он пожал плечами.

— Если уж вы лжете, мисс Браун, то лгите более правдоподобно. Будь у вас хоть капля здравого смысла, вы бы оставили вашу таинственность и рассказали мне, в какую игру вы играете.

— В самом деле? — Она вскинула брови. — И с какой же стати?

— А с той, что ваше упорное нежелание вести себя как должно убеждает меня в том, что вы что-то затеваете. Я не люблю нарушителей законов, и поэтому очень и очень намерен выяснить, в какие игры вы играете.

— Вы окажетесь очень умны, если сможете это сделать, — сказала она.

— Мой юный и заблудший друг, вам еще предстоит убедиться, что я значительно умнее всех, с кем вы когда-либо имели дело.

— Спасибо за предупреждение, но я ничего не затеваю, и тайн у меня нет.

— Вы забываете, что я провел целых полчаса в приятном обществе вашего брата.

На этот раз выдержка оставила ее. Она закричала с жаром:

— Воспользовались тем, что он пьян! Это грязно и низко!

— Вот так-то лучше, — сказал он. — Мы уже к чему-то движемся.

— Что он сказал вам? — требовательно спросила она.

— Ничего осмысленного, — ответил Эмберли. — Кроме того, как это ни удивительно, я не выпытывал и не собираюсь выпытывать секреты у пьяных мальчишек, как не собираюсь и притворяться сейчас перед вами, что мне известно больше, чем оно есть на самом деле, — брать вас на пушку, так сказать.

Она озадаченно посмотрела на него.

— Да? И почему же, скажите на милость?

— Из врожденной порядочности, — ответил мистер Эмберли.

— Марк мелет много чепухи, когда пьян, — сказала Ширли и помолчала немного. Казалось, она что-то обдумывает. — Интересно, что вы думаете обо мне?

— О вас? Пожалуйста, я скажу, если хотите, — упрямая и глупая девчонка.

— Все-таки не убийца, и на том спасибо.

— Если бы я думал, что вы убийца, вы бы сейчас не стояли передо мной, мисс Ширли Браун. Очевидно, что вы ведете какую-то игру, вероятнее всего, глупую и почти наверняка опасную. Если вы будете отпускать своего брата одного в город, то очень скоро окажетесь в полиции. Как сообщник он никуда не годится.

— Может быть, — сказала она. — Но мне не нужно сообщника. Я люблю играть в одиночку.

— Ну что ж. Тогда всего хорошего. До встречи.

— Вы, надеюсь, не хотите сказать, что собираетесь еще встречаться со мной.

— Боюсь, вам придется видеть меня чаще, чем хотелось бы, — усмехнулся мистер Эмберли.

— Сегодня я в этом убедилась, — медовым голосом ответила она.

Он был уже в дверях, но при этих словах обернулся.

— В таком случае мы — товарищи по несчастью, — сказал он и вышел.

Она внезапно рассмеялась и побежала за ним до двери.

— Вы чудовище. — Крикнула она вдогонку. — Но, пожалуй, вы мне нравитесь.

Мистер Эмберли бросил короткий взгляд через плечо.

— Жаль, что не могу вернуть вам этот комплимент, — ответил он, — но честность заставляет меня сказать, что вы мне совсем не нравитесь. Всего хорошего.

— Странно, насколько простая полоска черного бархата изменяет людей, — заметил Коркрен, критически обозревая толпу участников карнавала. — Я уже трижды обозначился.

Эмберли раскачивал свою маску, держа ее за завязки.

— Всегда можно узнать человека по голосу.

— Не всегда. О черт!

— Что случилось?

— Опять этот проклятый меч, — вознегодовал Фауст. — Он все время мне мешает. Я не могу танцевать, не могу даже шага ступить, чтобы не ткнуть кого-нибудь в голень. Попробую немного погодя оставить его где-нибудь. Может быть, повезет, и Джоан этого не заметит.

Джоан, ослепительно красивая Маргарита, в этот момент протанцевала мимо них в паре с арабским шейхом. Она успела заметить обоих друзей, стоящих в дверях зала, и выскользнула из танца, увлекая за собой партнера.

— У вас что, нет партнерши на этот танец? — озабоченно спросила она. — Покажите, кому вам бы хотелось быть представленными.

— Душенька моя, я не могу танцевать с этим мечом, — захныкал Коркрен. — Из-за него я совершенно не пользуюсь успехом.

— Это вы мягко выражаетесь, — сказал шейх. — Из-за нашего меча на моей икре не хватает целого дюйма кожи.

— О боже! — воскликнула Джоан страдальческим голосом. — Дорогой, неужели ты не можешь отводить его в сторону?

— Могу, — ответил Фауст. — Я бы вообще мог оставить его в сторонке — пусть себе полежит.

— Но с мечом ты очень хорошо смотришься, — вздохнула она. — Только нужно положить руку на рукоять, вот так.

— В лучших домах, — вмешался в разговор Эмберли, — никогда не считалось хорошим тоном танцевать с мечом на боку.

— В самом деле? — засомневалась Джоан. — Но я видела картины...

— Все, с меня довольно, — заявил Фауст, собравшись уходить. Поворачиваясь, он задел мечом какого-то совсем незнакомого мужчину, который гневно посмотрел на него и в ответ на извинение ледяным голосом заверил, что все в порядке.

— Я уже трижды ткнул мечом в этого типа, — шепотом сказал Фауст.

— Да, пожалуй, без него тебе лучше, — неохотно признала Джоан и тут же переключила внимание на Эмберли:

— Вы разве не знаете, что нельзя снимать маску до полуночи, — отчитала она его.

Эмберли надел маску.

— Почему эти маски так обязательны, Маргарита? — спросил он.

— Вы считаете, что можно было бы просто всем надеть домино? Но я хотела устроить именно бал-маскарад с костюмами и масками. Без масок не интересно.

— Но я вижу, что ваш брат без маски, — заметил шейх, кивнув в ту сторону, где Фаунтин в костюме кардинала разговаривал с мадам Помпадур.

— Это потому, что он хозяин дома. Не найти ли вам партнера, Мефистофель?

Эмберли посмотрел на девушку, стоящую на противоположной стороне зала.

— Представьте меня Контадине, — попросил он.

Джоан поглядела в сторону девушки в костюме поселяночки.

— Да, конечно, но я не знаю, кто она.

— По-моему, Китти Кросби, — подсказал шейх.

— По-моему, Китти нарядилась цыганкой.

— Разве? Ну, тогда это, может быть, мисс Хэлифлекс. Хотя нет, пожалуй, и не она.

Джоан подвела его к Контадине.

— Позвольте представить вам Мефистофеля, — сказала она, улыбаясь.

Глаза Контадины сверкнули сквозь прорези маски. Она поклонилась и бросила быстрый взгляд на стоящую перед ней фигуру в алом наряде.

— Потанцуем? — предложил Эмберли.
— С удовольствием, — ответила она.
Они вышли к танцующим и встали в позу для танца. Она хорошо танцевала, но не проявляла никакого желания разговаривать. Эмберли вел ее сквозь лабиринт движущихся пар.
— Интересно, вы мисс Хэлифлекс или мисс Кросби?
Контадина скривила алые губки и только вздохнула, сказав:
— Ах!
— А может быть, вы ни та, ни другая? — допытывался Эмберли. Ее изящная ручка слегка пошевелилась.
— Вы увидите, кто я, когда все сбросят маски, Мефистофель.
— Очень любопытно.
Он почувствовал на своем лице ее пристальный изучающий взгляд и улыбнулся ей.
— Это все похоже на толпу. Вам не кажется? Как вы думаете, — спросил он, — могут ли Фаунтины знать каждого из собравшихся здесь сегодня?
— О да! Безусловно.
— Но в наше время многие ходят без приглашения, — проворковал он.
— Я не думаю, чтобы такое было возможно в провинции.
— Вы, видимо, знаете об этом больше, чем я, — вежливо согласился Эмберли.
Музыка кончилась. Мистер Эмберли не стал аплодировать, а повел свою партнершу к двери.
— Разрешите, я принесу вам что-нибудь из напитков, — предложил он. Показав взглядом на диван, стоящий в нише у стены, он сказал:
— Подождите меня здесь.
Немного поколебавшись, она пожала плечами.
— Очень хорошо.
Вернувшись с двумя бокалами, он нашел ее сидящей на диване.
— Вы не исчезли, — с удовлетворением сказал он и протянул ей один из бокалов.
— Почему я должна была исчезнуть? — холодно спросила она.
— Я думал, что вы уже потеряли терпение. Вокруг столов с закусками такое столпотворение. Он сел рядом с ней.
— Вы мне кого-то напоминаете, — задумчиво сказал он. — Но вот кого?
Она сделала маленький глоток.
— Забавно, — сказала она. — А я вас совсем не знаю. Вы ведь не из наших краев?
— О нет, — ответил он. — Я — перелетная птица. Сейчас я гощу у Мэттьюзов.
— Да? И надолго вы к ним?
— Нет. Вот только выясню одну вещь, которая меня интересует.
Она слегка склонила голову к плечу.
— Вот как? Звучит интригующе.
Он посмотрел на нее сверху вниз.
— Нет, пожалуй, вы не та девушка, о которой я подумал.
— Нет? Кто же она?
— Вряд ли вы ее знаете. Так, одна очень молодая и не очень умная особа.
Она вся напряглась.
— Вот как? Не могу сказать, что вы мне польстили.
— Но разве я не сказал, что вы не та девушка? Давайте лучше поговорим о другом. Вы любите стрелять?
— Никогда не пробовала, — ответила она, стараясь сохранять спокойный тон.
— Неужели? Как странно, но из десяти девушек девять скажут, что никогда не имели дело с огнестрельным оружием. — Он предложил ей сигарету. — Правда, бывают и исключения из правила. Недавно я встретил девушку, у которой при себе был очень практичный автоматический пистолет. С полной обоймой.
Она взяла сигарету из протянутой им пачки; ее рука не дрогнула.
— В наши дни, может быть, и разумно носить с собой пистолет в вечернее время, — сказала она.
Зажигая для нее спичку, он чуть задержался с ответом.

— Разве я говорил, что это было в вечернее время? — удивленно спросил он.
— Я просто предположила, что это было вечером, — ответила она довольно резко. — Разве я ошиблась?

Эмберли поднес спичку к кончику ее сигареты.

— Не ошиблись. Это действительно было вечером, — согласился он.

Она выпустила кольцо дыма и слегка повернула голову, чтобы лучше его видеть.

— Я пытаюсь определить, кто вы, — сказала она. — Вероятнее всего, репортер из газеты.

Он улыбнулся, и она увидела, как блеснули его зубы.

— Интересно. Почему вы так подумали? — спросил он.

Она мотнула головой, отказываясь отвечать.

— Не хочу быть грубой, — сказала она нежным голосом. — Так вы репортер?

— Нет, моя прекрасная леди, я адвокат.

Он почувствовал, что она нахмурилась.

— Адвокат? — переспросила она.

— По уголовным делам, — пояснил Эмберли.

Она резко поднялась.

— Это, должно быть, очень интересно, но мне нужно вернуться в зал. Я была заранее приглашена на этот танец. — Она помолчала несколько секунд, а затем он заметил, как ее губы скривились в презрительной усмешке. — Хочу похвалить ваш костюм. Он прекрасно подходит вам.

Мистер Эмберли пожал плечами. Он посмотрел, как она прошла через зал, и отправился искать кузину.

Незадолго до того он видел ее наверху в компании молодого человека, не сводящего с нее влюбленных глаз. Мистер Эмберли был нелестного мнения о молодых людях, и поэтому решил прервать их *tete-a-tete* и напомнить Фелисити, что начинающийся танец она обещала танцевать с ним. Пробравшись между парами, занявшими почти всю лестницу, он попал в холл верхнего этажа. В нем были расставлены стулья, а многочисленные ширмы разбивали его на небольшие закуточки, где можно было отдохнуть от танцев и поговорить. С одной стороны от холла была широкая лестница, освещенная большим окном и множеством светильников; с другой стороны — сводчатый проход. Далее перпендикулярно проходу шел широкий коридор. Предположив, что его кухня может находиться в картинной галерее, расположенной, как ему говорили, в задней части дома, Эмберли через сводчатый проход вышел в коридор и посмотрел направо и налево.

В правой части коридора горел свет, тогда как левая была затемнена, потому что эту часть дома сегодня не использовали. Эмберли понял, что левая часть коридора ведет к помещениям для слуг и черному ходу, и повернул направо.

Пол был покрыт ворсистым ковром, заглушавшим звук шагов. В коридор выходило несколько дверей, расположенных на довольно большом расстоянии друг от друга. На одной из дверей была надпись: «Дамская гардеробная». Мебель здесь значительно отличалась от тех массивных изделий из красного дерева, которые портили интерьер нижних гостиных. По всей вероятности, покойный мистер Фаунтин предпочитал солидную продукцию своего времени этой изящной мебели более раннего периода. Его наследник, видимо, также не собирался отдавать предпочтение этим предметам искусства перед столами и стульями викторианской эпохи.

На белых стенах висели картины в тяжелых золоченых рамах. Мистер Эмберли, который немного разбирался в живописи, разглядывал их, проходя мимо, и вдруг остановился перед прекрасной картиной работы Рейнолдса². В то время как он задумчиво рассматривал картину, из галереи, в которую выходил коридор, появился хозяин дома.

Фаунтин в этот вечер был в прекрасном расположении духа. Наслаждение, которое он получал от бала, было искренним и безграничным. Он беззаботно прохаживался среди гостей — гостеприимный хозяин — веселый, радушный и любезный.

Увидев Эмберли, он тотчас подошел и похлопал его по плечу.

² Рейнолдс Джошуа (1723–1792) — английский живописец и теоретик искусства. Писал исторические и мифологические сцены.

— Нет-нет, так не годится, Мефистофель, — шутливо сказал он. — Почему вы не танцуете? Только не говорите мне, что не с кем!

— Мне есть с кем танцевать. Я как раз разыскивал ее и остановился посмотреть ваши картины. Вашей коллекции можно позавидовать.

— В самом деле? — улыбнулся Фаунтин. — Я сам не большой любитель этого рода живописи. В кабинете у меня есть несколько прекрасных охотничьих эстампов. Вот они в моем духе. Хотите взглянуть?

— Я предпочитаю это, — ответил Эмберли, продолжая любоваться картиной Рейнолдса. — Что за женщина изображена на картине?

— Мой дорогой друг, я не имею об этом ни малейшего представления. Думаю, одна из моих прабабушек. Обратите внимание на ее густые брови. Это фамильная черта. Недурна, не правда ли? Вам лучше спросить о ней у моей домоправительницы. Она знает о наших почтенных предках гораздо больше, чем я.

Эмберли отвернулся от портрета и сказал, что бал явно удался.

Фаунтин выглядел польщенным.

— Кажется, все идет хорошо, не правда ли? Наверное, это ужасно глупо, но я чувствую себя еще достаточно молодым, чтобы получать удовольствие от таких вещей. Когда вокруг меня много жизнерадостных людей, когда они собираются на веселую вечеринку с хорошей музыкой, танцами и всем прочим, я забываю о своих заботах и тревогах. Может быть, вам будет смешно, но мне это нравится. И всегда нравилось.

— У вас много тревог? — непринужденно спросил Эмберли. — Что-то непохоже.

Лицо Фаунтина стало печальным.

— У каждого свои тревоги, — сказал он. — С таким домом, как этот, всегда связано много беспокойства.

— Наверное, вы правы. Похоже, вам не по душе этот дом?

— Вы угадали, — сказал Фаунтин с чувством, — я ненавижу его. А раньше думал, что люблю, радостно предвкушал, что когда-нибудь буду здесь жить. Теперь же иногда молю Бога, чтобы дал мне возможность очутиться в моей городской квартире без всех этих забот, связанных с имением, которые претят мне.

— Да, я очень хорошо понимаю вас. Но все же, мне кажется, в вашем положении есть и свои привлекательные стороны.

Рот Фаунтина скривился в тонкой мрачноватой улыбке.

— О да! Здесь есть положительные моменты, — сказал он, — как, например, перспектива стать главным землевладельцем прихода. Послушайте, вы уверены, что мне не нужно знакомить вас с какой-нибудь чаровницей? Нет? Ну, хорошо, я должен вернуться в зал. Желая вам найти вашу беглянку.

Он пошел по коридору, а Эмберли, не спеша, направился к картинной галерее, где и обнаружил Фелисити.

Снятие масок должно было произойти в бальном зале в полночь, непосредственно перед ужином. Примерно за двадцать минут до полуночи люди начали скапливаться в холле и бальном зале, покидая местечки у каминов наверху ради самой забавной части карнавала. На верхнем этаже, где только что звучали смех, разговоры и шаги, воцарилась тишина.

Бесшумно открылась дверь в широкий коридор и показалась девушка. С минуту она вглядывалась в темноту дальнего конца коридора. Никого не было видно. В картинной галерее еще горел свет, но уже не было слышно никаких голосов. Смешанные звуки доносились только снизу, из холла и бального зала.

Контадина, персонаж итальянской комедии масок, медленно кралась по коридору, словно ища что-то. Глаза висевших на стенах портретов смотрели на нее, как бы следя за тем, что она будет делать. Она подошла к сводчатому проходу и сквозь него заглянула в холл. Там было пусто. Она немного помедлила и вдруг нервно оглянулась. Ей показалось, что кто-то наблюдает за ней. Но позади никого не было. Контадина пошла дальше и остановилась у старинного буфета, протянула руку, как бы собираясь потрогать его, и тут же отдернула ее. Ей был нужен не буфет, а нечто другое.

Почти в самом конце коридора узкий пучок света из открытой двери падал на противоположную стену, захватывая угол высокого орехового комода. Девушка увидела его и пошла вперед. В открытую дверь была видна лестница черного хода. Она заглянула туда, но и здесь никого не было. Она еще раз оглянулась, скользнула к комоду и, стараясь не шуметь, выдвинула нижний ящик. Он легко и бесшумно выдвинулся, но при этом звякнули бронзовые ручки. Этот негромкий звук заставил ее боязливо вздрогнуть.

Ящик был пуст. Девушка просунула руку и дрожащими пальцами ощупала его дальнюю часть.

Вдруг что-то заставило ее взглянуть вверх. У нее перехватило дыхание, а шарящая по ящику рука застыла. На освещенной части стены появилась тень. Тень головы мужчины.

В течение нескольких секунд глаза девушки были прикованы к этой тени. Ни один звук не выдавал присутствия человека, но тем не менее за ее спиной кто-то стоял. Кто-то следил за ней.

Она медленно, дюйм за дюймом, задвинула ящик. Ее горло пересохло, колени дрожали.

— Вы что-то ищете, мисс? — Вопрос был задан ровным голосом, в котором, однако, слышалась угроза.

Она обернулась. Ее лицо под маской смертельно побледнело. Позади нее в дверях неподвижно стоял камердинер.

Она постаралась придать голосу по-возможности большую уверенность:

— Как вы меня напугали! Я люблю эту чудесную старую мебелью. Вы не скажете, это комод стиля Уильяма и Марии³?

Он медленно перевел взгляд на комод, а затем обратно на ее лицо. Мышцы его плотно сжатого рта расслабились, выдавив странную и неприятную улыбку. В ней было какое-то торжествующее злорадство. У девушки возникло ощущение, что ее кожу протыкают иголками, однако, сохраняя спокойствие, она стояла и ждала.

— Этот комод? — тихим голосом спросил Коллинз.

Она сделала непроизвольное глотательное движение.

— Да. Не знаете ли вы, к какому периоду он относится?

Он протянул руку и небрежным движением провел по полированной поверхности. Его улыбка стала шире.

— Нет, мисс, — сказал он вежливо, — боюсь, что не знаю. А вас это интересует, не правда ли?

— Меня это интересует. Наверное, нужно спросить об этом у мистера Фаунтина.

В это время послышались звуки шагов по каменным ступеням. Женский голос позвал:

— Мистер Коллинз! Вы наверху? Мистер Коллинз, вы идете? Через несколько минут начнется ужин. Нужно поставить шампанское на лед.

Он повернул голову, улыбка исчезла с его лица.

— Я спущусь через минуту, Алиса.

Он посмотрел на девушку, прищурил глаза и как бы размышляя, как с ней поступить.

— Думаю, вам лучше спуститься вниз, мисс, — сказал он. — Сюда, пожалуйста.

Коллинз пошел по коридору вперед, ей не оставалось ничего другого, как последовать за ним. Он подвел ее к парадной лестнице и, шагнув в сторону, остановился, пропуская девушку вперед.

Она медлила, лихорадочно соображая, под каким бы предлогом вынудить его спуститься вместе с ней.

Высокий грузный человек в алом костюме вел беседу с Марией — королевой шотландцев, стоя с ней на середине лестницы. Он оглянулся вокруг и увидел камердинера. Сердце девушки испуганно забило: человек в алом костюме был хозяином дома, а время снятия масок приближалось. Она скользнула мимо него вниз по лестнице и спустилась в холл.

— О, это вы Коллинз! Вы мне нужны, — сказал Фаунтин.

На лице камердинера мелькнула тень досады и сразу же исчезла.

— Да, сэ, — сказал он и проследовал вниз вместе со своим хозяином.

Контадина незаметно взглянула на большие дедовские часы. До полуночи оставалось меньше пяти минут. Она бессознательно сжимала и разжимала пальцы рук, прятаящиеся в складках ее наряда. Фаунтин вместе с Коллинзом прошли через холл в столовую и остановились в дверях.

³ Стиль английской мебели (конец XVII — начало XVIII в.), получивший свое название по именам короля Уильяма III и королевы Марии II.

Фаунтин, видимо, давал ему какие-то указания. Хотя камердинер и не смотрел в ее сторону, она знала, что он все равно следит за ней. В это время к Фаунтину подошли два гостя; камердинер поклонился и прошел в столовую.

Контадина сразу же начала протискиваться сквозь толпу в холле на лестницу. Возможно, в столовой была еще и другая дверь, ведущая в заднюю часть дома, где размещалась кухня, но девушка не могла упустить представившуюся возможность.

Арлекин, с которым она танцевала в начале вечера, остановил ее, когда она пыталась проскользнуть мимо. Он весело показывал на часы, проявляя желание оставить девушку рядом с собой до снятия масок. На часах было без одной минуты двенадцать. Она упорхнула от него, сказав в оправдание, что забыла кольцо в комнате для переодевания. Когда она достигла верха лестницы, часы начали отзванивать мелодию. Она стремглав ринулась к сводчатому проходу.

В коридоре было тихо и пустынно. Дверь, ведущая на лестницу черного хода, все еще была полуоткрыта. Она подошла к двери, быстро заглянула за нее и с глубоким вздохом облегчения закрыла. Дверь защелкнулась, полоска света исчезла. Молодая женщина подошла к комоду и выдвинула тот ящик, который уже начала исследовать раньше. Напряженно прислушиваясь, не послышатся ли шаги на лестнице, она одновременно лихорадочно работала руками, нажимая на заднюю стенку ящика, скребясь по ней ногтями. Наконец там что-то пришло в движение. Фальшивая задняя стенка отодвинулась, открыв тайник. Девушка просунула в него руку, но тайник был пуст.

Какой-то момент она оставалась неподвижной, продолжая держать руку в ящике комода. Потом медленно отвела руку и поставила на место фальшивую стенку. Ее рот искривился в горькой усмешке. Она задвинула ящик.

— Любуемся мебелью? — прозвучал чей-то протяжный голос.

Она вздрогнула от неожиданности и резко обернулась. В сводчатом проходе, прислонясь к стене, стоял мужчина в костюме Мефистофеля со снятой маской в руке.

Ее сдавленный стон был нервной реакцией на испуг.

— Вы! — задышавшись от волнения, воскликнула она. — Вы следили за мной!

— Почему бы и нет? — сказал он.

Не зная, что ответить, она смотрела на него, прислонившись спиной к комоду.

— Вы всегда осматриваете мебель в домах, которые посещаете? — Непринужденным тоном спросил Эмберли.

Она попыталась взять себя в руки.

— Я интересуюсь мебелью различных эпох.

— В самом деле? — Он сделал шаг вперед и увидел, как она напряглась. — Я не могу похвастаться познаниями в этой области. Однако мне было бы очень любопытно узнать, что вас заинтересовало внутри комода.

Она ответила, пытаясь говорить раскованно.

— Видите ли, я не собиралась залезать в ящик. Я только хотела посмотреть... легко ли он выдвигается. Я ничего не украла, если вы намекаете на это. Там, кстати, и нечего украсть.

— Кажется, вам не повезло? — заметил он.

В холле послышались шаги, а вместе с ними — шумный голос Фаунтина:

— Минуту, господа! Я хочу поискать в картинной галерее. Ага! Мисс Эллиот, это вы. Вас выдает ямочка на подбородке. Вы не смогли ее замаскировать!

Контадина стояла, как статуя, но в ее глазах, устремленных на Эмберли, читалась отчаянная мольба.

Фаунтин вошел в коридор, мурлыкая какую-то танцевальную мелодию. Он уже собирался повернуть направо к картинной галерее, как вдруг заметил парочку, стоящую на другом конце коридора, и остановился.

— Привет! — удивленно сказал он. — Что это вы тут делаете? Эмберли быстро глянул на девушку, затем повернулся к Фаунтину и ответил:

— Привет! Любуемся комодом. Каким периодом он датируется?

— О господи! Какой вы, однако, любитель старины! — удивился Фаунтин. — К сожалению, я не имею об этом ни малейшего представления. Знаю только, что такую мебель вполне можно выставлять в музеях. Но вообще высокие комоды, по-моему, дрянь. Если вы положили какие-то

вещи в верхние ящики, то, чтобы достать их, обязательно нужно влезть на что-нибудь, иначе не дотянешься. Но, мой дорогой, сейчас не время заниматься мебелью. Нет, нет, уже полночь. Маски долой! Кто эта прелестная леди?

Он стоял рядом с Контадиной, огромный и веселый, и уже протягивал руку, чтобы снять с нее маску, но мистер Эмберли неожиданно остановил его.

— О нет! — сказал Он, взяв руку Фаунтина за запястье. — Это моя привилегия. Вы здесь лишний.

Фаунтин расхохотался.

— Я лишний? Ну, хорошо, хорошо. Не буду портить вашу игру. Комоды, понимаете ли! Расскажите это своей бабушке.

— Бэзил, идите сюда! — позвал чей-то голос со стороны лестницы, и Фаунтин пошел обратно, бросив через плечо:

— Придется оштрафовать вас, Эмберли, за то, что ваша дама была в маске после полуночи.

Фаунтин удалился. Контадина облегченно вздохнула.

— Почему вы это сделали? — спросила она. — Почему вы не дали ему снять с меня маску?

— Вы должны быть благодарны мне за это, — сказал Эмберли.

— Я благодарна, но почему вы сделали это? Я прекрасно знаю, что вы мне не верите.

— Ни на грош, — подтвердил мистер Эмберли. — Но я знаю, что делаю.

— Если вы думаете, что я воровка, а заодно и убийца, то почему вы не отдадите меня в руки полиции? — с горечью спросила она.

— Видите ли, — неторопливо начал мистер Эмберли, — если уж я сгруппировал и сразу не сообщил в полицию о том, что вы присутствовали на месте убийства, то как-то неловко делать это теперь. А кроме того, кто я, собственно, такой, чтобы ставить под сомнение ваш интерес к древностям?

Она подняла руку и сорвала маску. Ее лицо пылало, в глазах был гнев.

— Я вас ненавижу! — вскричала она. — Вы выгораживаете меня только потому, что вам интересно поиграть в детектива.

— Совершенно верно, — согласился Эмберли.

Она была готова броситься на него с кулаками.

— Пойдите и скажите Фаунтину, что я проникла сюда обманным путем без приглашения, и что я — воровка. Лучше пусть будет так. Лишь бы вы не ходили за мной повсюду и не шпионили.

— Я нисколько не сомневаюсь, что вы предпочли бы такой вариант, — ответил он. — Но что это даст, если я выдам вас Фаунтину? Вам просто-напросто укажут на дверь. Мне это ни чуточки не поможет.

Она хотела уйти, но задержалась, чтобы сказать:

— Хорошо! Но если вы думаете, что вам удастся что-либо разузнать обо мне, вы ошибаетесь.

— Хотите пари? — спросил он.

Но она уже удалилась. Мистер Эмберли усмехнулся, поднял оброненный ею платок и не спеша направился к холлу.

5

Мистер Эмберли, придя в состояние лени, которое Фелисити считала отвратительным, большую часть следующего утра провел в саду в блаженнейшей дремоте. Яркое утреннее солнце побудило всегда оптимистически настроенную Фелисити повесить гамак. Мистер Эмберли одобрил эту идею, и через час после завтрака Фелисити нашла его растянувшимся в этом гамаке. Фелисити попыталась выжить его оттуда, но это ей не удалось, и, преисполненная презрения, она отправилась играть в теннис.

Однако мистеру Эмберли не суждено было долго пребывать в покое. Вскоре после полудня из дома вышла его тетушка и, подойдя к нему, ткнула в бок зонтиком, которым она пользовалась для защиты от солнца.

Он открыл глаза, посмотрел на нее с молчаливым негодованием и снова закрыл их.

— Дорогой Фрэнк! Извини меня за беспокойство, но тебе придется встать. Надо сделать одно неприятное дело.

Не открывая глаз, Фрэнк пробормотал фразу, которую знал наизусть:

— Бриджесы не прислали рыбу, и если я не буду хорошим мальчиком и не съезжу за ней в Верхний Неттлфолд, мы останемся без ленча.

— Не угадал. Ничего подобного. По крайней мере, хочется надеяться. Но этот человек докучает твоему дяде.

— Какой-то человек? — спросил мистер Эмберли.

— Полковник Уотсон. Он у нас в гостиной, и я не знаю, пригласить его к ленчу или не стоит.

Мистер Эмберли стряхнул с себя сонливость, сел, свесив с гамака длинные ноги, и произнес:

— Я прощаю вас, тетушка. Было очень любезно с вашей стороны прийти и предупредить меня. Я, пожалуй, возьму книгу и скроюсь в сарае. И ни в коем случае не приглашайте его к ленчу.

Леди Мэттьюз улыбнулась.

— Я сочувствую тебе, мой дорогой. Очень сочувствую. Но я пришла не для того, чтобы дать тебе возможность скрыться. Он разговаривает с твоим дядей уже полчаса. Про золотой стандарт. Совершенно непонятно и очень некстати. Он приехал по делу. Якобы обсудить какие-то правовые вопросы. Но он здесь не для этого.

Ах, если бы он сразу сказал Хэмфри, что хочет видеть тебя! Мы это только сейчас поняли. Прямо он этого не сказал, но интуиция мне подсказывает. Иди, мой дорогой. Держись с ним поглубже, и он не захочет остаться на ленч.

— Хорошо, тетя. Я буду очень грубым, — согласился Эмберли и окончательно вылез из гамака.

— Очень мило с твоей стороны, Фрэнк, но, может быть, все-таки не стоит? — тут же засомневалась тетушка.

Когда Эмберли появился в гостиной, проникнув туда через высокое окно, реакция начальника полиции представляла собой замечательную смесь изумления от неожиданной встречи и дружеского приветствия.

— Хэлло, Эмберли! — сказал он, вставая и пожимая руку Фрэнку. — Так вы еще здесь! Какой приятный сюрприз! Как поживаете?

— Погряз в апатии, — ответил Фрэнк, — живу, проснувшись только наполовину, не более того.

Казалось, что такое начало разговора вполне устраивает полковника. Он засмеялся и сказал:

— Погряз в апатии! Я уверен, это не означает, что вы скучаете.

— Пока еще нет, — ответил мистер Эмберли.

Его дядя внезапно рассмеялся, пытаясь скрыть смех кашлем.

— Не хотите ли чем-нибудь занять ваши мысли? — спросил полковник с иронией. — Может быть, вам стоит испытать себя в нашем маленьком деле об убийстве?

Мистер Эмберли отнесся к этому предложению, как к шутке, после чего полковник Уотсон переменил свой тон и сказал:

— Серьезно, мой дорогой друг. Я был бы очень рад, если бы вы протянули нам руку помощи. Это интереснейшее дело. Как раз в вашем духе.

— Очень любезно с вашей стороны, сэр, но, я думаю, вы сами не захотите, чтобы любитель лез в вопросы, требующие высокопрофессионального подхода.

Полковник понял, что ему не нравится мистер Эмберли и никогда не нравился. Жесткие глаза Эмберли всегда смотрели пристально и с презрением как бы сквозь человека, а ироническая улыбка была для полковника самым сильным раздражителем на свете. Этот парень всегда был чертовски самонадеян. Это факт. Ясно, что он не собирается просить о разрешении на участие в расследовании этого дела. Сейчас полковник с невообразимым удовольствием перевел бы разговор на самые обычные темы, поболтал бы немного и уехал, заставив этого невыносимого молодого человека пожалеть о своем нахальстве, но он с некоторой грустью сознавал, что не слишком умен, чтобы проучить Эмберли, и тешил себя надеждой, что все же умен достаточно, чтобы не действовать во вред себе. Конечно, инспектору легко говорить, что они раскроют преступление, как только получат необходимые данные, но полковник Уотсон не очень-то высоко оценил способности инспектора; он хорош для рутинной работы. Да, он способный человек, но не стоит обманываться — такие дела совсем не для него. Конечно, инспектор не хочет прибегать к помощи Скотленд-Ярда, и полковник вполне согласен с ним, он и сам не хочет обращаться в

Скотленд-Ярд. Полковник терпеть не мог этих высококвалифицированных деятелей из Скотленд-Ярда, сразу по прибытии начинающих сетовать на то, что их не вызвали раньше, пока след еще не простыл, и тут же пытающихся взять все дело в свои руки. Если спокойно взвесить все за и против, то окажется, что эти люди еще хуже, чем Фрэнк Эмберли. Да, он намного грубее их, потому что они всячески стараются скрыть свое презрение; он же без колебаний называет виновным того, кого считает виновным. Но Эмберли, по крайней мере, никогда не пытается низвести их до положения младших школьников, и — надо отдать ему справедливость — не стремится присвоить себе все заслуги. Примером этому является дело Билтона.

Полковнику не следовало обращаться за советом к непрофессионалу. Это было нарушением, а он этого не любил. Ему нужно было поступиться своей гордостью и сразу же обратиться в Скотленд-Ярд. Он позволил себе пойти на поводу у инспектора, а теперь уже не решался просить помощи у Скотленд-Ярда; прошло уже слишком много времени, и теперь обращение в Скотленд-Ярд грозило бы многими неприятностями. В общем и целом выходило, что намного лучше привлечь к расследованию этого дела молодого Эмберли. Впрочем, не так уж он и молод. Полковник подумал, что ему должно быть около тридцати пяти лет. Все-таки еще молод, чтобы насмеяться над старшими. Однако не стоит обращать на это внимание. Нельзя отрицать, что парень чрезвычайно проницателен. Да, уж лучше молодой Эмберли, которого в Скотленд-Ярде прекрасно знают, поэтому его помощь не будет выглядеть, как помощь постороннего человека. И, надо признать, раскрытие дела Вилтона он провел мастерски.

Инспектор, конечно, придет в ярость. Он не забыл, как этот молодой дьявол направил его по ложному пути, а потом объяснил, что сделал это специально, чтобы тот не путался под ногами.

При этом воспоминании на сосредоточенном лице полковника появилась улыбка. Он хорошо помнил, какая физиономия была тогда у инспектора. А ведь Эмберли правильно поступил. Инспектор же вел себя тогда, как самодовольный осел. Даже если он не будет в восторге от участия Эмберли в новом деле, ему все же, черт возьми, придется смириться с этим. Догадливый полковник подозревал, что этот беспокойный молодой человек уже разнюхивает что тут и как по собственной инициативе. Что ж, если он хочет влезть в расследование, пусть лучше делает это с подачи полиции.

Он поднял глаза и с досадой увидел, что мистер Эмберли стоит, прислонившись к оконной раме, и смотрит на него все с той же ненавистной иронической улыбкой. Вот черт! Все-таки надо его время от времени ставить на место, только на пользу пойдет.

— Послушайте, Эмберли, — резко сказал он. — Я хочу предложить вам вместе с нами принять участие в расследовании этого дела.

— Я знаю, что вы этого хотите, — ответил мистер Эмберли, продолжая улыбаться.

— Фрэнк, веди себя прилично! — возмутился сэр Хэмфри.

— Ничего, Мэттьюз, мне не привыкать к его бесцеремонности, — сказал полковник. — Нам уже приходилось работать вместе. Но признайтесь, Эмберли, ведь вы хотели бы сунуть палец в этот пирог?

— Признаюсь, — сказал Фрэнк. — Уже сунул.

— Я так и думал. Но вы же понимаете, голубчик, что мы не можем допустить вмешательства посторонних в это дело. Думаю, нет необходимости напоминать вам об этом.

— Абсолютно никакой. Я не буду вмешиваться.

— Нет-нет! Вы неправильно меня поняли. Я не то хотел сказать.

— Я прекрасно вас понял, полковник. Вы хотите, чтобы я поработал на полицию. Это является серьезным нарушением правил.

— Возможно, возможно! Но ведь вы уже работали с нами раньше. Данный случай должен заинтересовать вас. Это одно из самых непостижимых дел, с которыми мне только доводилось сталкиваться.

— Вот как! — сказал мистер Эмберли. Он протянул руку к открытой пачке сигарет, взял одну и начал постукивать по ней ногтем.

— Пожалуй, мне не хотелось бы работать вместе с полицией.

С другого конца комнаты прозвучал голос сэра Хэмфри:

— И не надо, Фрэнк, я тебя умоляю. Мне очень не нравится, когда этими отвратительными делами занимаются дома. При том положении, которое я занимаю, мне и без того приходится...

— Совершенно верно, дядюшка! — рассеянно кивнул Фрэнк. Он взял сигарету в рот и полез в карман за спичками.

— Вы хотите сказать, что это дело вас не интересует? — растерянно спросил полковник.

Эмберли чиркнул спичкой и проследил за движением огня. В последний момент он зажег сигарету и бросил спичку в пустой камин.

— Оно очень интересует меня, — сказал он, — и я не хочу попусту тратить время на то, чтобы указывать инспектору Фрейзеру на то, что у него под носом.

— Мой дорогой сэр, я уверяю вас...

— С другой стороны, — размышлял Эмберли, — если я не буду ничего делать, то он почти наверняка все завалит.

Полковник насторожился.

— Пожалуй, мы уже к чему-то приближаемся, — сказал он.

— Разве?

— Вперед, вперед, Эмберли! Вы должны быть со мной откровенны.

— Когда у меня появится что-нибудь определенное, я дам вам знать, — сказал Эмберли. — В настоящий момент я не могу ничего сказать. Вместе с этим мне хотелось бы точно знать, какой версии придерживается полиция.

— Трудно понять, какой версии нужно держаться, — сказал полковник, озабоченно нахмурясь. — Понимаете, нет никаких данных. Не за что зацепиться.

Мистер Эмберли в недоумении поднял свои черные брови, однако ничего не сказал.

— Человек застрелен на пустынной дороге. Отсутствуют какие-либо следы борьбы. Если это не грабеж, то нет никаких мотивов преступления. Местные обычаи дают право исключить версию о бандитах, хотя совсем ее отбрасывать нельзя.

— Думаете, эта версия может что-нибудь дать? — усталым голосом спросил Эмберли. — Я не возражаю против того, чтобы Фрейзер искал повсюду подозрительных бандитов — это дело как раз для него и заняло бы все его время. Но мне уже надоедает слышать об этой идиотской теории. Доусона убили не бандиты с большой дороги.

— Я тоже так считаю, — подхватил полковник. — Наша местность сама по себе...

— Да, я это понял, полковник. Но вы, кажется, не поняли, что в вашем распоряжении есть большое количество информации.

— Я полагаю, что владею всеми фактами, — с напряжением в голосе сказал полковник.

— Я знаю, что владеете, — ответил Эмберли. — Я дал их вам в первом же моем заявлении.

Они чрезвычайно важны.

— Например?

Мистер Эмберли присел на край стола, стоящего у окна.

— Я повторю, полковник. Кстати, вы знаете, что это было преднамеренное убийство?

Полковник вскочил со своего места.

— Я не знаю ничего подобного, могу вас уверить. Я допускаю такую возможность, но прежде, чем так категорически утверждать, мне потребовались бы очень убедительные доказательства.

— Именно так, — сказал Эмберли. — Это было бы очень мудро. И я сейчас представлю вам доказательства. У вас есть труп убитого человека, найденный в машине на пустынной дороге. Это первый существенный факт.

— На пустынной дороге? Я полагаю, что вы не считаете это существенным?

— Как раз напротив, считаю весьма существенным. Вы, полковник, считаете это просто каким-то отрицательным звеном в цепочке. Второй существенный факт — положение машины.

Полковник довольно-таки тупо повторил:

— Положение машины?

— Именно. Она стояла на краю дороги с выключенным двигателем, горели только боковые огни. Почему?

Полковник сделал грациозный жест:

— Тут может быть несколько причин. Если человека заставили остановиться...

— То он не стал бы выезжать на край дороги. Машина явно была припаркована.

— Ну, тогда, может быть, что-то случилось с двигателем?

— И он, видимо, пытался исправить неполадку молитвой.

— Что-то не улавливаю вашей мысли.

— Он не выходил из машины. Вечер был сырой, дорога грязная, а туфли убитого были совершенно сухими.

— Верно, — кивнул полковник и потерел пальцами усы. — Тогда, за отсутствием других доказательств, нам остается предположить, что он приехал, чтобы встретиться с кем-то. Но почему выбрано такое странное место и время?

— Это зависит от того, как посмотреть, — сказал Эмберли. — Если у него были причины желать, чтобы об этой встрече никто не узнал, то место и время уже не представляются такими странными.

— Да, в этом что-то есть, — признал полковник. — Но мы не должны упускать из вида тот факт, что покойного никак нельзя назвать подозрительным человеком. Он прослужил в «Мэноре» много лет, его хорошо знали в округе. Это был приличный тихий слуга. Он никогда не попадал в затруднительные положения, он даже не флиртовал ни с одной из женщин. Но эта тайная встреча, как вы понимаете, несомненно, указывает на женщину.

— Я бы не стал употреблять слово «несомненно», — сказал мистер Эмберли.

— Возможно, это и не так. Может быть. Но продолжайте, мой дорогой друг. Ваш третий факт?

— Мой третий факт, также существенный, состоит в том, что Доусон был захвачен врасплох. Его застрелили прежде, чем он успел понять, что в опасности.

— Да, я понимаю ваши умозаключения. Вы основываетесь на положении тела в момент убийства. Предполагаете, что лицо или лица, на встречу с которыми он прибыл, лежали в засаде в ожидании его?

— Нет. Если лицо, на встречу с которым он приехал, имело причины желать его смерти, маловероятно, что Доусон не знал бы об этом. Но тогда он был бы осторожен. А он не был осторожен. Принимая во внимание время, место и способ убийства, я предполагаю, что у кого-то были очень веские причины не допустить, чтобы эта встреча состоялась. Незвестный узнал о встрече, проследовал за Доусоном до самого места и там застрелил его.

— Но как же? — Возразил полковник. — Вы забываете, что Доусон ехал в машине. Он должен был услышать другую машину, если она там была.

— Если бы она там была, он не только услышал бы ее, но и увидел бы, — сказал Эмберли. — Однако я склонен думать, что убийца приехал на мопеде.

— Вы так считаете? Но почему?

— Просто потому, что если убийца залег в засаде, то мопед при этом можно было спрятать в придорожном кустарнике или заехать в расположенное сзади поле. Там есть ворота. Но возможен и вариант с машиной, если он вам больше нравится. Главное в том, что убийца застрелил Доусона или из засады (это, вероятно, означало бы, что назначенное место встречи было ему известно), или из какого-то транспортного средства, движущегося навстречу автомобилю Доусона.

Полковник размышлял над услышанным.

— Да, вполне возможно, но полностью вы меня не убедили, Эмберли. Полностью не убедили. Скажем так, я принимаю это как предмет для дальнейшего обсуждения. С кем была назначена встреча?

— Я полагаю, полковник, что вы поручите выяснить это моему Приятелю Фрейзеру. Он, разумеется, не добьется успеха, но это займет его на некоторое время.

— Ну, право же, Эмберли! — укоризненно воскликнул полковник. — Если у вас нет догадок о том, кто убийца, может быть, вы догадываетесь, почему он стремился во что бы то ни стало воспрепятствовать встрече? Или у вас по этому вопросу тоже пока мнение не сложилось?

— Это я могу вам сказать, — ответил Эмберли. — Мотивом, разумеется, было ограбление.

— Ограбление? Мой дорогой, о чем вы говорите? Ведь только что вы отказывались даже слышать об этой версии!

— О нет, — возразил Эмберли, — только предлагал вам отбросить мысль о бандитах. Но я вижу, что вы все же возвращаетесь к ней. Постарайтесь забыть о бандитах, а то мне уже становится скучно.

Полковнику очень хотелось сказать кое-что в ответ, но он сдержался.

— Может быть, вы подумаете над таким маленьким вопросом. Если, по вашему мнению, убийство было тщательно спланировано, то, как я понимаю, мы можем предположить, что убийца

знал Доусона, ему было известно его социальное положение и средства, которыми он может располагать. Очень хорошо. Будьте так добры, объясните мне, как убийца мог узнать, что Доусон берет с собой что-то настолько ценное, что из-за этого можно даже решиться на убийство?

Эмберли взглянул на него с некоторым удивлением.

— Вы думаете, я так много знаю? — спросил он. — Отгадать эту загадку фактически означает раскрыть убийство. Я советую вам тщательно обдумать два обстоятельства. Во-первых, тот факт, что в карманах убитого не нашли ни записной книжки, ни блокнота, но, однако, в кармане брюк осталась серебряная монета в пятнадцать шиллингов, а в жилетке — золотые часы с цепочкой. Во-вторых, за последние пару лет Доусон получал намного больше денег, чем то жалованье, которое ему выплачивал Фаунтин. В связи с этим у меня снова возникает желание узнать немного побольше о его текущих счетах.

— Инспектор наводит справки. Мы, разумеется, сразу же занялись этим вопросом. Правильно ли я понимаю, что убийце были нужны не деньги, а что-то другое?

— Именно так, полковник.

Полковник медленно поднялся.

— Что ж, все очень интересно, но, отталкиваясь от этого, далеко не шагнешь, — с сожалением сказал он. — Кажется, я остался на том же месте, где и был. Может быть, вы дадите какой-нибудь практический совет?

— Не сейчас, — сказал мистер Эмберли. — Есть одно обстоятельство, в котором я хочу разобраться, но, мне кажется, здесь я справлюсь сам. О результате сообщу позже.

— Что ж, буду с нетерпением ожидать известий, — сказал полковник. — Ну а мы, как вы сами понимаете, тем временем будем вести расследование так, как нам представляется целесообразным.

— Хорошо, — с теплотой в голосе ответил Эмберли. — Придерживайтесь вашей нынешней линии, тогда вы ничего не напортите.

Прощаясь, полковник пожал руку сэру Хэмфри и с некоторым высокомерием бросил через плечо:

— Мы надеемся получить хорошие результаты.

— Что ж, и такое возможно, — заметил мистер Эмберли. Он протянул руку. — До свидания. Я бы на вашем месте, полковник, особенно не беспокоился. Все на самом деле очень просто.

Сэр Хэмфри проводил гостя до двери и вернулся в гостиную.

— Фрэнк! Очевидно, ты располагаешь фактами, которые не считаешь нужным сообщить нашему другу Уотсону? — строгим голосом спросил он.

— Притом многими фактами, — согласился Фрэнк.

— Знаешь ли ты, — продолжил сэр Хэмфри, — что долг каждого честного гражданина...

Эмберли поднял руку.

— Знаю, сэр. Но мне самому нужно решить эту маленькую задачу.

— Вот уж никогда не думал, — удивился сэр Хэмфри, — что предоставление полиции всех имеющихся сведений и, я могу добавить, даже подозрений несовместимо с раскрытием преступления.

— Никогда не думали? Это потому, — объяснил Фрэнк, — что вы никогда не работали с мистером Уотсоном, мистером Фрейзером и компанией. Не стоит беспокоиться, дядя. И предоставьте все мне.

— Именно это я и намерен сделать, — с чувством собственного достоинства ответил сэр Хэмфри. — У меня нет ни малейшего желания вмешиваться в эти неприятные дела.

6

Весь день гамак оставался в распоряжении Фелисити. Эмберли стряхнул с себя леность и сразу же после ухода начальника полиции сел в свой «бентли» и уехал в Лондон. Леди Мэттьюз сокрушалась и бормотала себе под нос: «пирожки» и «жареная камбала», но и эта

гастрономическая приманка не заставила племянника отложить поездку даже ради ленча. Фрэнк отлично знал, что ленч в «Грейторне» обычно затягивался, а ехать в Лондон даже в скоростной машине нужно было больше часа.

Он добрался до Лондона, когда на часах еще не было двух часов пополудни, и сразу же отправился на свою квартиру в «Темпле»⁴. Служащий Петерсон, присматривающий за квартирой, не выказал никакого удивления при виде Эмберли, который пробыл в квартире всего четверть часа и, помимо прочих дел, успел проглотить наспех приготовленный ленч. Затем поехал в редакцию газеты «Таймс», где провел весьма плодотворный, хотя и утомительный час, просматривая подшивки старых номеров за несколько прошлых лет. Яростно проклиная женскую неточность в таком важном предмете, как даты, Эмберли тем не менее нашел всю нужную ему информацию и, покинув «Таймс», отправился на почту. Там он написал и отправил длинную зашифрованную телеграмму. После он посетил частное сыскное агентство. Там он пробыл недолго, и уже к половине пятого «бентли» катил в южном направлении по Кингстонскому проезду.

Эмберли, следуя указаниям Фелисити, на этот раз успешно срезал путь до «Грейторна» и прибыл туда в половине шестого.

Он застал свою кузину и Энтони Коркрена за поздним чаем в библиотеке и узнал, что Коркрен приехал после полудня поиграть с Фрэнком в гольф, но, не застав его, он уговорил Фелисити, и они только что вернулись с площадки.

Фелисити приказала слуге принести еще одну чашку чая для Фрэнка. Выяснилось, что у Джоан разболелась голова, и она сразу после ленча легла в постель, очень опечалив этим своего жениха.

Эмберли вежливо посочувствовал. Коркрен уныло сказал:

— Я не виню ее. Братец Бэзил сегодня как с цепи сорвался. Устроил веселенькое утро, придираясь ко всему, что было сделано за последние полгода. О, это надо было видеть!

— Из-за чего это он вдруг? — спросил Эмберли.

Коркрен протянул чашку, чтобы ему налили еще чаю.

— Кто-то сообщил ему плохие новости. До этого все было прекрасно. Он даже съел на завтрак яичницу из двух яиц, хотя лично для меня это было неприятным зрелищем, учитывая, что в четыре часа утра еще пили шампанское.

— А кто принес плохие новости?

— Одноглазый человек на деревянной ноге, — не задумываясь, ответил Коркрен. — По внешнему виду он был похож на мореплавателя, и — подождите минутку — да, в его облике было что-то зловещее. Мы... мы слышали глухой стук его деревяшки, когда он шел к нам через холл.

В Энтони со свистом полетела книга, которую он поймал точным движением.

— Никудышный бросок, — прокомментировал он и положил книгу на стол.

— Ну, хватит, перестань придуриваться, Тони, — потребовала Фелисити. — Эта книга есть в нашей библиотеке. Так кто же все-таки принес новости?

— Я вижу, вы догадались, — сказал Коркрен, — что все, рассказанное мной об этом моряке, то есть, извините, мореплавателе — неправда. На самом деле новости принес человек, который дважды громко постучал в дверь и передал их абсолютно молча. Он не стал ждать и ушел так же молча, как и появился...

— Вам очень поздно принесли первую почту, — заметил Эмберли. — Мне очень жаль прерывать такое захватывающее повествование, но все же, может быть, ты знаешь, что это были за новости?

— О! Слушайте все! — провозгласил Коркрен. — Великий сыщик ищет ключ к разгадке тайны! Не пропустите завтрашний выпуск с новой частью нашего романа! Нет, мистер Хомс, я этого не знаю. Но, вернувшись в это родовое гнездо, я отвлеку брата Бэзила коварной уловкой и взорву дверцу его сейфа. Если только у него есть сейф. А если нет, то я просмотрю все письма в его столе. Надеюсь на удачу. В нынешнем сезоне среди самых желанных гостей в загородных домах присутствует мистер Энтони Коркрен, чья тактичность и безукоризненные манеры снискали ему всеобщее признание.

⁴ «Темпл» — название двух из четырех лондонских «Судебных иннов» (гостиниц для юристов), построенных на месте, где в XII–XIV вв. жили рыцари-тамплиеры и где был их храм.

— Ты осел, — сказала Фелисити. — Жалко, что Джоан так расстроилась. Может быть, Бэзил потерял много денег на фондовой бирже.

— Нет. Не то. Я точно знаю.

Эмберли смотрел на него.

— Что тебе еще известно, Коркс? Выкладывай-ка.

Энтони вдруг засомневался.

— Даже и не знаю... Все-таки я пользуюсь, так сказать, гостеприимством, и вообще... «Дух Частной Школы», «Честь мундира» или чего-то там еще... Кстати, братец Бэзил постоянно разглагольствует на подобные темы.

— Откуда ты знаешь, что это были плохие новости? — спросила Фелисити.

— Видишь ли, моя природная смекалка и врожденная наблюдательность подсказывают мне, что если кто-то, прочитав письмо, зеленеет, как горох, и сидит, уставившись в одну точку, как будто его хватил удар, — это означает неприятные известия. Кроме того, я спросил его, что случилось.

— Он сказал, о чем письмо?

Энтони с минутку подумал.

— И да, и нет. Когда он весь позеленел, я сказал: «Надеюсь, вы не получили плохие новости». — При моих словах он вздрогнул, сложил письмо и сказал, что новости не то чтобы плохие, но внушающие беспокойство. Они и в самом деле очень обеспокоили его. И, что самое интересное...

Энтони замолк, и его жизнерадостное лицо омрачилось. Он посмотрел на Эмберли, явно размышляя над чем-то, и внезапно сказал:

— А, ладно! Плевать мне на родственный дух, сословность и всякую подобную ерунду. Хоть он и хозяин дома, но его отношение к Джоан меня просто бесит. Письмо, которое так его потрясло, пришло из частного сысканого бюро. Я узнал это потому, что, когда он сел, держа в руках это письмо и вытаращив на него глаза, я заметил название бюро, написанное сверху на странице, которую он держал.

— Понятно, — медленно сказал Эмберли. — И письмо расстроило его. Хм-м!

— Может быть, ты все же поделишься с нами своими мыслями? — ехидно спросила Фелисити, не дождавшись продолжения.

— Нет, радость моя, не поделюсь.

— Если тебе что-то и понятно, — сказал Энтони, — то я по-прежнему в тумане, даже еще более густом, чем раньше. А притянуть к этому делу брата Бэзила, как это ни прискорбно, не получается. Должен сразу заявить, что в то время, когда было совершено убийство, Бэзил был со мной и никуда не отлучался.

— Вообще-то я, — сказал Эмберли, — думал сейчас не об убийстве.

На следующее утро Эмберли узнал, что Бэзил Фаунтин оправился от потрясения, вызванного неприятными новостями, но зато случилась скандальная история с Коллинзом. Этими новыми сведениями Эмберли был обязан Джоан Фаунтин, которая вместе с Коркреном пришла в «Грейторн», во-первых, для того, чтобы выгулять двух терьеров, а во-вторых, чтобы принести Фелисити обещанную книгу. После вчерашнего недомогания Джоан была бледна, и ее улыбка показалась Эмберли немного вымученной. Обычно сдержанная, она на этот раз была чуть более откровенна и не особенно возражала, когда Фелисити без стеснения высказывала все, что думает о Бэзиле Фаунтине.

Было трогательно смотреть, как она льнет к Коркрену, ища у него поддержки. Для нее корнем всех зол был «Мэнор», и она не скрывала, что с самого начала чувствовала к этому дому непреодолимое отвращение. Для нее он олицетворял неудобство, чьи-то подсматривающие глаза, таинственность, а также самые скверные настроения ее брата. Она не пыталась ни объяснять, ни оправдывать свою мнительность, считая, что у любого дома есть своя особая атмосфера. В «Грейторне», например, царили счастье и теплая доброжелательность. Но воздух «Мэнора» был напитан прошлыми грехами и минувшими трагедиями. Атмосфера тайны была там настолько густой, что уже в дверях этого дома чуткий человек начинал испытывать беспокойство.

Коркрену и Эмберли была чужда всякая мистика, но и они чувствовали тяжесть, лежащую на душе у Джоан. По мнению Коркрена, дело было вовсе не в доме, а в его обитателях и прежде

всего в Фаунтине и Коллинзе. Джоан отвергала такие предположения, отрицательно качая головой. Может быть, у нее с Бэзиллом было немного общего, но до переезда в «Мэнор» между ними никогда не возникало таких трений, как сейчас. «Нортон Мэнор» влиял и на него, и на нее. А что касается камердинера... — тут она передергивала плечами и замолкала.

Услышав скандал, разразившийся в то утро в кабинете Фаунтина, Энтони начал лелеять надежду на отъезд Коллинза. Что произошло между Фаунтином и его камердинером, осталось неизвестным, но Джоан предполагала, что Коллинз отказывался от возлагаемых на него дополнительных обязанностей. Они слышали, как Фаунтин говорил что-то повышенным тоном. Когда немного позже Коллинз вышел из кабинета, его губы были плотно сжаты в тонкую линию. Тем не менее, Фаунтин заявил, что камердинер становится невыносимым, и что, ей-богу, нужно расчитать его. Это осталось лишь словами. Коллинз уволен не был, а Фаунтин уехал в город, чтобы побеседовать с очередным кандидатом на должность дворецкого.

Как он и опасался, найти кого-нибудь на место Доусона оказалось трудно. Те немногие кандидаты, которые сами предложили свои услуги, оказались совершенно неподходящими, а те несколько человек, которые устраивали Фаунтина (их имена прислало ему бюро по найму Финча), не хотели поступать на службу в дом, удаленный на семь миль от ближайшего города и почти на две мили от шоссе. Тем не менее, из бюро по найму позвонили вчера часов в пять и сообщили Фаунтину, что появился еще один кандидат, для которого, кажется, местоположение усадьбы не имеет значения. Бэзил поехал поговорить с этим человеком, и если он, как и прочие, окажется неподходящим, то поместить объявление в «Морнинг пост».

Джоан решила, что в отсутствие Фаунтина будет неплохо пригласить Фелисити и Эмберли на чай в «Мэнор». Фелисити приняла это приглашение, а мистер Эмберли отказался, сославшись на ранее назначенную встречу. К досаде Фелисити, на расспросы он отвечал уклончиво и был непреклонен. Извиняясь за него перед подружкой, Фелисити сказала, что он, видимо, собирается искать улики.

Джоан только теперь узнала, что Фрэнк проявляет к недавнему убийству нечто большее, чем простой интерес, и, казалось, обрадовалась. Она застенчиво спросила Фрэнка, надеется ли он на успех.

— Надеюсь, — ответил он с необычайной для него мягкостью.

— Я рада, — просто сказала она. — Я знаю, это сильно тревожит Бэзила. Он очень расстроен. Мне кажется, он постоянно об этом думает.

Когда Эмберли в четыре часа отправился на «ранее назначенную встречу», он взял курс на Верхний Неттлфорд, добравшись до него, пересек весь город и поехал к «Плющевому коттеджу».

Дорога к нему была фактически продолжением Хай-стрит и шла в направлении к югу от города мимо целого ряда новых коттеджей. Но вскоре дома кончились, дорога повернула на запад и пошла по берегу реки Неттл. Потом река стала уходить влево, а впереди показалась аллея, разрезающая пополам волнистые луга и ведущая к «Плющевому коттеджу».

Когда мистер Эмберли доехал до аллеи и притормозил перед поворотом, он услышал, что его окликают. Он остановился и увидел крупную фигуру сержанта Габбинса, который подъезжал к нему на велосипеде, усердно крутя педали.

Эмберли поставил машину на обочину и выключил двигатель.

— Сержант? — удивился он.

Сержант, пыхтя, слез с велосипеда и заметил, что денек выдался теплый. Мистер Эмберли был такого же мнения.

Сержант с оттенком грусти покачал головой.

— Сэр, я надеялся, что вы сегодня утром зайдете к нам в отделение. Я разговаривал вчера с начальником полиции.

— Какое совпадение! — сказал мистер Эмберли. Я тоже вчера с ним разговаривал.

Сержант пристально посмотрел на Эмберли. В его глазах был упрек.

— Когда он пересказал мне ваш разговор в «Грейторне», я подумал, что это не похоже на вас, мистер Эмберли.

— Что не похоже?

— То, как вы относитесь к этому случаю. Совсем не похоже на вас. Потому что я знаю вас, как никто другой, и чувствую, что вы что-то скрываете. Не ожидал я от вас, никак не ожидал! Вы ведь и

мне что-то подобное говорили после судебного следствия, но я тогда не придавал этому значения, потому как знаю, что вы человек с юмором. Но теперь и полковник говорит, что вы якобы не хотите работать на полицию. И это меня очень удивляет. Потому как, если учесть, что мне вы говорили то же самое, то выходит, что вы это взаправду имели в виду. А я никогда бы про вас такое не подумал и не поверил, если бы мне сказали!

— Сожалею, — сказал мистер Эмберли.

Сержант продолжал строго:

— Конечно, я понимаю, что в вашей работе вы часто идете против закона...

— Что?

— Ну, выгораживаете тех, кому место в Дартмуре⁵, — сказал сержант. — Постоянно поступаете так, такая уж у вас работа. Видно, это направило ваши мысли не в ту сторону, сэр.

— Послушайте, — сказал Эмберли, — к чему это вы клоните?

— Прошу простить меня, сэр, но вы хитрите с нами, — продолжал гнуть свою линию сержант. — Что-то вы скрываете. Вы не дали нам ничего, что могло бы помочь следствию, однако ясно как день, что у вас уже есть кое-какие подозрения.

— Вы так полагаете? Мне очень досадно слышать это. Не надо подгонять меня, сержант.

Сержант в раздумье взглянул на него и вдруг заметил, что внимание мистера Эмберли чем-то отвлечено. Он смотрел мимо сержанта на ворота «Плющевого коттеджа», который хорошо просматривался с аллеи. Сержант хотел обернуться, чтобы поглядеть, что там так его заинтересовало, но Эмберли остановил его.

— Не оглядывайтесь, сержант, — спокойно сказал он.

Сержант тотчас ощутил почти неодолимое желание посмотреть через плечо, но ему все-таки удалось справиться с ним.

— Что вы там увидели, сэр?

Эмберли уже не смотрел в направлении аллеи. Минуту назад там, в воротах, открылась калитка, и оттуда выскользнул человек, который с некоторой опаской бросал взгляды налево и направо. Заметив стоящий у начала аллеи автомобиль и его хозяина, погруженного в беседу с сержантом Габбинсом, он быстрым шагом пошел в противоположную сторону и исчез в глубине аллеи.

— Очень интересно, — медленно произнес мистер Эмберли. — И какой же мы из этого сделаем вывод, сержант?

Сержант был вне себя от негодования.

— Я, конечно, могу сделать весьма существенный вывод из того, чего не видел! Сначала вы просите не оборачиваться, а потом насмехаетесь.

Мистер Эмберли задумчиво потирал подбородок.

— Кажется, я на верном пути, — сказал он.

— В самом деле, сэр? — отозвался сержант с обидой и возмущением. — Я за вас очень рад. Может быть, если я буду терпелив, вы-таки сочтете возможным рассказать, что же увидели.

— Мужчину, сержант. Всего-навсего мужчину.

— Иногда такое бывает, — согласился сержант с мрачным сарказмом. — Я вот сейчас вижу сразу двоих: молодого Томаса и мистера Фейрли. Немного погодя, сэр, вы их тоже увидите.

— Тот, кого я видел, — ничем не примечательный, вполне респектабельный человек, — размышлял вслух мистер Эмберли, — однако он почему-то очень не хотел, чтобы его заметили. А куда ведет эта аллея, Габбинс?

— На ферму Фосетта, — лаконично ответил сержант.

— А дальше?

— Она там кончается.

— Так-так, — сказал мистер Эмберли. — Как вы считаете, могут быть у нашего приятеля Коллинза какие-нибудь дела на ферме Фосетта?

— У Коллинза? — заинтересовался сержант. — Так это был он, сэр?

— Он, сержант. Он наведался в «Плющевый коттедж».

⁵ Дартмур — тюрьма, построенная в 1809 г. в графстве Девоншир и первоначально предназначавшаяся для французских военнопленных.

— Любопытно, — сказал сержант, — что ему там понадобилось? И ушел по направлению к ферме Фосетта? Значит, он потом пойдет через поле. Там есть тропинка. Я начинаю думать, что мы маловато знаем об этих Браунах. Молодой парень проводит большую часть вечеров в «Голубом драконе». Там он напивается до одурения. Но какие у него дела с камердинером?

— Любопытно, — сказал мистер Эмберли.

— Да, сэр, не сомневаюсь, что вам это любопытно. И если бы я был уверен, что вы только любопытствуете, и не более того... Вот ведь что вы имели в виду, когда сказали сейчас, что на верном пути?

— Я вижу, сержант, от вас ничего не скроешь.

Мистер Эмберли тряхнул головой.

— Ну, надеюсь, что когда распределяли мозги, я свою долю получил сполна, — немного смягчился сержант. — Но, думаю, я не из тех людей, которые считают себя умнее всех на свете и оттого ведут такие мудреные речи, что половину не разберешь из сказанного.

— Например? — Мистер Эмберли улыбнулся.

— Да знавал я кое-кого из таких, — небрежно бросил сержант.

— Понятно. А я подумал, что вы это говорите обо мне.

Сержант испытал некоторую внутреннюю борьбу.

— Видите ли, сэр, — сказал он, я не могу целый день стоять тут, на дороге, перебрасываясь с вами колкостями, и слушать ваши шуточки. Мне работать надо. Я собирался сказать вам, что мне не нравится физиономия этого Коллинза, и никогда не нравилась. Но что толку? Это бы вас все равно не заинтересовало.

— Нисколько, — откровенно признался мистер Эмберли. — Но мне было бы очень интересно узнать, зачем он решил заглянуть в «Плющевый коттедж».

— Ну, кое-что мы сможем разузнать, — сказал сержант, настроение которого явно улучшалось. — Не знаю, какое отношение это имеет к преступлению, но если уж на то пошло, то лучше я разузнаю про это, чем вместе с группой дураков буду, выпучив глаза, ворошить без толку старые листья в поисках гильзы. Инспектор уже выделил для этого целую группу. Правда, они еще ничего не нашли и вряд ли найдут, хотя констебль Паркинс и обнаружил в канаве дырявый чайник и половину старого ботинка.

— Не нашли ли они следов велосипеда в поле за изгородью кустарника? — спросил Эмберли.

— Нет, сэр, пока мне об этом не известно.

— Они осматривали поле?

— О, да, сэр, они все тщательно осмотрели. Может быть, мне не стоит об этом говорить, но они немного отвлекались; и все из-за маленьких игривых волов мистера Фосетта, которые пасутся на этом поле.

— Великолепно. А с инспектором Фрейзером животные порезвились?

Сержант прикрыл рот своей большой ладонью.

— Я слышал, сэр, что инспектору пришлось пробежать без остановки большое расстояние, чтобы, так сказать, избежать этого.

Мистер Эмберли засмеялся и снова завел машину.

— Он, должно быть, не любит животных. Однако, сержант, хватит мне тут с вами сплетничать. У меня есть более важные дела.

— Сплетничать? Я? Да, я...

— И думаю, если вы не против, то вам не стоит разузнавать про визит Коллинза в «Плющевый коттедж». Я сделаю это сам.

Машина медленно двинулась вперед. Сержант прошел рядом с ней еще несколько шагов.

— Все это очень хорошо, сэр, но когда же у нас будет что-нибудь, что позволит нам двигаться дальше?

— Всею свое время, — заверил его Эмберли. — У меня самого еще мало материала. Однако могу сказать, что убийство Доусона не самое интересное и важное в этом деле. Будьте здоровы.

Сержант отступил и застыл в оцепенении, следя за тем, как машина подъезжает к «Плющевому коттеджу». Он невесело покачал головой, развернул свой велосипед и продолжил прерванный путь в Верхний Неттлфолд.

Эмберли оставил машину у ворот и пошел по дорожке, ведущей к парадной двери. Окно столовой было открыто, и Эмберли услышал доносящийся оттуда голос Марка:

— Черт возьми, ты испортила все дело! Лучше бы я этим занялся. Бьюсь об заклад, я бы так просто не попался и никому бы не дал себя обойти! Ты сама дала ему карты в руки, а теперь посылаешь за ним, чтобы он пришел сюда. Что, ты думала, это даст?! А вдруг кто-нибудь видел его?

Эмберли громко постучал в дверь, и голос сразу замолк. Через несколько секунд Марк Браун открыл дверь, и из-за нее выпрыгнул бультерьер, явно обрадовавшийся гостю.

Эмберли непринужденно сказал:

— Добрый день. Ваша сестра кое-что потеряла. Я хотел вернуть.

Марк узнал его и покраснел.

— Ах, это вы! Входите, пожалуйста. Боюсь, что я тогда немного набрался. Я очень благодарен, что вы доставили меня домой.

Эмберли не стал развивать эту тему. Когда хотел, он мог быть очень приятным, а сейчас он явно этого желал. Через две минуты Марк уже чувствовал себя с ним совершенно свободно и, оставив те немногие подозрения, которые у него были, пригласил его пройти к сестре.

Эмберли вошел в дом в сопровождении бультерьера и проследовал за Марком в маленькую гостиную.

Ширли Браун стояла у стола. Она не проявила никакой радости при их появлении и напряженно следила за Эмберли из-под нахмуренных бровей.

Эмберли это ничуть не смутило.

— Здравствуйте! — сказал он. — Благополучно добрались до дома в тот вечер?

— В противном случае я вряд ли бы сейчас была здесь, — ответила она.

— Ширли, прекрати! — вмешался ее брат, пододвигая стул. Пожалуйста, садитесь, мистер... Эмберли, так, кажется? Вы ведь хотите что-то вернуть сестре?

В ее глазах вдруг появился испуг.

— Вернуть? Мне?

— Вы кое-что забыли в «Нортон Мэнор», — ответил Эмберли.

Несколько секунд прошло в напряженной тишине. Брат и сестра переглянулись.

— Да? — сказал Марк с деланной беззаботностью. — И что же это?

— Мисс Браун обронила, — сказал Эмберли и достал из кармана смятый носовой платок, — вот это.

Напряженность сразу же исчезла, и Ширли протянула руку за платком.

— Как любезно с вашей стороны! Право, такое беспокойство! — довольно язвительно проговорила она.

— Не стоит благодарности, — вежливо ответил Эмберли.

Она смотрела на него со смешанным чувством удивления и враждебности. Ее более гостеприимный брат заполнил неловкую паузу, предложив Эмберли остаться на чай.

Эмберли принял предложение и, встретив негодующий взгляд Ширли, ласково улыбнулся ей. Она поперхнулась и вышла на кухню.

Извиняясь за скудность обстановки в доме, Марк рассказал, что они сняли этот коттедж на месяц. Вообще они оба работают в городе — тут он на секунду отвел глаза, — а здесь решили провести отпуск. Ширли работает секретарем у Энн Марч. Он рассчитывал, что Эмберли знает это имя. Энн Марч — писательница и очень неплохая. На вопрос, где работает он сам, Марк нехотя ответил, что в банке. Видя пристыженное лицо Марка, а также припомнив, что отпуск банковских клерков обычно меньше месяца, Эмберли заключил, что работу Марк потерял. Он тактично увел разговор в сторону от этой щекотливой темы.

Когда Ширли с чайным прибором на подносе возвратилась в гостиную, он любовался покрывалом из шакальих шкур, которым был застлан волосяной диван. Эмберли заметил, что один из его друзей привез такое же из Дурбана.

— В тамошних магазинах их полно, — ответил Марк, — и покупают их в основном туристы.

Ширли прервала этот дружеский разговор, предложив гостю молока и сахар к чаю. Эмберли перенес внимание на нее и, к ее досаде, стал обсуждать недавний бал в «Нортон Мэноре». Ее односложные ответы нимало не обескуражили мистера Эмберли, и по огонькам, зажегшимся в

его глазах, было видно, что его только забавляет ее растущее и с трудом скрываемое раздражение.

После того, как с чаем было покончено, она попросила Марка убрать со стола и, как только он вышел из комнаты, гневно спросила:

— И как это понимать?

— Что как понимать? — ответил он вопросом на вопрос.

— Зачем вы приехали? Не думаете же вы, что я поверила, будто вы приехали из-за платка. Вы что, меня дурочкой считаете?

— Считаю, — ответил он с такой обезоруживающей улыбкой, что она, сама того не желая, чуть улыбнулась в ответ. Но тут же подавила улыбку.

— Равным образом не могу предположить, что вы приехали ради удовольствия провести время в обществе очень молодой и не очень умной особы.

Он засмеялся.

— У вас, по крайней мере, хорошая память.

— По-моему, — с нажимом сказала она, — вы самый грубый человек, какого мне выпало несчастье встречать.

— В самом деле? Нужно полагать, что в этом вопросе вы компетентный эксперт.

Она неожиданно рассмеялась и встала.

— Вы невозможный человек, — сказала она и протянула ему руку; это явно был жест прощания, но, хотя Эмберли тоже поднялся, он не стал пожимать ей руку. Ее рука упала, с лица сошла улыбка. Она сказала резко:

— Мистер Эмберли!

— Да.

— Я кажусь вам подозрительной. Должна казаться, я это понимаю. Но если вы подозреваете меня, то почему не предоставите полиции возможность заняться мной?

Он отрицательно покачал головой.

— Боюсь, вы переоцениваете интеллектуальные способности нашего инспектора. Он, пожалуй, уже добился бы того, чтобы вас повесили.

— Но вы ведь работаете на полицию, не так ли? Не пытайтесь отрицать. Я знаю, это так. И все еще думаете, что я имею какое-то отношение к этому убийству. Так...

Он перебил ее вопросом:

— А разве вы не имеете отношения к нему, мисс Браун?

Она пристально смотрела на него. Краска отлила от ее щек.

— Что вы хотите сказать?

— То, что сказал. В тот вечер вы пришли, чтобы встретиться с Доусоном.

— Нет!

— Не лгите. У него было что-то, очень нужное вам. Из-за этого его и убили. А вы, мисс Браун, явились к месту действия слишком поздно.

— Это неправда! — Ее голос стал сиплым. — У вас нет доказательств.

— Они у меня будут, — пообещал он и взялся за шляпу. — О, не надо придавать лицу такое бесподобно деревянное выражение. Я не собираюсь ни о чем вас расспрашивать. Ту информацию, которую я хотел получить, приехав сюда, я уже получил. А скоро получу и остальное. И притом без помощи, которую вы так не хотите мне оказать.

— Какую информацию? Что, по-вашему, вам удалось узнать?

— Это уж сообразите сами, — ответил мистер Эмберли. — Спасибо за чай. До свидания.

7

Надежды мистера Эмберли на спокойный вечер развеял телефонный звонок во время обеда. Сэр Хэмфри сурово осуждал людей, которые стараются звонить именно во время обеда, чтобы

наверняка застать вас дома. Он дотошно выяснил у дворецкого, кто звонит и почему не может оставить сообщение.

Услышав, что Бэзил Фаунтин просит мистера Эмберли, Фрэнк, полностью разделявший взгляды своего дядюшки, решил, что все-таки нужно подойти к телефону. Через несколько минут он вернулся в столовую и на вопрос Фелисити сообщил, что Фаунтин просил его приехать в «Мэнор» после обеда.

— Для чего? — спросила Фелисити.

— Очевидно, — отвечал Эмберли, накладывая салат, — он вспомнил что-нибудь, что могло бы пролить свет на преступление.

— Меня он тоже просил приехать?

— Нет.

— Вот дуб! — сказала Фелисити без особых эмоций.

Эмберли прибыл в «Нортон Мэнор» примерно в половине девятого. Был прекрасный безоблачный вечер. Взошла луна; на землю легли резкие черные тени. Дом казался вымершим, все шторы наглухо задернуты, нигде ни огонька.

Коллинз открыл дверь, провел Эмберли в библиотеку, размещающуюся в боковой части дома, где его ожидал хозяин усадьбы.

Фаунтин извинился за то, что вытащил Эмберли из дома в такой час. В свое оправдание сказал, что лишь днем узнал от начальника полиции, что Эмберли взялся за это дело, и решил непременно сообщить ему кое-что о покойном дворецком.

Он прервал свою речь, когда появился Коллинз с кофейным подносом, но на этот раз он не был против того, чтобы Коллинз слышал их разговор, и, взяв с подноса большой шарообразный бокал с вином, произнес:

— Я спрашивал у Коллинза, надеялся, что он знает больше, чем я. Но он говорит, что Доусон редко касался личных дел в разговорах с другими слугами.

Эмберли взглянул на бесстрастное лицо камердинера.

— Скажите, у вас не создалось впечатление, что Доусон что-то прячет?

Коллинз ответил ровным, невыразительным голосом:

— Нет, сэр. Но боюсь, что не могу компетентно судить об этом. Мы были не слишком дружны.

— Когда вы говорите, что были не слишком дружны, означает ли это, что вы не любили друг друга?

— Ах, боже мой, нет, сэр! Ничего подобного, — ответил Коллинз. — Если бы здесь была хоть какая-нибудь недоброжелательность, я не смог бы продолжать свою службу в «Мэноре».

Эмберли перевел взгляд на камин. Через несколько секунд Коллинз вежливо спросил:

— Что-нибудь еще, сэр?

— Нет, это все, — ответил ему Фаунтин.

Он подождал, пока камердинер уйдет, а затем сообщил, что ему удалось найти на место Доусона нового дворецкого.

— В самом деле? Я слышал, что вы ездили в город поговорить с одним из кандидатов на это место. И, видимо, успешно?

— Да, кажется, все в порядке, — ответил Фаунтин. — У него очень хорошие рекомендации. Я, конечно, предпочел бы поговорить по телефону с его предыдущим хозяином, но, к сожалению, тот уехал в Америку. Он дал Бейкеру — так зовут нового дворецкого — рекомендательное письмо. Ну, не знаю, никогда нельзя быть уверенным в тех рекомендациях, которые слуги вручают тебе сами. Все же, поскольку он был готов немедленно приступить к работе, я решил взять его с испытательным сроком. Он не работал месяц или два по состоянию здоровья. Надеюсь, что он не окажется плутом.

Фаунтин взял в руки открытую коробку сигар, но, вспомнив, что его гость не курит сигары, стал искать сигареты.

Эмберли мотнул головой в знак отказа, достал трубку и начал набивать ее.

— Что вы хотели мне рассказать? — осведомился он.

Фаунтин рассказал о довольно странном случае, который произошел два года назад, когда он стал хозяином дома. Он знал, что каждый слуга имеет один полный выходной день в месяц, а также несколько дополнительных — по полдня. Такую организацию Фаунтин считал удачной и

решил сохранить заведенный порядок. Доусону разрешалось в свои выходные дни отсутствовать дольше, чем другим слугам. Ему не надлежало, как другим, возвращаться в «Нортон Мэнор» не позднее десяти часов вечера. Предполагалось, что он навещает сестру в Брикстоне — местечке, расположенном довольно далеко от Верхнего Неттлфолда. Фаунтину и в голову не приходило подвергать это сомнению, пока однажды не случилось так, что, обедая в городе в один из дней, когда у Доусона был выходной, Фаунтин увидел его, сидящего в том же ресторанчике через три столика от него в обществе какого-то человека.

Мистер Эмберли поднял брови, но ничего не сказал.

Это происходило в ресторане «Великолепный», безвкусно оформленном заведении, щедро разукрашенном позолотой. Цены в нем были, однако, достаточно высокими. Фаунтин предположил, что Эмберли знает этот ресторан.

Эмберли утвердительно кивнул и, держа трубку во рту, полез в карман за спичками.

Что ж, Фаунтин был удивлен, но, поскольку его явно не касалось, как Доусон проводит свой выходной, он сделал вид, что не заметил его. Однако на следующее утро Доусон сам завел разговор об этом. Он сказал, что, должно быть, его хозяин удивился, увидев его в «Великолепном», и поэтому он хочет объясниться. Объяснение было вполне удовлетворительным, и этот случай быстро забылся. Фаунтин вспомнил о нем только сейчас после убийства. Он вообще решил, что нужно припомнить все, связанное с Доусоном.

Человек, с которым он обедал тогда, был американцем. Доусон познакомился с ним много лет назад в Нью-Йорке, когда сам служил там. Кажется, он был лакеем в доме какого-то миллионера, но с уверенностью Фаунтин этого сказать не мог — все-таки прошло несколько лет. Наверняка он знал только, что Джаспер Фаунтин нашел Доусона в Америке, привез его в Англию и сделал своим дворецким. Доусон рассказал, что американец, с которым он обедал в тот вечер, сколотил себе приличное состояние и решил посетить Англию. Отыскав адрес своего старого друга, он пригласил его провести вместе вечер в городе. У Фаунтина сложилось впечатление, что этот американец хотел поразить дворецкого, похваляясь перед ним своим богатством. Этот случай вспомнился только теперь, когда Фаунтин стал восстанавливать в памяти все, что знал о Доусоне. Первое, что пришло ему в голову, были непонятно откуда взявшиеся деньги, которые откладывал Доусон. Пока еще никому не удалось выяснить их происхождение. Фаунтин предположил, что Доусон играл в тотализатор на скачках, но домоправительница категорически отвергла это предположение, утверждая, что дворецкий был убежденным противником азартных игр.

Затем ему вспомнился тот вечер в «Великолепном». Все это время он не сомневался в объяснении Доусона, но в свете открывшихся фактов у Фаунтина зародились сомнения в правдивости рассказанной Доусоном истории. Разве не может быть, например, что этот американец был вовсе не старым другом Доусона, а человеком, которого тот каким-то образом держал в своих руках?

— Шантаж? Очень может быть. А от Доусона можно было такого ожидать? У вас были основания так думать?

— Никаких оснований. Но откуда у него деньги? Грех обливать грязью покойника, но чем больше я думаю об этом, тем более правдоподобной кажется мне эта версия. Обратите внимание, это случилось два года назад, как раз тогда, когда Доусон открыл счет в Карчестере. Что вы думаете об этом?

— Безусловно, это интересно, — ответил Эмберли. — Не можете ли вы назвать точную дату?

— Боюсь, что нет, — с сожалением в голосе ответил Фаунтин. — Это было в мой первый приезд сюда, значит, видимо, осенью. Очень жаль, но точнее сказать не могу. Все же я решил сообщить об этом.

— Вы совершенно правы. Этим непременно надо заняться. Пусть инспектор Фрейзер выслеживает неизвестного американца, а может быть, вовсе и не американца, который два года назад в неизвестный день пообедал в ресторане. На это стоит посмотреть!

Фаунтин рассмеялся.

— В вашей подаче все это представляется абсолютно безнадежным. Но, послушайте, кто же все-таки это мог быть?

Где-то в глубине дома зазвенел колокольчик. Тот, кто звонил, был очень настойчив. Колокольчик звенел несколько секунд. Его характерный железный звон гулко разносился по притихшему дому.

— Это парадная дверь, — сказал Фаунтин. — На других дверях электрические звонки. Я только молю бога, чтобы это был не инспектор, будь он неладен. Он повадился ходить сюда и задавать слугам дурацкие вопросы. Им это очень не по душе, могу вас уверить.

Эмберли посмотрел на часы.

— Не думаю, что инспектор выбрал бы для посещения такой час. Если только не случилось что-нибудь чрезвычайное, — сказал он.

После последнего отрывистого звонка воцарилась тишина. Затем они услышали звук открывающейся парадной двери, беспорядочный шум голосов, который становился все громче.

Фаунтин удивленно поднял бровь.

— Что, черт возьми... — начал было он, но осекся и стал прислушиваться.

Кто-то явно говорил на повышенных тонах, но слов они не могли разобрать. Затем донесся шум драки и отчаянный крик: «Помогите!»

Фаунтин вскочил на ноги.

— Боже, это Коллинз! — сказал он и ринулся к двери.

Снова донесся крик:

— Помогите! Помогите!

Фаунтин распахнул дверь и выбежал в холл. Парадная дверь была открыта. На ступенях крыльца два человека сцепились в отчаянной схватке. Одним из них был камердинер, другим — Марк Браун. Свет от фонаря, висевшего над крыльцом, освещал ствол пистолета в руке Марка. Коллинз пытался захватить его. Пospешив на помощь, Эмберли увидел лицо Коллинза. Оно было злым, глаза полны ярости и ненависти, зубы стиснуты, а губы оттянулись назад в каком-то рычании.

Прежде чем Фаунтин или Эмберли успели добежать до парадной двери, Марк вырвался из рук Коллинза.

— Значит, отказываешься, будь ты проклят! — закричал он. — Так на, получи!

Оглушительно хлопнул выстрел, однако Марк, стреляя, пошатнулся, и пуля ушла в сторону. Раздался звон разбитого стекла. Пуля попала в шкаф, стоящий в глубине холла, и, пробив его насквозь, застряла в стене.

Выстрелить еще раз Марк не успел. Эмберли бросился на него, схватил за руку, в которой был пистолет, и вывернул ее назад. Марк закричал от внезапной боли и выронил оружие.

Фаунтин держал Марка за другую руку. Эмберли, не выпуская руки Марка, нагнулся, поднял пистолет и сунул его себе в карман.

В этот момент распахнулась дверь бильярдной. Оттуда выбежал Энтони, за ним — Джоан.

— Привет, привет! — бодро сказал Энтони. — Кто-то играет в разбойников?

Фаунтин разглядывал своего пленника.

— Кто вы такой, черт побери? — гневно спросил он. — Вы соображаете, что делаете?

Боль в вывернутой руке немного протрезвила Марка. Он бросил на Фаунтина мстительный взгляд.

— Пустите меня! — прохрипел он. — Я ничего не скажу вам. Пустите!

Фаунтин продолжал держать его за руку.

— Свяжитесь с полицией, Коллинз, — приказал он.

Налитые кровью глаза вспыхнули.

— Не советую, — сказал Марк угрожающе. — Вы пожалеете об этом! Чертовски пожалеете, это я вам говорю!

— Надрался, — сказал Коркрен, — пьян как сапожник. Кто это такой?

На этот вопрос ответил Коллинз.

— Я полагаю, что это молодой джентльмен из «Плющевого коттеджа».

К Коллинзу уже вернулось его обычное самообладание. На лице и в голосе не осталось и следа эмоций.

— Что? — переспросил Фаунтин, разглядывая Марка.

— Он что, ваш приятель, Коллинз? — осведомился Коркрен.

— Я бы так не сказал, сэр. Но я вижу, что молодой джентльмен, как вы изволили заметить, не совсем трезв.

— Ах, Коллинз, вы, как всегда, преувеличиваете! Пора вам избавляться от этой пагубной привычки. — Коркрен усмехнулся. — В кого он пальнул?

— В меня, сэр, но я думаю, что он не может нести ответственность за свои действия.

— И почему же вы так думаете? — с простодушным видом спросил Коркрен.

Фаунтин продолжал рассматривать Марка.

— Джентльмен, говорите? Вы совершенно правы, Тони, он пьян.

Он толкнул Марка, заставив его продвинуться в глубь холла, и свободной рукой закрыл дверь. После этого Фаунтин отпустил юношу и встал рядом с ним, хмуро глядя на него сверху вниз.

— Послушайте, молодой человек, — сказал он, — какого дьявола вы вламываетесь ко мне в дом и стреляете в моего слугу? Вы понимаете, что я могу за это посадить вас в тюрьму?

Марк в это время растирал поврежденную руку.

— Прекрасно! Сажайте меня в тюрьму! — с безрассудной дерзостью ответил он. — Я этого не боюсь! Я заставлю вас пожалеть о том, что вы мне помешали! Вот так!

Лицо Фаунтина выражало отвращение.

— Я, конечно, должен передать его в руки полиции, но он настолько пьян, что не соображает, что делает.

— Все это прекрасно, — сказал Энтони, — но что побудило его прийти сюда и пытаться убить Коллинза? Просто веселое настроение?

— Я не хотел убивать его! — крикнул Марк, теперь уже выглядевший испуганным. — Я не собирался стрелять в него.

Мистер Эмберли, все это время молча наблюдавший за происходящим, наконец произнес:

— Вам следует извиниться перед мистером Фаунтином. Вы вели себя как идиот.

Фаунтин быстро перевел взгляд на Эмберли.

— Вы знаете его, Эмберли?

— Немного. Это состояние для него более или менее обычное.

— Боже праведный! Ну что ж, я не хочу обойтись с этим юношей слишком жестоко. Как, вы считаете, мне лучше поступить — сдать его в полицию или отпустить?

— Лично я отпустил бы его, — сказал Эмберли, — но это ваше дело, вам и решать.

— Ну, не знаю. В конце концов, он мог убить Коллинза.

Камердинер негромко кашлянул.

— Я совершенно не желаю, сэр, чтобы молодой джентльмен попал в беду. Когда он придет в себя, он поймет, что вел себя нехорошо.

Марк в нерешительности переводил взгляд с Коллинза на Фаунтина.

— Пусть это будет для вас уроком на будущее. Вы должны воздерживаться от употребления спиртных напитков, — строго сказал Фаунтин. Он сделал шаг назад и открыл дверь. — А теперь уходите!

Не говоря ни слова, Марк повернулся и вышел. Фаунтин закрыл дверь.

— Черт побери! — взорвался Коркрен. — Мы поступаем глупейшим образом! Вы уверены, что это не он застрелил старину Доусона?

— Застрелил Доусона? — неуверенно переспросил Фаунтин. — Но зачем, скажите на милость?

— Если так ставить вопрос, то зачем ему понадобилось стрелять в Коллинза? — спросил Коркрен. Увидев, как камердинер незаметно вышел, он продолжил. — Я не говорю, что всецело порицаю его за это, но...

— Тони, не будь таким ужасным, — взмолилась Джоан. Она все еще дрожала, потрясенная неожиданной стрельбой в доме. — Мистер Эмберли, вы ведь не думаете, что он убийца?

— Нет, я считаю это маловероятным, — ответил Эмберли.

— Хорошо, допустим, он не убивал Доусона, — упрямо гнул свою линию Энтони. — Но зачем он сунулся сюда к нам? Только не надо объяснять это тем, что он был пьян. Меня такие объяснения не устраивают. Если я ворвусь в незнакомый дом и подниму стрельбу, а потом, чтобы как-то извиниться, скажу, что был пьян, удовлетворит ли это кого-нибудь? Я думаю, что сначала этому парню захотелось кое-кого пристрелить, а уже потом он опрокинул стаканчика четыре или пять и подумал: «А что такого? Вот пойду прямо сейчас и сделаю это». И не говорите мне, что

естественная реакция на выпивку — взять пистолет, шатаясь, пройти несколько миль к дому, где никогда не был, и устроить там тир! Это ребячество.

— Совершенно верно, — сказал Эмберли. — Если бы я увидел, что ты вламываешься в незнакомый дом, я подумал бы о самом худшем. Но ведь ты уравновешенный человек, чего нельзя сказать об этом юноше.

— Ну! — Энтони был польщен. — Мой старый череп полон серого вещества, не так ли?

— Я этого не говорил, — сказал Эмберли. — Есть большая разница между неуравновешенным и просто слабоумным.

Энтони задумчиво посмотрел вокруг, ища, чем ему запустить во Фрэнка. Джоан поспешно вмешалась.

— О, обойдемся без драки, — произнесла она. — Вы в самом деле так думаете, мистер Эмберли?

В глубине глаз Эмберли пробежали искорки.

— Видите ли, я с ним вместе учился в школе, — сказал он серьезным тоном.

— Еще одно слово, мой дорогой друг детства, и я не буду помогать тебе разгадывать великую тайну Неттлфолда.

— Это было бы ударом для неизвестного убийцы, — заметил Эмберли. — Если говорить серьезно, мисс Фаунтин, то у меня сложилось впечатление, что у молодого Брауна был зуб на кого-то, или, может быть, он думал, что у него зуб на кого-то. И вот он напивается пьяный, при этом ясно не представляя себе, что и против кого он имеет. В принципе он мог испытывать общую ненависть к капитализму, которая и побудила его совершить налет на ваш дом. Во всяком случае, я искренне думаю, что вам не стоит бояться его.

Эмберли посмотрел на часы.

— Ну, мне пора. Надеюсь, сегодня у вас больше не будет неприятных гостей.

Мистер Коркрен увидел для себя возможность отыгаться.

— Да уж, двое гостей в один вечер — это слишком, — с очень довольным видом сказал он.

Выехав из «Мэнора», мистер Эмберли отправился не в сторону «Грейторна», а повернул направо, к Верхнему Неттлфолду. Он не успел отъехать далеко, как фары его автомобиля высветили фигуру пешехода, уныло плетущегося по обочине дороги. Эмберли поравнялся с ним и притормозил. Открыв дверцу, он без лишних слов приказал Марку Брауну сесть в машину.

Марк отказался и пошел дальше, но после того, как команда была повторена более суровым тоном, подчинился.

Эмберли не был настроен на разговоры. Кроме фразы о том, что Марк сваял большого дурака, он не проронил ни слова до самого «Плющевого коттеджа». Марк что-то бормотал, пытаясь объяснить свой поступок, но до ушей Эмберли мало что долетало из-за шума двигателя. К тому же Марк не мог сказать ему ничего разумного и интересного. Через некоторое время Марк понял, что его объяснение не слушают, и угрюмо замолчал на всю оставшуюся часть пути.

Когда машина подъехала к дому, Марк вылез из нее и пошел впереди Эмберли по садовой дорожке. Его неуверенная походка портила тот вид вызывающего безразличия, который он пытался напустить на себя. Когда он подошел к дому, дверь распахнулась, и крыльцо осветилось теплым светом лампы. Раздался встревоженный голос Ширли:

— Это ты, Марк?

Тут она увидела вторую, более крупную фигуру.

— Кто это? — быстро спросила она.

Эмберли вошел в полосу света.

— Не бойтесь, — сказал он.

Она внимательно смотрела на него, и он заметил в ее лице выражение некоторого облегчения.

— Пожалуй, я могла бы и сама догадаться, — сказала она. — Что случилось?

Марк, беспокойно переминаясь с ноги на ногу, вызывающе ответил:

— Он тебе сейчас все расскажет. И не думай, что я нуждаюсь в твоих комментариях по этому поводу. Мне они не нужны, я иду спать.

Он попытался протиснуться мимо нее в дом, но она взяла его за руку.

— Где ты был? Я ходила в «Голубой дракон». Там сказали, что ты ушел.
Он сбросил ее руку.

— Ну, что ж, может быть, это тебя научит не бегать за мной повсюду, — сказал он и быстро прошел в дом.

Ширли повернулась к Эмберли.

— Зайдете в дом? — равнодушно спросила она.

Он проследовал за ней в столовую. В бледном свете лампы ее лицо выглядело усталым и серым. Она указала на стул, приглашая садиться.

— Вы привезли его домой, — сказала она. — Кажется, это превращается в вашу жизненную миссию. Что он сделал?

— Добивался, чтобы его арестовали. — Эмберли достал из кармана пистолет и положил его на стол. — Хочется надеяться, что в дальнейшем вы будете держать пистолет там, где он не сможет его найти.

Она побледнела еще больше.

— Вы правы, я упустила этот момент. Я не знала, что он нашел пистолет. И куда он пошел?

— Разве вы не догадываетесь? — мягко спросил Эмберли.

Она подняла глаза и смотрела на него, не отвечая.

— Он отправился в «Нортон Мэнор».

— Когда он напьется, то ведет себя как безумный. Что он там делал? — спросила она.

— Ничего особенного. Пытался застрелить камердинера.

— О боже! — с горечью воскликнула она.

— Досадно, не правда ли? — посочувствовал Эмберли. — После всех ваших стараний.

— Что они сделали? Что сказали?

— Решили: он пьян и не соображает, что делает. Поэтому вышвырнули его за дверь.

— Что с камердинером?

— Отделался легким испугом.

Некоторое время она молчала, нахмурившись, потом сказала:

— Они отпустили его. Значит... — Она оборвала фразу на полуслове и начала нервно постукивать пальцами по столу.

— Верно, — сказал Эмберли. — Похоже, что он завалил дело, не так ли?

Она изучающе посмотрела на него.

— Я не понимаю, о чем вы говорите.

Эмберли придал своему голосу еще более доброжелательную интонацию.

— Почему вы не решаетесь довериться мне? — спросил он.

Она пожала плечами.

— Не понимаю, почему я должна доверять вам, мистер Эмберли. Я ничего не знаю о вас, кроме того, что вы связаны с полицией. А поскольку полиция не может помочь мне, то...

— Знаю. Но я могу вам помочь.

В ее глазах было недоверие. Она убрала волосы, упавшие на лоб.

— Пожалуйста, больше не беспокойте меня, — сказала она устало. — Я не желаю спорить с вами и не имею ни малейшего представления, о чем вы говорите.

Его лицо стало жестким.

— Конечно, вы же предпочитаете играть в одиночку.

— Именно так.

Он взялся за шляпу.

— Вы поступаете неумно. Ваша игра становится очень опасной, мисс Ширли Браун.

— Неужели? Это что — угроза? — насмешливо спросила она.

— Напротив — предупреждение. Спокойной ночи.

С мрачным видом вернулся Эмберли в «Грейторн». Он был немногословен с Фелисити, которая желала знать, где это он пропадавал столько времени. На следующее утро сразу же после завтрака он уехал, держа путь в Карчестерское отделение полиции. Эмберли тут же провели в кабинет инспектора Фрейзера, который поздоровался с ним с плохо скрываемой враждебностью и сказал, что уже давно ожидает его визита.

Мистер Эмберли был не в настроении. Он так резко ответил инспектору, что тот покраснел от злости. Не давая Фрейзеру времени опомниться, Эмберли потребовал ознакомить его со всеми материалами, которыми полиция располагала к тому времени.

Инспектор, предугадывающий, на чьей стороне будет начальник полиции, счел тактически правильным подчиниться. Прежде всего он показал мистеру Эмберли длинный список безукоризненных алиби. Им обладал каждый обитатель «Нортон Мэнора», включая женскую часть прислуги. К тому времени, когда мистер Эмберли узнал, что главный сторож был в Верхнем Неттлфолде, главный садовник гостил у шофера, камердинер гладил костюм мистера Фаунтина, а второй садовник проводил время в обществе молодой леди, он уже откровенно зевал. Когда же инспектор предложил посмотреть список обитателей коттеджей, расположенных недалеко от места убийства, он наотрез отказался, сказав, что приехал в Карчестер не для того, чтобы узнать, кто не совершал убийства.

Инспектор, буркнув что-то по поводу сыщиков-любителей, начал говорить о поисках гильзы. Оказалось, что гильзу не нашли. Следы от велосипедных колес в полях за живой изгородью также не были обнаружены. Источник доходов Доусона оставался окутанным покровом тайны.

— Другими словами, — заявил мистер Эмберли, — полиция не нашла ровным счетом ничего.

Пока инспектор соображал, что ответить, Эмберли вкратце пересказал ему историю, услышанную от Фаунтина прошлым вечером.

Инспектор очень заинтересовался. Когда Эмберли закончил, он сказал, потирая руки:

— Ну вот, теперь что-то начинает вырисовываться. Жаль, что мистер Фаунтин не припомнил это раньше. Для тренированных мозгов ваш рассказ, мистер Эмберли, представляет огромную важность.

— Огромнейшую, — согласился Эмберли. — Надеюсь, вы получите массу удовольствия. А пока я хочу, чтобы взяли под наблюдение Марка Брауна.

Несколько мгновений инспектор непонимающе смотрел на Эмберли. Затем его лицо расслабилось и приняло снисходительно-насмешливое выражение.

— Марк Браун, сэр? Так, так... Боюсь, что вы увлекаетесь чтением популярных детективов. Это в их стиле. Таинственный молодой человек, который приезжает неизвестно зачем и ведет подозрительный образ жизни. Но, поверьте, все это ерунда. Полиция не дремлет.

— По крайней мере, не вся, — поддакнул мистер Эмберли. — Вы все поняли? Мне нужно, чтобы Марка Брауна взяли под наблюдение.

— Прекрасно, мистер Эмберли, но мы уже навели о нем справки. Ничего подозрительного. Вы взяли ложный след. Он со своей сестрой живет в Эрлскорте в маленькой квартирке, которую они сдали на месяц. Сестра работает секретарем у Энн Марч.

— Мне нужно, чтобы Марка Брауна взяли под наблюдение.

— Я получаю приказы только от начальника полиции.

— Правильно делаете. Не возражаете, если я воспользуюсь вашим телефоном?

— Конечно, если у вас есть достаточные основания для того, чтобы его взяли под наблюдение, это меняет дело, — пошел на попятную инспектор. — Что вы узнали о нем?

— Пока ничего. Я смогу ответить на этот вопрос полнее через ... ну, скажем, через пару дней.

— Подозрения, и только? Боюсь, сэр, что полиции нужно нечто большее.

— Поэтому-то я и не хочу отягощать вас неподтвержденными подозрениями.

Инспектор потер подбородок, искоса глядя на Эмберли.

— Может быть, вам все же лучше рассказать нам о своих догадках, мистер Эмберли, — сказал он наконец. — Я бы с удовольствием послушал. Вы считаете, что он совершил убийство?

— Напротив, я считаю это совершенно невероятным.

Инспектор зарделся.

— Не знаю, что у вас на уме, сэр, но если Браун не замешан в убийстве, то мне он неинтересен.

— В это я готов поверить. Вы никогда ничего не видели дальше собственного носа. Мне уже не первый раз приходится говорить, что убийство, видимо, наименее интересная часть всего дела.

— Вы так полагаете, сэр? Надо же! А я вот считал, что убийство как раз составляет все дело.

— Что ж, постарайтесь избавиться от этой ложной идеи. Похоже, я столкнулся кое с чем более значительным, чем кажется на первый взгляд. Все гораздо серьезнее, чем вы думаете.

Инспектор выпрямился на своем стуле.

— Вы что, разыгрываете меня? — возмутился он. — Что это все значит?
Эмберли встал.

— Боюсь, не смогу объяснить вам это, инспектор, — сказал он. — Но полиция, видимо, ничего тут не сделает.

— Хм-м! Может быть, она все-таки попытается?

— Этого-то я и опасуюсь, — в тон ему ответил Эмберли. — Не хочу, чтобы единственное свидетельство было уничтожено.

— Послушайте, сэр! Вы все же кое-что раскопали, иначе вряд ли бы стали так разговаривать.
Эмберли улыбнулся.

— Кое-что, инспектор. Важный ключ, — он сделал паузу и улыбнулся еще шире, — который в теперешних условиях совершенно бесполезен.

— Не могу похвалиться, что я понимаю вас, мистер Эмберли. Мне кажется, что вы говорите чепуху.

— Этого и следовало ожидать, — согласился Эмберли. — И, кроме того, вы мне не доверяете. Теперь скажите, вы собираетесь выделить человека для наблюдения за Брауном или же предпочитаете, чтобы сначала я поговорил с начальником полиции?

— Полагаю, мы можем взять его под наблюдение, если уж вы так настаиваете, — не очень любезно сказал инспектор.

Эмберли кивнул головой.

— Подойдет любой из ваших многообещающих людей. Чем заметней он будет, тем лучше. И еще, инспектор, с Брауна нельзя спускать глаз. Мы с вами увидимся через день или два. Мое почтение полковнику Уотсону. Всего хорошего.

На обратном пути в Верхний Неттлфолд он остановился у железнодорожной станции, чтобы купить газету. Пока он стоял у газетного киоска, к платформе подошел лондонский поезд, прибывший по расписанию в 10.30. Эмберли окинул рассеянным взглядом выходящих из поезда пассажиров.

Из последнего вагона вышел худощавый человек средних лет с двумя чемоданами. Одет он был rispetабельно и неброско и походил на старшего слугу аристократического дома. Он сразу же заметил мистера Эмберли и, ища в жилетном кармане билет для предъявления на выходе, незаметно поглядывал на него.

Глаза Эмберли, блуждавшие по лицам пассажиров на платформе, остановились на этом человеке, и их взгляды на мгновение встретились. Человек с чемоданами шел по платформе к турникету. Поравнявшись с Эмберли, он искоса глянул на него. Но мистер Эмберли уже развернул газету, которая скрыла его лицо.

8

Увидев нового дворецкого Фаунтина, Эмберли подумал, что он как нельзя лучше вписывается в уклад «Мэнора». Это был вежливый человек со скромными карими глазами и лысиной на макушке. С точки зрения Энтони Коркрена, он вполне годился для своей роли, но был, пожалуй, чересчур любезен и услужлив. Энтони считал нормальным его явное стремление ладить с другими слугами, не одобряя лишь знаки дружелюбия к Коллинзу.

Зная мнение Коркрена, Эмберли при первой встрече удостоил нового дворецкого долгим пристальным взглядом. Бейкер вежливо улыбнулся и пошел к двери в гостиную доложить об Эмберли.

Эмберли остановил его.

— Мое имя — Эмберли, — мягко произнес он.

Бейкер метнул на него быстрый взгляд и сказал извиняющимся тоном:

— Да, сэр. Благодарю вас.

— Вы ведь не могли это знать, правда? — еще мягче сказал Эмберли.

— Конечно, сэр. Вы совершенно правы.

Мистер Эмберли неторопливо проследовал за ним в гостиную.

В отличие от Коркрена Фаунтин был в восторге от нового дворецкого. О, этот человек знает свое дело, старается и к тому же со всеми ладит. Возможно, он немного туповат, но идеальных людей не бывает. Даже с Коллинзом он, похоже, нашел общий язык, а это не всякому удавалось.

Поговорив о новом дворецком, Фаунтин поинтересовался, не приехал ли Эмберли с какой-нибудь особой целью. Как выяснилось, специальной цели не было. Эмберли задал Фаунтину два-три незначительных вопроса и собрался уезжать. На вопрос Фаунтина, как продвигается расследование, он лишь неопределенно пожал плечами.

— Я договорился с Фрейзером, чтобы он приставил кого-нибудь следить за Марком Брауном, — сказал Эмберли.

Забавно было видеть, как изменилось лицо Фаунтина, только что выражавшее интерес и уважение. Похоже, он вдруг усомнился в интеллектуальных способностях своего гостя.

Мистер Эмберли усмехнулся.

— Кажется, ваша вера в меня начинает потихоньку развеиваться, не так ли, Фаунтин?

Фаунтин поспешно запротестовал. У Эмберли наверняка есть свои резоны, но все же не будет ли это, так сказать, напрасной тратой времени? Нельзя же серьезно предположить, что Браун может иметь какое-нибудь отношение к убийству Доусона — это просто невероятно!

Мистер Эмберли усмехнулся еще раз и заметил, что мистер Фаунтин не единственный, кого он разочаровал этим первым ходом в игре.

Оставив Фаунтина в полном недоумении, Эмберли сел в машину и направился в Верхний Неттлфолд навестить своего друга сержанта Габбинса.

Если Фрейзер и Фаунтин были явно разочарованы, то сержант, напротив, встретил Эмберли с распростертыми объятиями и заявил, что полностью ему доверяет.

— Я знаю вас, сэр, уже около трех лет, а может, даже дольше, — пустился он в воспоминания. — Два раза я делал вам предупреждения за опасное вождение, три раза штрафовал за стоянку в неположенном месте, и один раз мы вместе принимали участие в расследовании. И поэтому если уж я вас не знаю, то кто же тогда вас знает? Нет, все равно, что бы там кому ни казалось, я говорю: мистер Эмберли наверняка...

— Вы так меня захвалите, сержант, — прервал его Эмберли. — А сами-то вы что думаете по этому поводу?

Сержант приосанился.

— Марк Браун, сэр. А? Что вы скажете? Здесь мы с вами кое-что знаем. Инспектору все это не очень-то нравится. Не по душе ему это. Он тут много распинался о том, что какие-то дилетанты вмешиваются в дела полиции; нет нужды все это пересказывать. Но он не видел, как Альберт Коллинз выходил из «Плющевого коттеджа». — Он сделал паузу и почесал в затылке. — Правда, если уж на то пошло, я тоже этого не видел, но для меня достаточно того, что вы это видели.

Мистер Эмберли спросил, не говорил ли сержант инспектору о визите Коллинза в «Плющевый коттедж». Сержант заговорщицки подмигнул.

— Нет, сэр. Не говорил. Как-то, знаете, не вспомнилось про это.

Эмберли улыбнулся.

— Удобная у вас память. И впредь не нужно рассказывать ему об этом.

— Да, сэр, конечно. Я не буду рассказывать, — заверил он, не сводя с Эмберли своих колючих голубых глаз. — Если бы я видел это своими глазами, то другое дело. Но у меня нет никаких причин пересказывать инспектору всякие слухи.

— Абсолютно никаких, — согласился Эмберли. — Скажите, а парень взят под наблюдение?

— Да, сэр, все в порядке, — ответил сержант. — Наблюдение поручено молодому Такеру. Но если бы меня спросили, я сказал бы, что его с таким же успехом можно было поручить молодому слону — более заметную фигуру найти трудно.

— Это ничего, — произнес Эмберли. — Самое главное, чтобы кто-нибудь ходил за ним по пятам; большего я не желаю.

Сержант кашлянул.

— Я не сомневаюсь, сэр, что у вас на это есть свои основания, — бросил он пробный шар.

— Нет, — искренне ответил Эмберли. — У меня пока только подозрения, которые могут оказаться притянутыми за уши. Слежка за Брауном — это предосторожность, и, возможно, излишняя.

— Мне все же кажется, что это дело весьма любопытное.

— Я тоже так считаю, сержант. Весьма любопытное.

— Но я не думаю, — продолжал сержант, — что этот молодой выпивоха имеет отношение к делу. Кто он такой, сэр, если разобраться? Обыкновенный молодой пьяница. Пожалуй, слишком скандальный для своего возраста. Из вечера в вечер одна и та же картина; он идет в «Голубой дракон», накачивается до одурения и сидит там, пока его не выставят за дверь при закрытии заведения. Мне жаль молодую леди, но, я думаю, почему бы ей не определить его в одну из тех лечебниц, о которых везде пишут, где лечат людей, злоупотребляющих спиртным? Конечно, может быть, там не такое нежное обхождение, к которому он привык, но что делать. Как иначе поступать с этим молодым алкоголиком? Если она думает, что сама справится с ним, то, я считаю, это напрасные надежды. Миссис Джонс, которая прислуживает им в «Плющевом коттедже», говорит, что если что-нибудь втемяшится Брауну в голову, так его не сдержит даже полк солдат.

— Так он каждый вечер посещает «Голубой дракон»? — задумчиво переспросил Эмберли.

— Как часы. Это все знают, и даже старый Уогг, который не раз сиживал за нарушение общественного порядка в пьяном виде, был потрясен тем, как фамильярно обходится с бутылкой такой зеленый юнец.

— Не ведет ли он каких-нибудь разговоров?

— Нет, я не слышал. Если ему задают какой-либо общий вопрос, пытаюсь завести разговор, он реагирует на это глупейшим образом, заявляя, что никто ничего у него не выпытает. Я знаю много пьяниц, которые после четвертого или пятого стаканчика держатся так, будто они владеют невероятными секретами, а все якобы пытаются вытянуть из них эти тайны.

— Он так говорит?

— Говорит. Правда, в более кратких выражениях. Он просто сидит и пьет, а если иногда развязывает язык, то просто несет всякую чепуху. Но быстро замолкает; в противном случае мистер Хокинс просто выставляет его за дверь. Поэтому он сидит очень тихо и смотрит безумными глазами куда-то в пространство перед собой. Очень неприятная картина, как я слышал. Я не хочу утверждать, что когда он пьян, то способен пойти и убить кого-нибудь. Наоборот, если бы он сделал это, я был бы очень удивлен. Я удивляюсь даже, как ему удается в таком состоянии добираться до дома, не попадая под машину. А когда он бывает трезв, то превращается в ягненка, который не способен выпустить кишки из кого-либо, то есть, извините за выражение, сэр, совершить убийство. По крайней мере, я не могу себе такого представить. Однако я полагаю, сэр, что вы лучше меня знаете, что вам делать. Во всяком случае, от того, что парня взяли под наблюдение, вреда никому не будет.

— Я даже надеюсь, что это предотвратит возможный вред, — сказал мистер Эмберли на прощание.

Он вышел из отделения полиции и, сев в машину, поехал через рыночную площадь, держа путь в «Грейторн». Однако ему пришлось остановиться, так как с тротуара его неожиданно окликнула Ширли Браун. Он с готовностью подрулил к ней. Дрожащим от негодования голосом она сказала, что хочет поговорить с ним. Он шутливо ответил, что это для него приятный сюрприз.

Ширли не приняла шутки. Ее глаза горели бешенством. От волнения она немного заикалась, спрашивая, по его ли указанию переодетый полицейский следит за ее братом! Бесплезно отрицать. В ответ Эмберли рассмеялся. Она обвинила его в двурушничестве: просил довериться ему и тут же устроил слежку за Марком. «И дураку видно, — говорила она, — что вы полицейский. Как вы смеете! Не желаю больше видеть вас!»

Высказав это, она резко повернулась на каблуках и зашагала прочь, в ярости чувствуя, что он смеется ей вслед.

На следующий день мистера Эмберли вновь посетил явно встревоженный начальник полиции. Опасаясь, как бы чего не случилось, он решил, что следует повидаться с Эмберли. Мистер Эмберли, пребывавший в несвойственном ему раздражении, посоветовал полковнику радоваться, что ничего не случилось, а когда полковник, сильно волнуясь, рискнул спросить, что он имеет в виду, мистер Эмберли зажал в зубах трубку, заложил руки в карманы серых

фланелевых брюк и начал расхаживать по комнате, не удостоивая собеседника ответом. После того как полковник повторил вопрос, Эмберли сказал, что, пока не получит ответа на отправленную им телеграмму, ему нечего сообщить.

Ответ на телеграмму пришел в тот же вечер около десяти часов. Дворецкий принес его в гостиную, где Эмберли слушал рассуждения сэра Хэмфри на тему о заповедных угодьях. Сэр Хэмфри, ничуть не интересуясь убийствами в своем округе, испытывал справедливое негодование из-за того, что в этом же округе появились браконьеры. Он рассказывал Эмберли, что думает по этому поводу его сторож и что в связи с этим предполагает делать старик Клитероу-Уилльямс, а также поведал о том, что прошлым утром в пять часов он сам слышал выстрел, а затем сообщил, что намерен поговорить с Фаунтином о его старшем стороже, об этом ничего не смыслящем осле, лентяем сделать лишний шаг. Эмберли рассеянно отвечал ему, раскладывая при этом сложный пасьянс.

Когда принесли телеграмму, Эмберли сгреб все карты в кучу и, не дожидаясь конца монолога, отправился ее расшифровывать.

Фелисити, сгорая от любопытства, вошла в его комнату и спросила, имеет ли телеграмма отношение к убийству Доусона. Не взглянув на нее, Эмберли ответил, что не имеет. Фелисити была разочарована.

— Так или иначе, — сказала она, — ты, кажется, доволен полученным сообщением.

— Я всегда доволен, когда мои логические построения подтверждаются, — ответил Эмберли. Он встал и взглянул на наручные часы. — Должен покинуть тебя, любовь моя. Скоро вернусь.

Он прошел вокруг дома к гаражу и, взяв свою машину, уже во второй раз за этот день поехал в отделение полиции Верхнего Неттлфолда. В момент его приезда сержант сдавал дежурство, но, увидев Эмберли, с готовностью вернулся в свой маленький кабинет.

— Это касается Марка Брауна, — не тратя лишних слов, сказал Эмберли. — Инспектор склонен недооценивать важность наблюдения за ним, и мне кажется, что его пренебрежительное отношение передалось констеблю Такеру. Имейте в виду, сержант. Абсолютно необходимо, чтобы с Брауна не спускали глаз. Назначьте человека, чтобы подменить Такера ночью. Ответственность я беру на себя.

— У меня нет ни одного свободного полицейского, сэр, но если вы говорите, что это нужно, то я сам сделаю это. Вот так. Да, что вы хотите? — произнес сержант.

Последняя фраза была обращена к дежурному констеблю, который, спеша, вошел в кабинет.

— Это Такер, сержант. То есть не совсем он, но по телефону передали срочное сообщение. Он просит, чтобы вы немедленно выехали. Это на Коллингхерстской дороге.

— Так что же там произошло? — спросил сержант. — Говори скорей!

— Тот молодой парень, за которым он следил, сержант; он был пьян и свалился в реку.

— Ну и что? Зачем из-за этого поднимать такой шум? — с раздражением сказал сержант. — Любой мог сообразить, что рано или поздно с ним должно было произойти нечто подобное. Но этот дурень Такер мог бы и не допустить этого.

— Этот парень мертв, сержант, — сказал констебль.

— Мертв? — У сержанта отвисла челюсть, он беспомощно посмотрел на мистера Эмберли.

Эмберли резко повернулся навстречу констеблю и на несколько мгновений застыл в неподвижности. Затем он достал портсигар и очень медленно извлек из него сигарету. Он встретился взглядом с сержантом, потом захлопнул портсигар и полез в карман за спичками.

Сержант в оцепенении смотрел на него. Мистер Эмберли зажег сигарету и бросил спичку в каминную решетку. Затянулся и посмотрел на констебля.

— Кто передал сообщение?

— Я не знаю его имя, сэр. Но он вел себя как джентльмен. Он сказал, что проезжал в машине мимо места происшествия, и Такер попросил его подъехать к ближайшему дому и связаться с нами.

— Понятно. Я подвезу вас туда, сержант.

Сержант встряхнулся.

— Да, сэр. Хармер, найдите Мейсона и Филпотса, пусть они вызовут машину «Скорой помощи».

Констебль вышел. Сержант встал и сказал, глядя на Эмберли:

— О господи, сэр! Вот почему вы попросили взять его под наблюдение. Вы ведь этого ожидали?

— Этого-то я и боялся. Проклятый кретин этот Такер.

Сержант понизил голос:

— Скажите, мистер Эмберли, это убийство?

Эмберли мрачно усмехнулся.

— Вы становитесь очень проникательным, не так ли? Можете не сомневаться, что присяжные вынесут заключение о смерти в результате несчастного случая. Вы готовы ехать?

Сержант молчал до тех пор, пока не сел в машину рядом с Эмберли. Тогда он сказал:

— Если это убийство, неужели вы допустите, чтобы оно осталось безнаказанным, сэр?

— Разве я сказал, что это убийство? — спросил Эмберли.

«Бентли» проехал насквозь через весь город и замедлил свой ход лишь у последних беспорядочно стоящих домов, расположенных в ложбине. Они въехали в облако тумана, который становился все гуще по мере того, как дорога приближалась к реке.

— Осторожно, сэр, — предостерег сержант. — В это время года здесь на глинистых почвах сплошные туманы.

— Я думаю, потихоньку можно двигаться сквозь туман.

Проехав немного дальше, они разглядели в тумане силуэт человека, махавшего им с обочины дороги. Эмберли подрулил к нему и остановился. Туман плыл клубами в ярких лучах автомобильных фар. Сквозь него едва просматривались очертания второго человека и тела, лежащего на земле вниз лицом.

Сержант вылез из машины с максимальной быстротой, которую допускала его комплекция.

— Это ты, Такер? Как это произошло?

Мистер Эмберли внезапно включил подвижную фару. Ее луч начал двигаться влево и остановился, дойдя до второго человека. Это был Коллинз, в одной насквозь мокрой рубашке.

— Как интересно! — сказал мистер Эмберли и вышел из автомобиля.

Сержант подошел к Коллинзу.

— Что вы тут делаете, милейший? — осведомился он.

Лицо камердинера было серым, на лбу выступил пот. Он казался обессиленным.

— Это он вытащил Брауна, — нехотя сообщил Такер.

— Когда я... когда я подошел, он пытался привести его в чувство. Мы старались, как могли, сержант. Но все было напрасно. Он был мертв.

— Да, но кое-что тебе все-таки придется объяснить, когда вернемся в полицию, — сказал сержант. Он посмотрел на Коллинза. — Что касается вас, то вам тоже придется пойти с нами и дать свои объяснения. Не спускай с него глаз, Такер.

Он повернулся в другую сторону и пошел к Эмберли, который стоял на коленях у тела Марка.

Голова Марка была повернута в сторону, руки вытянуты.

— Дайте свет, сержант, — сказал Эмберли, не поднимая головы.

Сержант достал из кармана фонарик. Эмберли взял его и направил луч на голову Марка, внимательно осматривая ее.

— Будьте добры, помогите мне перевернуть его.

Они перевернули безжизненное тело на спину. Глаза Марка были закрыты, челюсть немного отвисла. Эмберли бережным движением убрал с его лба мокрые волосы и поднес фонарик еще ближе. Через несколько секунд он выключил фонарик и встал.

— Никаких следов удара. Несчастный случай, сержант.

— Откуда здесь взялся Коллинз? — бормотал сержант. — Мы еще разберемся в этом.

— Думаю, что придется разобраться, — сказал Эмберли. Он вернулся к машине. — Коллинз, я вам рекомендую сесть в автомобиль и закутаться в этот коврик.

Говоря это, он сам сел в машину за руль и хмуро посмотрел вперед.

Сержант осведомился, обыскали ли Коллинза, и, выяснив, что нет, быстро обыскал его сам. Коллинз не проронил ни слова.

Затем сержант накрыл тело Марка, использовав для этого сброшенное пальто Такера, и встал рядом в ожидании машины «Скорой помощи». Такер начал, заикаясь, что-то объяснять, но сержант строго оборвал его:

— Все расскажешь в полиции.

На дороге было очень холодно. Туман создавал какую-то тяжелую промозглость. Камердинер на заднем сиденье автомобиля весь дрожал; его взгляд был прикован к мертвому телу. На мгновение он поднял глаза и посмотрел на сержанта.

— И что бы вы ни говорили, — немного погодя сказал сержант, обращаясь к Эмберли, — если человек похож на убийцу, то скорее всего он и есть убийца. Нырнул, чтобы спасти его? Как бы не так! Скорее, чтобы придушить его под водой. Я скажу вам, сэр, что, когда я поймал его взгляд, мне показалось, что это сам дьявол. Я не преувеличиваю.

Наконец подъехала машина «Скорой помощи». В нее погрузили тело Марка, накрытое покрывалом. Двое полицейских в машине «Скорой помощи» поехали на ней же обратно для сопровождения трупа в морг. Сержант снова сел в автомобиль Эмберли.

В полицию возвращались в полном молчании. По прибытии на место Коллинза в сопровождении полицейского послали переменить одежду, а Такер и Эмберли прошли с сержантом в его кабинет.

Отчет Такера о случившемся был неполным, поскольку он не находился непосредственно на месте происшествия. В соответствии с данными ему указаниями он в начале вечера проследовал за Марком до «Голубого дракона» и некоторое время ожидал его снаружи. Затем заглянул внутрь и удостоверился, что Марк, как обычно, сидит за столиком в углу, слишком пьяный для того, чтобы учинить какое-либо безобразие. Такер понял, что мистер Эмберли считает Брауна замешанным в убийстве Доусона, но сам подумал, что в таком состоянии Браун не очень-то нуждается в наблюдении. Кроме того, он никогда прежде не уходил до закрытия. Такер отошел на несколько шагов от «Голубого дракона», решив, что ничего плохого не случится, если он немного посидит в тепле и поболтает с хозяином соседнего кафе. Он возвратился на свой пост через несколько минут после закрытия «Голубого дракона» и обнаружил, что Марк уже ушел домой. Он последовал за ним не потому, что видел в этом много толку, но потому, что таковы были данные ему указания. Браун, видимо, ушел из «Голубого дракона» еще до закрытия, поскольку даже быстрым шагом Такер не мог его догнать. Когда он дошел до места, где дорога сворачивает к реке, то услышал зов на помощь. Он бросился вперед и прибежал на место происшествия как раз в тот момент, когда Коллинз, выглядевший совершенно обессиленным, вытащил тело Брауна на берег, положил его и начал делать искусственное дыхание. Такер сразу же присоединился к нему, и они работали не покладая рук, пытаясь вернуть юношу к жизни. Минут через десять Такер понял, что они уже опоздали, но Коллинз ругался и заставлял его продолжать. Коллинз говорил, что парень был под водой не настолько долго, чтобы утонуть, и они должны вернуть его к жизни. Однако им так и не удалось ничего добиться.

Такер остановил первую попавшуюся машину. Он не хотел оставлять Коллинза с телом и попросил владельца машины, мистера Джеррольда из Коллингхерста, позвонить в полицию и передать сообщение.

Такер честно рассказал все, что произошло, стараясь при этом не смотреть на мистера Эмберли. Он ожидал выговора и, оправдываясь, повторял, что инспектор не отдавал ему приказа не упускать Брауна из виду ни на минуту.

— Ты дурак, — сказал сержант и попросил привести Коллинза.

Коллинза снабдили одеждой, которая была ему немного велика, и дали глоток спиртного. Землистый оттенок с его лица исчез, а глаза, которые показались сержанту глазами убийцы, были, как всегда, холодны и невыразительны. Его рассказ о случившемся был весьма сдержанным. Он шел сзади Брауна на небольшом расстоянии от него и видел сквозь туман, как тот пошатывался. Молодой джентльмен казался очень пьяным, несколько раз спотыкался и явно не мог идти прямо. Его шаги были столь неуверенными, что Коллинз решил подойти к нему поближе, опасаясь как бы он не попал под автомобиль, водитель которого мог не заметить его в тумане. Кроме того, ему трудно было что-либо рассмотреть даже с фонариком в руке. Мистер Эмберли и сержант сами могли заметить, что туман был особенно густым в низине, где дорога спускается прямо к реке. Юноша, видимо, на этом месте сошел с дороги и споткнулся у самой кромки обрыва. Браун внезапно исчез из виду, и Коллинз тут же услышал, как он, падая, закричал. Затем раздался всплеск воды, и Коллинз сразу же побежал к тому месту, где в последний раз видел силуэт юноши. Он крикнул ему, но в ответ не донеслось ни звука. Зная, в каком состоянии был Марк,

Коллинз испугался, что тот не сможет доплыть до берега. Он решил, что для спасения Марка ему нужно войти в воду, и сделал это, лишь немного задержавшись, чтобы снять пальто и ботинки. Он нырял и плавал, и ему казалось, что он в воде целую вечность. Он подумал, что молодой джентльмен сразу же пошел на дно. Если он и боролся за свою жизнь, то недолго, ибо, когда он, Коллинз, входил в воду, было тихо. Он уже почти отчаялся найти его, когда вдруг наткнулся на что-то под водой и, ухватившись, понял, что это рука человека. Он не слишком хороший пловец, и все же ему удалось вынести тело на берег и дотащить до дороги. Несколько раз он крикнул, зовя на помощь, так как сам уже обессилел и вряд ли смог бы сделать Марку искусственное дыхание. Тем не менее, он делал все возможное до тех пор, пока не подошел констебль Такер, который стал ему помогать. Он уверен, что констебль подтвердит его рассказ.

Сержант слушал в скептическом молчании. Затем произнес:

— Так вот, значит, как оно получилось. А как вы оказались на Коллингхерстской дороге в такой поздний час?

Ответ поразил его.

— Я следовал за молодым джентльменом, — сказал Коллинз.

Сержант, который и так был уверен в этом, пришел в замешательство.

— Ах, вот как... Следовали за ним... — пробормотал он. — Но почему?

Коллинз бросил взгляд на Эмберли.

— Я хотел встретиться с молодым джентльменом в связи с очень неприятным случаем, который произошел в «Нортон Мэноре» три дня назад. Я полагаю, мистер Эмберли понимает, о чем я говорю.

— Не надо ссылаться на мистера Эмберли, — строго сказал сержант. — Что за неприятный случай?

Коллинз облизал губы.

— Дело в том, сержант, что мистер Браун, находясь под воздействием алкоголя, явился в «Мэнор» и, когда я открыл ему дверь, набросился на меня с угрозами, не все из которых были мне понятны. Он, видимо, принял меня за кого-то другого.

— Вот как? А почему вы так думаете?

— Я не могу представить себе, за что этот молодой джентльмен мог так ополчиться на меня.

— Вы с ним совершенно не были знакомы?

У Эмберли на лбу появилась еле заметная складка. Интонации сержанта были достаточно выразительными, чтобы насторожить Коллинза.

— Не скажу, что бы мы были знакомы с молодым джентльменом, сержант, — вкрадчивым голосом сказал Коллинз. — Я свое место знаю. Но однажды я встретил мистера Брауна в Верхнем Неттлфолде, когда он был немного под парами, и настроение у него по этому случаю было чрезвычайно дружелюбным. Причем до такой степени, что он настойчиво пытался подарить мне свой портсигар. Я полагаю, что это было результатом действия алкоголя. У мистера Брауна было впечатление, что он встретил своего друга. Я не смог ничего поделаться — пришлось взять портсигар. Естественно, при первой же возможности я вернул его.

— Вы его послали мистеру Брауну?

— Нет, сержант, я сам отнес его в «Плющевый коттедж» и отдал молодому джентльмену, — спокойно ответил Коллинз.

Сержант красноречиво посмотрел на Эмберли.

— Мистер Браун, — продолжал Коллинз, — был в это время совершенно трезв и вел себя, как подобает джентльмену.

— Забавная история, как мне сдается, — сказал сержант. — Ну-с, продолжайте. Зачем ему понадобилось прийти к вам в «Мэнор»?

— Этого, сержант, я не знаю. И это очень беспокоило меня, если можно так сказать. Дело в том, что молодой джентльмен пытался стрелять в меня, как вы, сэр, — он поклонился в сторону Эмберли, — очевидно, помните. Мистер Фаунтин, не желая быть жестоким к мистеру Брауну, который явно был в невменяемом состоянии, отпустил его. Однако мистер Браун допустил несколько выражений в мой адрес, которые остались для меня совершенно непонятными. Фактически он угрожал застрелить меня при первой же возможности.

— И поэтому вы решили ходить за ним по пятам, так, что ли? — саркастически усмехнулся сержант.

— Именно так, сержант. — Ничто не могло пошатнуть спокойного самообладания камердинера. — Очень неприятно сознавать, что некий молодой джентльмен находится в таком опасном заблуждении. Я подумал, что мне лучше всего попытаться встретиться с мистером Брауном и попробовать выяснить, что он в своем больном воображении имеет против меня. Конечно, мне не всегда предоставляется возможность уйти из «Мэнора», но сегодня вечером мистера Фаунтина не было дома. Он уехал в Лондон и собирался вернуться поздно. Поэтому я и смог отлучиться. Зная, так сказать, привычки мистера Брауна, я решил подождать его у «Голубого дракона». Опасаясь, как бы не случилось скандала на людях, я решил идти за ним до его дома и там спросить, чем я мог обидеть его. Дальше, сержант, все произошло так, как я уже рассказал.

Сержанту явно не понравилась рассказанная Коллинзом история, ни одному слову из которой он не поверил. Однако доказать ее ложность он пока не мог, равно как не мог обвинить Коллинза в том, что он столкнул Марка Брауна в реку. Из свидетельства Такера следовало, что Коллинз не только бросился в реку, чтобы спасти Марка, но что он, кроме того, отказывался прекратить попытки реанимировать Брауна, когда полицейский заявил, что их усилия бесполезны. Сержант посмотрел на Эмберли, желая получить от него подсказку, но Эмберли сам обратился с вопросом к Коллинзу:

— Скажите, когда вы шли за Брауном, не проезжала ли мимо какая-либо машина? Или, может быть, проходил кто-то?

Коллинз не задумываясь ответил, что никого не видел до тех пор, пока не появился мистер Джеррольд, которого остановил Такер.

Казалось, что этот ответ удовлетворил мистера Эмберли. Он подошел к камину и начал набивать свою трубку.

— Что ж, пожалуй, вы можете идти, — неохотно сказал сержант. — Но не думайте, что мне понравился ваш рассказ. Совсе нет. Вот если бы вы могли представить свидетелей, которые подтвердили бы истинность ваших слов, тогда другое дело. Но пока все это — лишь ваши слова, а единственный человек, который мог бы подтвердить их или опровергнуть, утонул.

Коллинз медленно произнес:

— Я уверен, сержант, мисс Браун подтвердит, что у ее брата не было причин убить меня. Кроме тех случаев, о которых я рассказал, я никогда не виделся с этим молодым джентльменом.

— Можете не сомневаться, милейший, мы поговорим с мисс Браун, — заверил его сержант.

— Хорошо, сержант, я был бы рад этому, — кротко сказал Коллинз.

— И не забудьте, что вам придется явиться на судебное следствие, — сказал сержант и жестом руки показал Коллинзу, что он может идти.

Коллинз вышел вместе с констеблем Такером. Сержант сел на стул и посмотрел на мистера Эмберли.

— Итак, сэр, что вы обо всем этом думаете? — спросил он.

— Я уже говорил вам, сержант, что вы получите заключение суда о смерти в результате несчастного случая.

— Но только не говорите, что вы поверили этому вранью.

— О нет! — сказал Эмберли. — Но опровергнуть это трудно. Взять хотя бы бьющее ключом дружелюбие Брауна по отношению к Коллинзу. Вполне вероятное дело. Как-то раз один пьяница настойчиво уговаривал меня принять в подарок пять фунтов. Так что свой визит в «Плющевый коттедж» камердинер объяснил очень правдоподобно. Да, сержант, надо отдать должное мистеру Альберту Коллинзу — он очень находчив. С ним приятно иметь дело. Объяснение того, зачем он шел за Брауном, возможно, и не так убедительно, но все же правдоподобно. Боюсь, что вам не удастся, сержант, повесить на него смерть Брауна.

— Может быть, удастся, может быть, нет, но в любом случае мне этот Альберт Коллинз совсем не нравится.

— Пожалуй, здесь я соглашусь с вами, — сказал мистер Эмберли, беря в руки шляпу. — А сейчас я собираюсь освободить вас от неприятной работы. Я сам уведомя мисс Браун о том, что случилось.

— Это было бы очень любезно с вашей стороны, сэр, — поблагодарил его сержант. — Кстати, вы сможете узнать ее мнение о той сказочке, которую мы с вами сегодня услышали. Может быть, вам удастся это сделать лучше, чем мне.

— Очень может быть, — ответил мистер Эмберли.

9

Мистер Эмберли подъехал к «Плющевому коттеджу» и позвонил. Когда Ширли распахнула дверь, по ее бледному и встревоженному лицу было видно, что она очень обеспокоена долгим отсутствием Марка.

Увидев Эмберли, Ширли отпрянула назад. Она едва удержалась, чтобы не захлопнуть дверь перед самым его носом.

— Должно быть, мистер Эмберли в очередной раз доставил домой брата? — вслух предположила она.

— Нет, — мрачно ответил Эмберли. — К сожалению, нет. Разрешите, я ненадолго зайду в дом.

Его необычная вежливость заставила Ширли заподозрить неладное. В глазах появился немой вопрос.

— Я приехал не для того, чтобы надоедать вам, — сказал Эмберли. — У меня плохие новости.

Ее руки задрожали.

— Что-нибудь с Марком? — прошептала она.

— Да, — коротко ответил он.

Она отступила на шаг, пропуская его в дом.

— Пожалуйста, скажите мне, он мертв?

Он привел ее в столовую и остановился, сурово глядя на нее.

— Да, он мертв. Но, позвольте спросить, почему вы сразу подумали именно об этом?

Она закрыла лицо руками, прижав большие пальцы к вискам.

— Вы же сказали, что приехали не для того, чтобы... надоедать мне вопросами. Когда его так поздно нет, как сегодня, я всегда боюсь, не случилось бы плохого. Как это произошло?

— Он возвращался домой, естественно, пьяный, и, видимо, споткнулся в том месте, где дорога подходит к самой реке.

Она уронила руки и резко вдохнула воздух. В ее глазах был ужас. Эмберли вдруг понял, что никогда до этого не видел ее испуганной. Она храбрилась и старалась казаться спокойной. Огромные глаза Ширли напряженно вглядывались в его лицо, пытаясь прочесть мысли. Эмберли впервые почувствовал жалость к ней.

— Мне очень жаль, что приходится вам все это рассказывать, — сказал он.

— Ничего, — выдохнула она и подняла голову. — Спасибо, что приехали. Может быть... вы знаете что-то еще?

— Очень мало. Тот дуралей, которому по моей просьбе было поручено наблюдать за Марком, проморгал его. Я должен принести вам свои извинения.

Не отрывая глаз от его лица, она схватилась рукой за край стола.

— Вы поручили кому-то наблюдать за ним, потому что думали, что... он может свалиться в реку?

— Не совсем так. Я думал, что после его чрезвычайно опрометчивого посещения «Нортон Мэнора» возможно покушение на его жизнь.

— Вы умный человек, — тихим голосом сказала она. — Я недооценивала вас.

Она помолчала немного, а потом спросила:

— Его что... столкнули в реку?

— Я могу только сообщить вам факты, а выводы делайте сами, — ответил он. — Свидетель только один — Коллинз.

Ширли вздрогнула.

— Да, именно так. Когда констебль Такер прибыл на место происшествия, он увидел, как Коллинз вытаскивает тело вашего брата на берег. Они вместе делали ему искусственное дыхание, пока не подъехали мы с сержантом.

Она переспросила, как бы недопонимая:

— Коллинз пытался спасти его?

— Очевидно. Это вас удивляет?

Она казалась несколько ошеломленной.

— Я не могу вполне... Коллинз... О боже! Я не должна была вообще разрешать ему приезжать сюда.

— Коллинзу? — вкрадчиво спросил мистер Эмберли.

— Брату. Но я не могла предположить... — Она внезапно осеклась, выдвинула стул из-за стола и села, как-то сразу ослабев.

Мистер Эмберли прислонился к стене и, стоя, наблюдал за ней. Полученные известия потрясли и напугали Ширли. Она не знала, что ей теперь делать. Эмберли заметил, как она задрожала, и, чтобы не показывать это, сцепила пальцы рук и опустила их на колени.

Немного помолчав, он спросил:

— Зачем Коллинз приходил сюда?

Она сразу же встрепенулась.

— Он говорил вам, что был здесь?

— Я видел его, — ответил Эмберли.

— Должно быть, вы ошиблись.

— Я не ошибся. Коллинз объяснил мне, зачем приходил сюда, но я бы хотел услышать ваше объяснение.

Он смотрел на ее побелевшие пальцы.

— Я не хочу отвечать вам, — сказала она. — Если он и приходил, то просто так. Этот визит не имеет к вам никакого отношения.

— Я понял. А когда сержант спросит вас, были ли у Марка какие-нибудь причины для покушения на жизнь Коллинза, что вы ему ответите?

— Никаких причин, — с усилием ответила она, — абсолютно никаких.

Эмберли отступил от стены и, пройдя через всю комнату, подошел к Ширли и сел на край стола. Она смотрела на него одновременно с вызовом и испугом. Эмберли положил руку на ее сцепленные вместе пальцы.

— Не кажется ли вам, что настала пора все рассказать мне? — сказал он. — Согласитесь, что я не так уж плох для доверенного лица.

К его удивлению, она разжала пальцы, на секунду положила ладонь на его руку и пожала ее.

— Я знаю это, — неожиданно сказала она, — но я не могу. Не стоит просить меня об этом. Марк мертв, но со мной еще не покончено. Я... Я так легко не сдамся.

— Не осмеливаетесь сказать мне? — спросил он и посмотрел на нее загадочным взглядом. — И все же я заставлю вас это сделать, — сказал он. — Нет-нет, не сейчас. Но скоро. Задето мое самолюбие. Вы доверитесь мне. Причем по доброй воле.

Он встал и посмотрел на часы.

— А сейчас я предлагаю вам поехать со мной в «Грейторн». Моя тетя будет очень рада вас видеть. Я думаю, вам нельзя здесь оставаться одной.

Она покраснела и с благодарностью сказала:

— Спасибо. Вы проявляете больше доброты, чем я заслуживаю. Но я не могу принять ваше предложение. Я... я уеду отсюда. Остановлюсь в гостинице в Верхнем Неттлфолде. Пожалуйста, не настаивайте. У меня есть собака, есть пистолет. Со мной будет все в порядке. К тому же я... я не напиваюсь пьяной.

— Гостиница в Верхнем Неттлфолде? Вы имеете в виду «Кабанью голову» на Рыночной площади? Я предпочитаю наблюдать за вами в «Грейторне».

Она чуть-чуть улыбнулась.

— Спасибо, но я не хочу быть у вас под постоянным контролем.

— Знаю, что не хотите. Но, может быть, мы сейчас отправимся в «Грейторн», а завтра утром вы переберетесь в «Кабанью голову»?

— Нет, спасибо. Сегодня я останусь здесь. Все будет в порядке. — Она встала и протянула руку. — Извините меня за то, что я бывала груба с вами. Спасибо за все, что вы сделали для меня. А сейчас, будьте так добры, уезжайте.

Эмберли возвратился в «Грейторн» как раз в тот момент, когда его тетушка и кузина собирались идти наверх в свои спальни. Фелисити небрежно спросила его, не случилось ли чего-нибудь, и была потрясена, узнав, что погиб Марк Браун.

Леди Мэттьюз поднялась до середины лестничного пролета, остановилась и сказала, что все это очень интересно, но хотелось бы узнать, кто такой Марк Браун. Она никогда о нем не слышала.

Фелисити быстро объяснила ей, кто он такой, и спросила, кто его убил.

— Никто, — ответил Эмберли. — Он упал в реку и утонул.

Фелисити тут же забеспокоилась о Ширли, которая осталась одна в «Плющевом коттедже». Леди Мэттьюз быстро поняла, что Ширли и есть та славная девушка, которая вчера помогла ей донести покупки, сделанные в магазине Хадсона, и заявила, что бедной крошке нельзя оставаться одной в этом ужасном «Плющевом коттедже».

Эмберли объяснил, что приглашал Ширли погостить в «Грейторне», но она отказалась.

Услышав это, леди Мэттьюз сказала:

— Конечно, конечно. Без сомнения. Мне нужно надеть пальто. Очень жаль, милый. Придется попросить тебя снова сесть за руль — звать Лудлоу в такой поздний час просто невозможно. Фелисити, дорогая, попроси приготовить маленькую запасную комнату. И следовало бы все же предупредить Хэмфри. Ах, как неудачно! Он уже и так совсем выбит из колеи.

Это все означало, что леди Мэттьюз решила сама, лично, прийти на выручку Ширли Браун.

Когда «бентли» в очередной раз остановился у маленьких белых ворот, леди Мэттьюз вышла из машины и в ответ на предложение племянника сопровождать ее ласково попросила его оставаться на месте. Эмберли предупредил, что Ширли Браун довольно упряма.

— Бедное дитя! — промурлыкала в ответ сострадательная тетушка.

После недолгого пребывания в коттедже леди Мэттьюз вышла обратно, к немалому удивлению Эмберли, сопровождаемая Ширли, которая несла маленький чемодан. За ней следом бежал верный Билл. У Ширли был непривычно смиренный вид. На Эмберли она не смотрела. Женщины сели на заднее сиденье, а место рядом с водителем было отведено для чемодана и Билла. Билл, довольный поездкой, то высовывался наружу, подставляя морду ветерку, то лизал щеку мистера Эмберли.

— Будем надеяться, — заметил Эмберли, сбрасывая собачью лапу со своей руки, — что Волк надежно заперт.

Билл из вежливости прижал уши, хотя и был не согласен с последней репликой. Завершить день маленькой бодрой дракой — что может быть приятнее?

И он получил то, что хотел. В тот момент, когда машина Эмберли подъехала к двери, шофер Мэттьюза вел Волка с вечерней прогулки. Волк подпрыгнул, чтобы поприветствовать приехавших. Билл не стал дожидаться, пока откроют дверцу. Он сиганул из машины прежде, чем Эмберли успел удержать его. Билл понимал, что находится на территории Волка. Если бы он не встречал Волка прежде, то, конечно, поступил бы в соответствии с собачьим этикетом, который требовал воздерживаться от драк на чужой территории. Но Билл терпеть не мог незаконченных дел.

Поднялась ужасная суматоха. На шум из дома вышел сэр Хэмфри, ставший свидетелем удаления со сцены Волка, который бессильно рычал в объятиях шофера. Сэр Хэмфри приказал запереть этого негодного пса и спросил у жены, где она намерена разместить второе чудовище.

Ширли крепко держала Билла за ошейник. Стараясь придать голосу как можно больше твердости, она попросила извинения, и сэр Хэмфри, вспомнивший свои обязанности хозяина дома, возложил всю вину на Волка.

Ширли, продолжая удерживать Билла, сказала, что хотела бы оставить пса при себе.

Хэмфри был давно и твердо убежден, что большим собакам не место в доме. Он уже собрался было сообщить об этом своей гостье, как вдруг его супруга произнесла:

— Конечно, моя дорогая. Так намного безопасней. Пойдемте наверх. Пусть кто-нибудь найдет для собаки подстилку. Фрэнк, ты всегда так хорошо все находишь. Какой-нибудь коврик. Посмотри-ка в дубовом сундуке.

Она повела Ширли вверх по лестнице, оставив мужа в негодовании. Когда через некоторое время она спустилась вниз, сэр Хэмфри заявил, что чрезвычайно недоволен всем происходящим. Все ведут себя неправильно, особенно Фрэнк. Он постоянно сует нос в дела, которые его не касаются. И вот к чему это привело. Собаки в спальнях. Никто не считал нужным посоветоваться с ним прежде, чем привозить в дом эту молодую даму. А если бы с ним посоветовались, то он категорически возражал бы. Никто ничего не знает об этой девушке, хотя он, естественно, сочувствует ей, но не понимает, почему его жена считает необходимым вмешиваться.

Леди Мэттьюз, совершенно спокойно выслушав эту тираду, легонько похлопала мужа по руке и сказала:

— Все это ужасно, мой дорогой. Но совершенно невозможно было оставить ее одну на ночь в том коттедже.

— И тем не менее, я не думаю, что это наше дело, — сказал сэр Хэмфри, несколько смягчившись.

— Совершенно не наше, дорогой. Но, видишь ли, у нее здесь нет никаких друзей. Такая незадача. Очень славная девушка, я уверена. Она мне кого-то напоминает, хотя я не могу вспомнить, кого именно.

— Тебе каждый кого-то напоминает, Марион, — сказал сэр Хэмфри. — Я пошел спать, а ты предупреди ее, чтобы не позволяла собаке забираться на мебель.

Утром к нему вернулась его обычная учтивость, и он оттаял настолько, что предложил Ширли оставаться в «Грейторне» до судебного следствия, после которого, как он предположил, она, видимо, вернется в Лондон. Он даже назвал бультерьера хорошей собакой и дал ему кусок печенки, который Билл принял без колебаний.

Ширли отказалась от предложения. Темные круги у нее под глазами свидетельствовали о бессонной ночи. Она была очень тиха. Леди Мэттьюз больше не уговаривала ее остаться и просила мужа также не настаивать на приглашении.

— Лучше всего предоставить людям делать то, что они сами хотят, — сказала она. — Я попрошу кого-нибудь заказать для вас комнату в «Кабаньей голове», милочка.

Едва они окончили завтрак и вышли из-за стола, как вошел Дженкинс и сообщил, что в библиотеке находится мистер Фаунтин, который прибыл, чтобы поговорить с мистером Эмберли.

Это известие немного испортило хорошее настроение сэра Хэмфри. Он неодобрительно отозвался о людях, которые приходят в неурочное время, и внезапно вспомнил, что его ожидает большая неприятность. На этот день был назначен званый обед.

— Учитывая, что сегодня вечером к нам должны приехать брат и сестра Фаунтины и этот нелепый молодой человек, который живет у них, я совершенно отказываюсь понимать, что за необходимость посещать нас еще и в десять часов утра, — выразил недоумение сэр Хэмфри.

Его недовольный взгляд упал на племянника. Фрэнк сказал с усмешкой:

— Знаю, дядюшка, знаю. Я виноват во всем. Даже в званом обеде.

Не дав дяде времени ответить, Фрэнк удалился в библиотеку.

Фаунтин стоял у окна, глядя на улицу. Когда Эмберли вошел, он повернулся и направился ему навстречу, протягивая руку. Вид у него был очень озабоченный. Он сказал без всяких предисловий:

— Я приехал сюда поговорить с вами о вчерашней трагедии. Я узнал об этом, когда вернулся из города.

— Да? — удивился Эмберли. — Вы имеете в виду то, что Марк Браун свалился в реку? Думаю, половина жителей округа ожидала, что рано или поздно произойдет нечто подобное.

— Но ведь вы установили за ним наблюдение, не так ли?

— Установил. К сожалению, как оказалось, недостаточно пристальное.

Фаунтин с любопытством посмотрел на него.

— Но теперь, когда бедолага мертв, я хотел бы знать, почему вы решили взять его под наблюдение. Я не могу понять этого. Вы полагали, что он имел какое-то отношение к убийству Доусона?

— Когда человек, даже если это пьяный человек, вламывается в незнакомый дом и достает пистолет, я полагаю, что всегда разумно держать его под наблюдением, — ответил Эмберли.

— Понятно, — рассмеялся Фаунтин. — А я-то думал, может быть, вы докопались до какого-то мрачного заговора.

Он снова посерьезнел.

— Послушайте, на самом деле я приехал узнать, каково было участие Коллинза в этом деле? Он, естественно, немного взволнован, поскольку вбил себе в голову, что полиция подозревает его, предполагая, что он столкнул Брауна в реку.

— О нет. Я так не думаю, — ответил Эмберли.

— Что ж, рад это слышать. По-моему, эта мысль абсурдна. Зачем ему сталкивать парня в воду? Он говорит, что пошел за ним в реку, чтобы вытащить его. Я думаю, это правда.

— Меня там не было, — сказал Эмберли. — Но выглядит это правдоподобно. На первый взгляд.

Фаунтин нахмурился.

— Я хочу, чтобы вы были откровенны со мной. — В его голосе послышалось легкое раздражение. — Коллинз состоит у меня на службе, и поэтому я имею право знать правду. Прямо напасть какая-то: сначала застрелили моего дворецкого, а теперь моего камердинера подозревают в том, что он столкнул в воду совершенно не знакомого ему человека. Правда ли, что он пытался спасти его? Конечно, нельзя верить всему, что рассказывают слуги, но, мне кажется, вряд ли он придумал такую историю. Как вы считаете?

— Вряд ли, — сказал Эмберли. — Никто не отрицает, что он вытащил тело на берег и пытался делать искусственное дыхание.

— Что ж, я рад это слышать, — с облегчением произнес Фаунтин. — Я по горло сыт загадочными преступлениями, которые имеют отношение к моим домочадцам, доложу я вам. Все это чертовски неприятно. Так у меня вся прислуга разбежится! Разом. Но отчего Коллинз думает, что полиция подозревает его? Ерунда какая-то. Зачем ему было убивать парня?

— Незачем, насколько я знаю, — ответил Эмберли. — Возможно, полиция считает недостаточно удовлетворительным данное им объяснение его присутствия на месте происшествия.

Об этом Фаунтин, видимо, не задумывался. Он сказал:

— Да, действительно. Как он там оказался? Я забыл спросить его об этом.

Эмберли без комментариев пересказал объяснения, представленные Коллинзом полиции. Фаунтин выслушал с мрачным выражением лица и заметил, что история Коллинза настолько незатейлива, что, возможно, окажется правдивой. Но он не удивлен, что полиция засомневалась.

— Лично я, — сказал он, — не был бы изумлен, если бы узнал, что за этим кроется нечто большее. От прислуги никогда не знаешь, чего ожидать. Всегда что-нибудь скрывают. Я думаю, что между ним и Брауном что-то было. По-моему, они как-то вечером поссорились в «Голубом драконе», и один из них затаил обиду. А когда Браун явился в «Мэнор», чтобы прикончить Коллинза, тот струсил и решил пойти с парнем на мировую.

— Да, — задумчиво сказал Эмберли. — Неплохое объяснение.

Фаунтин был польщен.

— Мне кажется, что, скорее всего, так оно и было, — проговорил он. — Я только не могу понять, почему полицейские предполагают, что он столкнул Брауна в воду, если они видели, как он его вытаскивал.

Эмберли рассматривал свои ногти.

— Видите ли, — медленно произнес он, — ведь можно сделать и то, и другое. Если ты достаточно умен.

— Боже праведный! — озадаченно сказал Фаунтин. — Какая невероятная, какая ужасная мысль! Нет, Эмберли, как хотите, но это уж слишком! Честное слово, от ваших предположений кровь стынет в жилах!

Эмберли вскинул брови.

— Прошу прощения. Я не хотел вас шокировать. Но я, несомненно, спланировал бы дело именно так.

— Ужаснее не придумаешь! — воскликнул Фаунтин. Он посмотрел на часы. — Я, пожалуй, пойду. Кстати, как его сестра? Джоан говорит, что у него осталась сестра. Как это все кошмарно для бедной девушки.

— Да, — сказал Эмберли. — Она сейчас здесь. Вчера ночью моя тетушка доставила ее сюда.

— Леди Мэттьюз! Что за прекрасная душа! — воскликнул Фаунтин. — Настоящая добрая самаритянка. Полагаю, она поживет у вас до судебного следствия, не так ли?

— Она не может вернуться в Лондон до судебного следствия. Тетушка была бы рада, если бы она пожила здесь, но, к сожалению, мисс Браун не хочет оставаться у нас. Очень независимая натура. Я надеюсь, мы с вами еще увидимся на сегодняшнем обеде?

— Да, конечно, жду его с нетерпением, — сказал Фаунтин и откланялся.

10

Не кто иной, как мистер Эмберли заказал для Ширли комнату в «Кабаньей голове». Он же вызвался отвезти ее туда. Она избегала общения с Эмберли и предпочла бы услуги Лудлоу, но в присутствии леди Мэттьюз и Фелисити не решилась открыто высказать свое пожелание. Ширли достаточно хорошо знала характер мистера Эмберли и понимала, что деликатный намек не произведет никакого эффекта.

Ее уговорили задержаться в «Грейторне» и выехать сразу после ленча. Когда Ширли благодарила леди Мэттьюз, она показалась Эмберли другим человеком. В первый раз он почувствовал теплоту в ее голосе. В ее прекрасных глазах блестели невыплаканные слезы.

Но, усевшись рядом с ним в машину, она снова сжалась в клубок, выставив все свои колючки, и отвечала на вопросы как всегда односложно и нехотя.

Ему доставляло удовольствие вести ничего не значащий разговор, как будто со случайной знакомой. Девушка была сбита с толку и полна подозрений, а его это забавляло.

Сначала они заехали в «Плющевый коттедж» за ее вещами. Вещи Марка решили упаковать позднее. Сейчас Ширли не хватало духу заняться этим.

Она предполагала, что Эмберли подождет ее в машине, но он вошел в коттедж вместе с ней, велел ей упаковывать чемодан, а сам взялся наводить порядок внизу. Ширли была изумлена. Эмберли и домашние дела в ее представлении плохо сочетались друг с другом.

Она провозилась на верхнем этаже почти полчаса и, спустившись вниз, увидела, что Эмберли поработал на славу в столовой и на кухне. Он выбросил из кладовой все портящиеся продукты в поле за кусты живой изгороди, где стая белых уток быстро расправилась с ними. Ей оставалось сделать совсем немного. Ширли навесила цепочку на заднюю дверь, задвинула засов и заперла дверь на замок. Мистер Эмберли поднялся наверх, взял ее чемодан и отнес в машину. Ширли окинула дом прощальным взглядом, вышла, заперев за собой парадную дверь, и села в автомобиль рядом с Эмберли. Он завел двигатель и задним ходом поехал по аллее к основной дороге. Вдруг он остановил машину и воскликнул:

— Черт возьми!

— Что такое? — спросила она.

Он начал шарить по карманам.

— Кажется, я забыл в коттедже свой кисет с табаком. Да, так оно и есть.

Она хотела выйти из машины.

— Где вы его забыли?

— Точно не помню. Нет, нет, не беспокойтесь, я сам принесу его. Он, наверное, в кухне. Я там раскуривал трубку. Дайте, пожалуйста, ключ. Я на минутку.

Открыв сумочку, она достала ключ от двери. Эмберли взял его, прошел по садовой дорожке к дому и вошел вовнутрь.

Быстро пройдя через кухню к задней двери, он тихонько отодвинул засов, снял цепочку и положил в карман ключ, который Ширли оставила в задней двери, а затем вернулся к машине.

— Нашли? — спросила Ширли.

Он отдал ей ключ от парадной двери.

— Да, он был на кухонном столе. Извините, что немного задержал вас.

Оставив Ширли в «Кабаньей голове», мистер Эмберли отправился в полицию, однако сержанта не застал. Было не его дежурство. Молодой констебль, которого Эмберли видел, когда заезжал сообщить об убийстве Доусона, сказал, что не знает, где может быть сержант, и предложил оставить для него записку. Немного подумав, мистер Эмберли вежливо ответил:

— Спасибо, пожалуй, не стоит.

Двумя минутами позже негодующий констебль говорил своему коллеге, что этот наглец Эмберли просто нарывается на грубость.

А Эмберли, вернувшись в «Грейторн», сразу ринулся к телефону. Вошедшая в библиотеку Фелисити услышала, как он говорил в трубку:

— И сразу же сообщите мне. Вы поняли? Хорошо. Это все.

— С кем это ты так ласково и вежливо разговариваешь? — спросила Фелисити. — Нельзя ли узнать?

— Всего лишь со своим сотрудником, — ответил Эмберли.

Вопреки опасениям леди Мэттьюз званый обед прошел гладко, и, к удовольствию сэра Хэмфри, никто из гостей не стал засиживаться. Сэр Хэмфри твердо придерживался правила: «Чем скорее кончается званый вечер, тем лучше». Увидев, что последний гость покинул дом, он удовлетворенно сказал, что дело сделано, и направился было в спальню, но племянник задержал его на минутку.

— Дядя, я хотел вам сказать, что если вы услышите шум автомобиля, не удивляйтесь. Мне, видимо, придется кое-куда съездить. И еще, я думаю, лучше вас предупредить: если в ранний час вы услышите крадущиеся шаги, то знайте, что это не грабитель, а я.

— Ты куда-то собираешься? — удивленно спросил сэр Хэмфри. — Сейчас? Куда, скажи на милость, можно сейчас ехать?

— Не сейчас, позднее, — невозмутимо пояснил Фрэнк. — Сначала мне должны позвонить. Только после этого я могу ехать. Но не стоит так огорчаться, сэр.

— Меня огорчает то, что я вижу, как ты валяешь дурака, — сказал сэр Хэмфри... — Можешь мне ничего не рассказывать. Мне и так хорошо известно, чем ты занимаешься. Я буду о тебе лучшего мнения, если ты перестанешь вмешиваться в дела, которые тебя совершенно не касаются.

Он пошел к двери вслед за женой, у двери обернулся и добавил:

— Не наступай на пятую ступеньку; она такая скрипучая, что ты перебудешь всех.

— Дорогой, — скрипит не пятая ступенька, а четвертая, — поправила его леди Мэттьюз.

— Я не наступлю ни на ту, ни на другую, — пообещал Эмберли.

Он поднялся в библиотеку и подошел к полкам, чтобы взять что-нибудь почитать. Устроился на стуле за письменным столом с «Анатомией меланхолии» Бэртон и углубился в чтение, поставив телефон рядом с собой. Время от времени он смотрел на часы и по мере того, как шло время, все больше мрачнел.

Вскоре после полуночи раздался пронзительный звонок. Эмберли поднял трубку и сказал:

— Алло.

Разговор был очень коротким. Он выслушал все, что сообщил ему голос, и ответил:

— Хорошо. Спасибо.

Затем он, заглянув в записную книжку, набрал один из номеров Верхнего Неттлфолда. После длительного ожидания работник телефонной станции сказал ему, что никто не берет трубку. Эмберли очень любезным голосом попросил его попытаться соединить еще раз. Снова последовало длительное ожидание, затем немного раздраженный и очень сонный голос сказал:

— Алло. — Причем ударение было почему-то сделано на первом слоге.

Мистер Эмберли усмехнулся.

— Добрый вечер, сержант. Как ваши дела?

Раздражительность в голосе собеседника Эмберли исчезла.

— Это вы, мистер Эмберли? Чем обязан, сэр?

— Я звоню, чтобы узнать, спите вы или нет.

Голос в трубке сразу переполнился негодованием:

— Послушайте, сэр...

— И если спите, разбудить вас. Так вы спите, сержант?

— Нет, сэр, уже не сплю благодаря вашим стараниям. Это, как я понимаю, одна из ваших маленьких шуток.

— Вы сейчас в форме, сержант? Достаточно ли у вас энергии, энтузиазма?

В трубке послышался тяжелый вздох.

— Ну, сэр, — голос был полон эмоций, — смотрите, как бы с вами на днях чего-нибудь не случилось!

— Будем надеяться, что не случится, — сказал Эмберли.

— Послушайте, — голос был мрачен, — какого черта вы вынуждаете меня стоять у телефона в пижаме и выслушивать всякую ерунду.

— Я совершенно не заставляю вас стоять в пижаме, — сказал мистер Эмберли. — Я уверен, что вы не понравились бы мне в пижаме. Пойдите оденьтесь.

— Пойдите что?.. Послушайте, что происходит? Зачем мне одеваться?

— Этого требуют правила приличия, — сказал мистер Эмберли. — Я хочу вместе с вами кое-куда прокатиться. Я заеду за вами минут через пятнадцать. Пока.

Через четверть часа он подкатил к дому сержанта на своем «бентли». Сержант сел в машину, и они, проехав через весь город, поехали дальше по направлению к «Плющевому коттеджу».

— Послушайте, — сказал сержант, — если произойдет то, что вы предполагаете, я не буду тратить время зря. Я арестую его.

— Нам нужно арестовать его за убийство, а не за взлом, — быстро ответил Эмберли.

Он проехал по аллее мимо «Плющевого коттеджа», остановил машину ярдах в ста от него у поворота и выключил все фонари. Эмберли уже рассказал сержанту, что Ширли переехала в «Кабанью голову». Сержант сначала подумал, что она оставила Эмберли ключи, а узнав, что Эмберли взял их без спроса, тяжело вздохнул и выразил надежду на то, что они из-за этого не попадут в неприятность.

Коттедж стоял, окутанный тишиной и освещенный бледным светом луны, проникавшим внутрь дома сквозь незанавешенные окна. Эмберли попросил сержанта закрыть ставни в кухне, а сам задернул занавески во всех комнатах.

— Я понял, — догадался сержант. — Нужно, чтобы все выглядело, как будто молодая леди еще здесь. Правильно?

— Я вам расскажу чуть попозже, — пообещал Эмберли.

Пройдясь по всем комнатам, он снова вернулся на кухню к сержанту и положил свой фонарик на стол.

— А теперь, сержант, прошу уделить мне несколько минут, — сказал он. — При некотором везении ваше желание арестовать кое-кого исполнится. В связи с этим я хочу, чтобы вы поднялись наверх и легли в постель. Если вы услышите, что кто-то поднимается по лестнице, накройте голову одеялом. Я думаю, что визитер скоро появится.

— И это все, что мне следует делать? — спросил сержант. — Если так, то я предпочел бы лежать в своей постели.

— Нет-нет, сержант. Вы должны сыграть роль манекена. Если посетитель будет пытаться вас душить или использовать против вас хлороформ, то сразу хватайте его.

— Я сделаю все, что нужно, — с готовностью ответил сержант. — Но скажите, вы считаете, что Альберт Коллинз собирается прикончить молодую леди?

— Нет, я так не считаю, — ответил Эмберли. — И постараюсь, чтобы никто ее не прикончил.

Посветив фонариком на руку, он посмотрел на часы.

— Будет лучше, если вы сейчас подниметесь наверх. Старайтесь не делать ошибок. Если он не будет пытаться вас убить, лежите тихо, но постарайтесь разглядеть его.

Сержант сделал несколько шагов.

— Ну, не знаю, — сказал он. — Это все как-то смешно. Я, конечно, доверяю вам, мистер Эмберли, но, честное слово, мне это совсем не нравится.

Тяжело ступая, он взобрался на верхний этаж. Неимоверный скрип, донесшийся оттуда через несколько секунд, возвестил о том, что сержант лег в постель.

Эмберли, оставшись один в кухне, приоткрыл дверь, сел на стоящий там деревянный стул и потушил фонарик. Наступила тишина, нарушаемая лишь тиканьем часов на камине.

Медленно ползли минуты. Сержант, устроившийся наверху на узкой кровати Ширли, напрягал слух, стараясь поймать любой звук, и мысленно жалел, что не предложил мистеру Эмберли самому сыграть роль манекена. Сержант никогда не считал себя слаонервным, но, однако, и он подумал, что для того, чтобы спокойно лежать в темноте, ожидая прихода убийцы, нужно быть очень толстокожим. Он решил, что надо будет поговорить об этом с Эмберли. Прошло десять минут ...пятнадцать ...двадцать. Сержант понемногу начал терять терпение. Вдруг он внутренне содрогнулся от сомнения. Может быть, это просто дурацкий розыгрыш, и этот молодой черт уже уехал домой? Сомнение было нестерпимым. Он уже собрался сойти вниз и посмотреть, там ли Эмберли. Однако, немного подумав, отогнал от себя эти мысли. Пожалуй, Эмберли не стал бы так шутить.

Вдруг заскрипел гардероб. Душа у сержанта начала уходить в пятки, по спине сверху вниз побежали мурашки. Одна надежда, что мистер Эмберли начеку. Не успел он убедить себя, что это был лишь скрип в гардеробе и больше ничего, как вдруг какой-то жуткий, пронзительный крик заставил его вздрогнуть и схватиться за револьвер. Крик повторился, и сержант, уже догадавшийся, что это за крик, издал вздох облегчения. Он вспомнил, что еще мальчишкой однажды подстрелил сову и сделал из нее чучело. Как хорошо, что он когда-то этим занимался. Жаль только, что наделал так мало чучел.

Он снова осторожно прилег. Мистер Эмберли там внизу, наверное, чувствует себя поспокойнее. Хладнокровен и невозмутим, можно не сомневаться. Но вряд ли бы он был таким хладнокровным, если бы вот так лежал и ждал, что кто-то придет и попытается убить его.

Шуршание мыши за стеной заставило сержанта затаить дыхание. Он тихонечко свистнул, и мышь замолкла.

Через некоторое время тишину нарушил совсем другой звук. Сержант мог поклясться, что он слышал, как открывают садовую калитку. Ржавая петля негромко заскрипела. Сержант прислушался, сжав рукой край одеяла.

Сидевший в кухне мистер Эмберли бесшумно поднялся и встал за дверь. Весь коттедж был в кромешной тьме и тишине, наполненной лишь тиканьем часов.

Окно в столовой тихонечко зазвенело. Раздался чуть слышный звук ножа, вставляемого между двумя половинками рамы. Послышался щелчок отодвигаемой задвижки. Потом на некоторое время вновь воцарилась тишина.

В двери, за которой стоял мистер Эмберли, была достаточно широкая щель.

Кто-то легонько нажал на окно снаружи. Окно не поддавалось, и Эмберли услышал тихий шорох руки, скользящий по стеклу. После этого шороха, выдававшего присутствие пришельца, снова наступила тишина, но уже через несколько секунд окошко вдруг распахнулось, раздвинулись занавески, и комната осветилась бледным светом луны.

Мистер Эмберли сквозь щель в двери видел, как рука в перчатке, скользя по занавеске, схватилась за подоконник. Ночной посетитель бесшумно влез в комнату. На какое-то мгновение он попал в полосу лунного света, и Эмберли смог его немного рассмотреть. На нем было длинное пальто, а на голове — что-то вроде мешка с прорезями для глаз. В общем, вид был вполне зловещий. Эмберли подумал о том, какое впечатление он произведет на сержанта.

Луч карманного фонарика осветил кухонную дверь. Неизвестный бесшумно скользнул в маленький коридор между столовой и кухней; луч фонарика заплясал по стенам и осветил лестницу.

Незнакомец стоял неподвижно. Его темный силуэт был четко виден на фоне освещенного лунной окном. Эмберли увидел, как он достал что-то из кармана, а затем сделал рукой движение, будто брызгал чем-то на носовой платок.

После этого он застыл на месте, снова прислушиваясь. Послышался скрип калитки.

Эмберли бесшумно отступил назад, нащупал дверь чулана, взялся за ручку двери и начал ее поворачивать. Человек, стоящий у подножия лестницы, явно не ожидал нового визитера, вошедшего в калитку.

Новый посетитель подошел к окну и начал залезать в дом. Это далось ему нелегко. Карабкаясь, он зацепился ботинком за стену и, чтобы удержаться, ухватился за раму. При этом все окно с шумом затряслось.

— Проклятие! — не сдержавшись, воскликнул новоприбывший.

Человек у лестницы повернулся и, как тень, проскользнул на кухню. Воспользовавшись шумом, произведенным вторым незнакомцем, Эмберли открыл дверь чулана. Когда человек с мешком на голове осветил кухню лучом своего фонарика, в ней уже никого не было. На первом незнакомце были ботинки с резиновыми подошвами, поэтому его шагов совершенно не было слышно на каменном полу кухни. Он подошел к задней двери, повернул в замке ключ и спустя мгновение исчез.

Мистер Эмберли вышел из чулана и шагнул навстречу второму незнакомцу, который уже влез в окно и двигался в направлении кухни.

— Ты законченный идиот! — кипя гневом, сказал Эмберли. — Тупой, безмозглый осел!

— Бог ты мой! — Энтони Коркрен от изумления разинул рот и заморгал, освещенный лучом фонарика Эмберли. — Это ты? Какого черта ты тут делаешь?

Эмберли повернулся в сторону лестницы и крикнул наверх:

— Можно спускаться, сержант. Игра кончена.

Коркрен чуть было не подпрыгнул от удивления.

— Что? Там наверху сержант Габбинс? А где же мисс Браун? Ты должен знать это. Ну и ну!

— Энтони, — с предгрозовым спокойствием произнес мистер Эмберли, — запомни, что твоя смерть очень близка. Не доводи меня до убийства!

Сержант спускался по лестнице, тяжело ступая на ступеньки.

— Что случилось, сэр? — спросил он.

— Ничего, — мрачно ответил Эмберли. — И мой друг мистер Коркрен был свидетелем этого.

Сержант осветил Энтони фонариком. Энтони смотрел на него своими добрыми глазами.

— Но, послушайте, — начал было Энтони и вдруг осекся. — Чем это так пахнет?

— Хлороформом, — ответил Эмберли, входя в столовую и зажигая спичку.

Сержант ощутил огромную признательность мистеру Коркрену.

— Но, черт меня возьми, ведь не за тобой же я ехал от самого «Мэнора»? — недоумевающе спросил Энтони.

— Нет, не за мной. — Эмберли зажег лампу и повернулся к Энтони. — Возможно, тебе будет интересно узнать, что мы с сержантом устроили здесь засаду на человека, за которым ты ехал. И если бы ты не полез сюда с таким грохотом, от которого и мертвый бы воскрес, то мы сейчас уже схватили бы его.

— Но если вы тут были, то какого дьявола вы его не сцапали? — спросил Энтони.

— Объясняю тебе, дураку: потому, что я хотел арестовать его во время совершения им преступного деяния.

— Что ты имеешь в виду?

Эмберли рассмеялся.

— Я имею в виду воздействие хлороформом на сержанта. Ну, да что поделаешь. Лучше ты расскажи нам, что тебя сюда привело. — Он подошел к окну и закрыл его на задвижку.

Оказалось, что Коркрен по собственному почину проделал кое-какую сыскную работу. Вернувшись вечером из «Грейторна» в «Нортон Мэнор», он лег в постель, но спать ему не хотелось. Он немного почитал, потом потушил свет. По его ощущению было уже больше двенадцати. Сон не шел, и некоторое время он лежал просто так и уже начал подремывать, как вдруг услышал какой-то негромкий звук, доносящийся снаружи. Окно его комнаты располагалось на фасаде дома, и он часто замечал, что гравий, которым покрыта подъездная аллея, намного усиливает звуки шагов.

Стало любопытно, кому и зачем понадобилось выходить из дома так поздно, и он решил выглянуть в окно. Сперва ему показалось, что на аллее никого нет, но тут же он увидел со спины силуэт мужчины, вышедшего из тени большого рододендронового куста. Мужчина шел по узкой травяной полоске по краю аллеи и рядом с собой вел велосипед. Звук, привлечшим внимание Коркрена, очевидно, было шуршание велосипедных шин по гравию. Человек с велосипедом был одет в длинное пальто, на голову было натянуто твидовое кепи. Коркрен не смог узнать его, поскольку расстояние между ними было довольно большим, но осторожная походка человека и тот поздний час, который он выбрал для своих прогулок, пробудила в Энтони массу подозрений. Он почти не сомневался, что это Коллинз, и решил последовать за ним в надежде найти ценный ключ к разгадке тайны убийства Доусона.

Нужно было торопиться. Энтони натянул брюки прямо на пижаму, влез в носки и ботинки, схватил куртку и на цыпочках спустился к парадной двери. Он старался не разбудить Джоан и не встревожить ее. Не хотелось будить и брата Бэзила. Он знал, что в сарае возле дома должен быть старенький велосипед, которым иногда пользовалась Джоан. Взяв его, он пустился в погоню.

Когда Энтони добрался до ворот усадьбы, таинственного велосипедиста уже нигде не было видно. Коркрен решил поехать в сторону Верхнего Неттлфолда, считая, что человек, возбудивший его любопытство, скорее всего выбрал именно это направление. Сиденье велосипеда было установлено слишком низко для Энтони, одна из шин сильно спустила. Короче говоря, неудобств хватало, но Энтони стойко продолжал путь и был вознагражден. Отъехав с милу от «Мэнора», он увидел впереди объект своей погони. Дальше ехать стало веселей, хотя трудности возросли. Энтони нужно было быть очень внимательным и держаться от преследуемого на достаточно большом расстоянии, так как если бы человек, ехавший впереди, оглянулся, то смог бы при свете луны заметить погоню.

В самом конце пути присутствие Энтони чуть-чуть не было раскрыто. Незвестный миновал поворот на аллею, ведущую к «Плющевому коттеджу»; Коркрен поехал следом за ним. Но, проехав еще несколько ярдов, незнакомец спешился, а велосипед затащил в канаву. Хорошо, что Коркрен в этот момент находился в тени деревьев. Энтони также укрылся в канаве и оттуда следил за тем, что будет делать незнакомец. А тот повернулся и пошел пешком в обратном направлении. Коркрен сознался, что, когда он его увидел поближе, у него волосы встали дыбом. Кепи исчезло, вместо него появился надетый на голову мешок с прорезями для глаз. Энтони еще не сразу разобрался в том, что это такое, и первоначально при свете луны неизвестный выглядел настоящим чудовищем. Энтони пожалел, что в этот момент у него не было с собой оружия. Но братец Бэзил всегда держал комнату, где хранилось оружие, на замке, и вдобавок у самого Энтони не было привычки расхаживать повсюду с револьвером в кармане. Так что оружия не было. Однако прекратить преследование означало бы проявить слабость характера, и поэтому Коркрен последовал за незнакомцем. Из-за кустов живой изгороди, окружающей коттедж, он видел, как незнакомец взломал запертое окно и влез в дом. После этого Энтони посчитал, что у него нет выбора. Есть оружие или нет, надо было действовать. Конец истории известен.

Сержант, с восхищением выслушавший рассказ Коркрена, сказал, что все это делает ему честь. Мистер Эмберли возразил, отметив, что намерения его друга, возможно, были прекрасными, но результат получился плачевный. Он предложил Коркрену отвезти его обратно в «Мэнор».

— Отличное предложение! — бодрым голосом сказал Энтони. — Ничто в мире, доложу я вам, не заставит меня больше сесть на этот велосипед.

— Я пойду закрою заднюю дверь, — сказал Эмберли. — Мы выйдем через переднюю.

Он пошел в кухню, держа в руке фонарик. Дверь все еще была распахнута, то есть находилась в том виде, в каком ее оставил беглец. Эмберли уже собирался закрыть ее, как вдруг услышал слабый звук. Он включил фонарик и осветил им вокруг. Вдруг у двери дровяного сарая что-то зашевелилось. На какое-то мгновение Эмберли увидел лицо Бейкера, затем оно исчезло, и только веточка захрустела под ногой удаляющегося человека. Эмберли быстро выскочил в маленький садик при кухне. Коркрен поспешил за ним и спросил, что случилось. Не заметил ли он кого?

Несколько мгновений Эмберли молчал. Затем выключил фонарик и медленно ответил:

— Нет-нет, все в порядке. Я просто вышел закрыть задние ворота. Если тебе не трудно, отвори ставни на кухне.

Он подождал, пока Коркрен вернется в коттедж, а затем, мягко ступая, направился к дровяному сараю. Там никого не было. Также не видно было, чтобы кто-то прятался в саду. Мистер Эмберли стоял неподвижно, внимательно вслушиваясь. Ни один звук не выдавал присутствия дворецкого. Мистер Эмберли чуть-чуть поднял брови, затем повернулся и пошел обратно в дом.

Сержант и Энтони Коркрен очень хорошо поладили друг с другом. Они пришли к общему мнению по двум пунктам. Во-первых, таинственным незнакомцем наверняка был Альберт Коллинз, и, во-вторых, мистеру Эмберли никак нельзя было его упускать. Все это Эмберли пришлось выслушать, вернувшись в кухню. Он задвинул засов, запер дверь и сказал:

— Мои дорогие друзья, преисполненные лучших намерений, но, к сожалению, заблуждающиеся! Когда мы арестуем преступника, то предъявим ему обвинение в убийстве и

других наказуемых деяниях. Но не во взломе. А теперь я хотел бы привлечь ваше внимание к одной маленькой, но существенной детали: человек, который нынче ночью влез в этот дом, не знал о существовании Билла.

Сержант бросил на Коркрена заинтересованный взгляд.

— А кто такой этот Билл? — спросил он.

— Билл, — ответил мистер Эмберли, — это бультерьер, принадлежащий мисс Браун. Поразмыслите-ка над этим.

11

Из отчета о ночном происшествии, представленного Энтони Коркреном за завтраком, были старательно изъяты все нежелательные места. На обратном пути в «Мэнор» Энтони получил от мистера Эмберли необходимые указания на этот счет и в полной мере осознал, что сообщение о присутствии в коттедже сержанта Габбинса и самого Эмберли было бы излишним.

Сам Энтони хотел вообще ничего не рассказывать о ночных приключениях, но, послушав Эмберли, понял, что, пожалуй, так поступать тоже не стоит. Эмберли объяснил, что если он не проронит ни слова о происшедшем, то взломщик неминуемо подумает, что его подозревают. Этот человек выехал из «Мэнора». Более того, скорее всего он знает, кто преследовал его, поскольку Энтони, ударившись головой об оконную раму, громко выругался. Таким образом, если Энтони будет хранить молчание, это только насторожит злоумышленника.

Поэтому Энтони утром, когда Джоан вышла из-за стола, сказал Фаунтину, что всю ночь гонялся за людьми в масках. Фаунтин посмотрел на Энтони так, будто тот был тихопомешанным, и продолжил завтрак. Именно в этот час у Фаунтина бывало самое лучшее расположение духа, поэтому единственной реакцией на услышанное было невнятное мычание.

Энтони намазал маслом еще один кусочек поджаренного хлеба.

— Если быть точным, то я преследовал не людей в масках, а одного человека. Всего лишь одного. Но его лицо было полностью закрыто мешком.

Фаунтин выглянул из-за своей газеты и спросил с легким раздражением в голосе:

— Что за ерунду вы тут несете?

— Если вы мне не верите, пойдите взгляните на велосипед, — ответил Энтони. — Когда я сел на него, он уже был не в очень-то хорошем состоянии. А теперь, пожалуй, и вовсе нуждается в ремонте.

Фаунтин опустил свою газету.

— Какой еще велосипед? — спросил он. — Перестаньте наконец пороть всякую чушь.

— Я говорю про велосипед Джоан. Я проехал на нем семь миль. Это туда. И еще столько же обратно.

На это сообщение Фаунтин ответил коротким смешком.

— Да уж, могу себе представить, что получилось бы, если бы вы проехали семь миль на велосипеде. Не объясните ли вы, что должна значить ваша шутка?

Энтони объяснил. Хотя и не сразу, но все же ему удалось убедить хозяина дома в том, что его не разыгрывают. Когда же Фаунтин поверил, что Энтони не шутит, он сразу же спросил о том, кто был тем человеком. Коркрен ответил, что не знает, хотя и имеет серьезные подозрения кое на кого.

— Думаете, это был Коллинз? — спросил Фаунтин, понизив голос. — Боже праведный!

— Имейте в виду, я не уверен в этом, — предупредил Коркрен. — Я совершенно не видел его лица.

Фаунтин не стал скрывать, что ужасно расстроился. Он сказал, что, по всей видимости, придется уволить Коллинза. Энтони охотно согласился с этим, но сам, однако, тоже огорчился, когда выяснилось, что Фаунтин все же сомневается в истинности его рассказа. Фаунтин сказал, что ему все это кажется фантастичным и он предпочел бы, чтобы Энтони поймал неизвестного и сорвал с него маску. По мнению Фаунтина, неразумно обвинять Коллинза, не имея на руках

доказательств. Нужно все как следует обдумать, не забывая о бдительном наблюдении. Все это крайне неприятно. Если полиция опять начнет приставать к слугам с вопросами, то домоправительница уж точно уволится. Она уже чувствует себя оскорбленной и выведенной из душевного равновесия теми бестактными методами допроса, которые применял инспектор.

— В общем, — сердито заявил Фаунтин, — я очень жалею, что вам взбрело в голову выглянуть ночью из окна. По крайней мере, я бы предпочел ничего не знать об этой истории.

В этот момент в комнату вошла Джоан, и обсуждение сразу же прекратилось. Они с Коркреном решили сыграть в гольф и вежливо предложили Бэзилу присоединиться к ним, однако тот отказался.

— Не хочу быть третьим лишним, — сказал он, — а, кроме того, сегодня позвонил этот старый чудак Мэттьюз и сказал, что собирается заехать, чтобы поговорить о деле.

— Я, конечно, знаю, что он хочет обсудить, — продолжил Фаунтин. — Вчера за обедом он кое на что намекал, но я сделал вид, что не понял его. Я совершенно не хочу обсуждать проступки моего сторожа. У меня и без этого достаточно забот.

— Ты о браконьерах? — догадалась Джоан. — Я знаю. Фелисити говорила мне. Но ведь наш сторож Хичкок уже пожилой и слабый человек.

— И я не собираюсь избавляться от него в угоду старине Мэттьюзу, — сказал Фаунтин.

В третьем часу дня прибыл сэр Хэмфри. Его привезла дочь на своем маленьком автомобиле, поскольку Лудлоу сильно простудился. Бейкер проводил их обоих в библиотеку и оставил там, а сам пошел разыскивать хозяина дома.

Сэр Хэмфри, страстный книголюб, стал рассказывать по комнате, изучая содержимое плотно заставленных полок. Немного погодя он раздраженным голосом выразил удивление, не обнаружив у Фаунтина в библиотеке каталога книг и отметив, что книги стоят на полках бессистемно.

Фелисити, сидевшая у окна, посоветовала ему не обращать на это внимания.

— Папа, не будь педантом, — с улыбкой сказала она.

— Но я говорю про совершенно очевидные вещи, — ответил ее отец, который, надев очки, изучал корешки произведений классиков в обложках из телячьей кожи.

— Все равно у этих книг скучный вид, — беззаботно сказала Фелисити.

Сэр Хэмфри, обнаруживший какое-то книжное сокровище, оставил ее реплику без ответа. Она переключила внимание на садовника, который выметал с газона опавшие листья, и дала своему родителю возможность мирно и спокойно почитать. Когда в библиотеку вошел Фаунтин с извинениями за то, что его гостям пришлось подождать, сэр Хэмфри листал страницы какого-то запыленного тома, извлеченного из недр верхней полки. Он рассеянно произнес:

— Ничего, ничего. Я просматривал ваши книги. Мой дорогой сэр, знаете ли вы, что все они расставлены по размеру?

Фаунтин немного опешил. Он сказал, что, к сожалению, не может назвать себя большим любителем чтения. Сэр Хэмфри заявил, что необходимо поручить кому-то привести библиотеку в порядок. Выяснилось, что Фаунтин владеет многими редкими изданиями, но при этом у него Де-Куинси соседствует с непонятно чьими «Воспоминаниями о русском дворе». По тону сэра Хэмфри Фаунтин понял, что такое отношение к книгам преступно, и, извиняясь, признался, что совершенно невежествен в этих делах.

— Я вижу, что ваш дед был крупным собирателем, — сказал сэр Хэмфри. Он взял в руки одну из книг. — Эта книга — мой старый друг, — сказал он, — с которым мы не встречались, увы, уже многие годы. Я не знаю, каким образом она исчезла с моих собственных полок. Если позволите, я взял бы ее почитать. Хотя знаю, что брать книги у знакомых — дурная привычка.

— Пожалуйста, пожалуйста, я буду очень рад, — сказал Фаунтин в надежде, что книжная тема будет наконец исчерпана. — Берите и читайте все, что вам захочется.

— Спасибо. А я как раз мечтал снова окунуться в мир этих страниц. Если можно, я возьму первый том.

Фаунтин рассмеялся в своей обычной манере — немного в нос.

— Первый том, говорите? А меня, признаться, просто пугают сочинения, состоящие более чем из одного тома.

Сэр Хэмфри посмотрел на Фаунтина с таким же удивлением, как если бы тот похвастался встречей с динозавром.

— Мой дорогой! — сказал он. — Но ведь это «Литературные курьезы» Дизраэли. Это произведение, безусловно, стоит того, чтобы его прочитать. Да, но я пришел не для того, чтобы разговаривать о книгах. Не хочу понапрасну занимать ваше время.

Фаунтин пробормотал в ответ вежливую фразу о том, что ему приятно поговорить с сэром Хэмфри на любую тему, но не стал отговаривать его от намерения перейти к делу. После двадцатиминутного серьезного разговора Фаунтин пообещал, что поговорит со своим сторожем. Сэр Хэмфри сообщил Фаунтину, что на территории его усадьбы было замечено несколько человек подозрительного вида. Он сказал, что долг каждого землевладельца способствовать борьбе с браконьерством, и Фаунтин, естественно, согласился с ним.

Фаунтин готов был согласиться со всем. Конечно же, от браконьеров нужно избавиться, и, безусловно, он поговорит об этом с Хичкоком.

Фелисити, уже проявлявшая нетерпение и не особенно скрывавшая его, поднялась и заявила, что если они не уедут сейчас же, то не успеют до ленча съездить в Верхний Неттлфолд. Сэр Хэмфри сказал, что они, конечно, отняли у мистера Фаунтина много времени, но он надеется, что не зря, и кое-что все же будет сделано.

Он пожал Фаунтину руку и уже готов был уйти, как вдруг бесшумно открылась дверь, и вошел Коллинз. Увидев гостей, он замер.

— Прошу прощения, сэр. Я думал, что вы один.

— Ничего, Коллинз. Если уж вы пришли, прошу вас проводить сэра Хэмфри и мисс Мэттьюз, — сказал Фаунтин. — До свидания, сэр. Я подумаю о том, что можно сделать. Вы уверены, что не хотите взять остальные тома? Пожалуйста, не стесняйтесь и берите у меня любые книги, которые вам понадобятся. Я буду только рад.

Взгляд Коллинза на секунду задержался на книге, которую держал Сэр Хэмфри. Затем он метнул взгляд на книжные полки и на мгновение изменился в лице.

— Разрешите, я оберну эту книгу для вас, сэр, — сказал он.

— Нет, спасибо, пусть лучше она остается как есть, — ответил сэр Хэмфри, направляясь к двери.

— Но она очень пыльная, сэр. Разрешите, я вытру ее.

— Вытереть ее? Нет, нет. Она хороша и так, — сказал сэр Хэмфри, уже начиная раздражаться.

— Ну что ж, до свидания, Фаунтин. Пойдем, Фелисити, не то мы опоздаем.

После того как машина тронулась, Фелисити спросила:

— Ты обратил внимание на этого человека? Я имею в виду камердинера?

— Обратил ли я на него внимание? Моя милая, я могу сказать, что я его видел. Но зачем мне было обращать на него какое-то особое внимание?

— Ты знаешь, он смотрел на тебя таким злобным взглядом.

— Милая, ты просто фантазируешь, — сказал сэр Хэмфри. — С чего ему смотреть на меня злобным взглядом?

— Не знаю, но он действительно так смотрел.

Фелисити ехала в Верхний Неттлфолд с поручением от леди Мэттьюз посетить «Кабанью голову» и узнать, удобно ли там устроилась Ширли Браун, а также предложить ей вместе пойти на судебное следствие, назначенное на завтрашнее утро.

Швейцар сказал, что мисс Браун, должно быть, у себя в комнате, и пошел за ней, а Фелисити и сэр Хэмфри остались ждать в вестибюле.

Через несколько минут Ширли сошла вниз. Похоже, что она была рада видеть Фелисити, но, тем не менее, держалась застенчиво. Единственным знаком траура в ее одежде была черная повязка на рукаве твидового костюма. И хотя ее лицо было тревожным, на нем не было следов слез. Ширли сказала, что ей очень удобно в «Кабаньей голове», и отказалась от предложения леди Мэттьюз сопровождать ее на судебное следствие. Она была очень благодарна за доброе отношение, но не видела необходимости в том, чтобы леди Мэттьюз присутствовала при такой неприятной процедуре.

— Моя жена, — сказал сэр Хэмфри, искоса глянув на Ширли, — предполагала, что вы будете рады... ну... получить поддержку в таких тяжелых для вас обстоятельствах.

Ширли остановила на нем удивительно прямой и твердый взгляд.

— Со мной все будет в порядке, — ответила она. — Конечно, я потрясена. И расстроена. Но я не хочу притворяться, что убита горем. Это не так. Извините, если я вас шокирую.

Сэр Хэмфри и в самом деле был шокирован. Он сказал, что, видимо, она еще не осознала до конца случившегося. Ширли не стала спорить. О своем возвращении в Лондон она не сказала ничего определенного. Фелисити решила, что ей, наверное, предстоит до отъезда уладить ряд дел, связанных с «Плющевым коттеджем».

Когда Фелисити стала прощаться, Ширли не стала задерживать своих гостей. Фелисити подумала про себя, что, что бы там ни говорила Ширли, ее страдание велико. Ее выдавали глаза.

На обратном пути сэр Хэмфри даже не пытался скрывать тот факт, что Ширли ему не понравилась. Своим полным отсутствием лицемерия она нанесла удар по его представлениям о пристойности. Он не мог извинить ее искренность и недостаточную скорбь по брату, каким бы непутевым тот ни был. Приличия должны быть соблюдены. По мнению сэра Хэмфри, отсутствие траурной одежды свидетельствовало о неуважении к покойному. Каким бы ни был человек при жизни, смерть, с точки зрения сэра Хэмфри, сразу делала его уважаемым.

Внезапно он на полуслове прервал свои рассуждения, резко обернулся и принялся искать что-то на заднем сиденье автомобиля. Фелисити притормозила.

— В чем дело, папа?

— Кажется, я забыл в «Кабаньей голове» книгу, которую взял почитать у Фаунтина, — с досадой в голосе ответил сэр Хэмфри. — Не могу понять, как это могло случиться. Придется ехать назад.

Разворачивая машину, Фелисити не смогла удержаться от того, чтобы не похихикать. Причиной явилось то, что сэр Хэмфри часто упрекал жену и дочь в том, что они постоянно где-то забывают свои вещи.

Через десять минут они снова были у «Кабаньей головы». Сэр Хэмфри вошел в вестибюль, где Ширли сидела одна. На маленьком столике перед ней лежала книга. Ее лицо покраснелось, и когда при приближении сэра Хэмфри она подняла на него взгляд, он был удивлен, увидев столько сияния в ее темных глазах. Можно было подумать, что она не потеряла брата, а только что получила наследство.

Ширли встала и взяла со столика книгу.

— Вы, кажется, забыли книгу? — сказала она. — А я уже погрузилась в нее. И заодно решила ее протереть — на ней было столько пыли. Вот, пожалуйста, возьмите.

— И каково ваше мнение об этой книге? — спросил сэр Хэмфри.

На ее губах появилась легкая улыбка.

— Мне показалось, что в ней есть много интересного, — ответила она.

Эмберли, отправившийся в Карчестер поговорить с начальником полиции, во время ленча отсутствовал. Он вернулся только к чаю, и настроение у него было далеко не самое лучшее. Сэр Хэмфри хотел прочитать ему вслух о курьезном случае, происшедшем с аббатом Мароллем, но Фрэнк сразу же прервал его.

— Я уже читал про это, — сказал он.

— Неужели? — обиженным тоном произнес сэр Хэмфри. — Однако я буду удивлен, если ты скажешь мне, в какой книге ты это прочитал.

— В «Литературных курьезах», — не задумываясь ответил Эмберли. — Я не знал, что у вас есть эта книга.

Сэр Хэмфри, обрадованный тем, что его племянник более начитан, чем он предполагал, с облегчением вздохнул и сказал, что только этим утром взял почитать эту книгу у Фаунтина. Через некоторое время он сделал новую попытку прочитать вслух еще один отрывок, но Эмберли вновь прервал его.

— Ты помнишь и это место, Фрэнк? — спросил сэр Хэмфри.

— Да, — ответил мистер Эмберли.

Сэр Хэмфри сообщил своему племяннику, что его манеры невыносимы. Давая выход раздражению, он язвительно выразил надежду, что нынешней ночью Фрэнк не будет будить весь дом, как это он сделал вчера.

Мистер Эмберли, в четыре часа утра проходя мимо двери своего дядюшки, отчетливо слышал его храп. Он усмехнулся и заверил, что сегодня ночью будет тихо.

Однако он ошибся. В двенадцать минут первого тишина в доме была нарушена грохотом, который разбудил не только сэра Хэмфри, но также его жену и племянника.

Шорох донесся из гостиной и сменился полнейшей тишиной. Эмберли бесшумно вышел из своей комнаты с пистолетом в одной руке и с фонариком в другой и замер, внимательно прислушиваясь.

Где-то внизу скрипнула половица. Эмберли начал в темноте спускаться по лестнице, стараясь не шуметь.

В этот момент дверь комнаты сэра Хэмфри распахнулась; сэр Хэмфри выбежал оттуда со словами:

— Кто здесь?

Он включил свет на верхней площадке лестницы. Эмберли сказал что-то шепотом и в два прыжка добрался до холла. Но он опоздал. Когда он зажег фонарик и обвел гостиную его лучом, она оказалась пустой. Доходящее до пола створное окно было широко раскрыто, и занавеску сквозняком вдувало внутрь комнаты. Сад утопал в лунном свете; деревья отбрасывали тени, казавшиеся черными пятнами. Никого не было видно, луч фонарика не высвечивал ни одной прячущейся фигуры. Тот, кто влез в дом, сейчас был уже где-то у шоссе, и преследовать его было бесполезно.

Мистер Эмберли вернулся в гостиную и занялся осмотром окна. В верхней и нижней частях было аккуратно вырезано по маленькому кусочку стекла, благодаря чему взломщик смог открыть задвижки.

Сэр Хэмфри был вне себя.

— Что ты тут устроил Фрэнк, черт возьми? Можем мы хотя бы одну ночь провести спокойно?

Эмберли подошел к холлу.

— Подойдите-ка сюда, дядя, — позвал он.

— Я не желаю никуда идти. В какие игры ты тут играешь?

— Кто-то решил нанести нам визит, — сказал Эмберли и пошел обратно в гостиную. В дверях он остановился, демонстрируя сэру Хэмфри произведенный беспорядок.

— Так это был не ты? — спросил подошедший сэр Хэмфри. — И ты хочешь сказать... Господи, спаси и помилуй!

Последнее восклицание было вызвано тем видом, который предстал перед его глазами. Для такого аккуратного человека, как сэр Хэмфри, зрелище было воистину ужасающим. Кто-то с отчаянными усилиями пытался что-то найти. Все в комнате было перевернуто вверх дном. Подушки, книги, бумаги были разбросаны по полу в полнейшем беспорядке. Ящики шифоньерки леди Мэттьюз были выдвинуты, а их содержимое выброшено наружу. Общий разгром довершали осколки большой вазы, которая стояла на кафельном камине. Очевидно, незваный гость случайно разбил ее; она-то и произвела шум, разбудивший обитателей дома.

Затем внимание изумленного сэра Хэмфри сосредоточилось на окне.

— Господи, спаси и помилуй! — повторил он уже слабым голосом и повернулся к Эмберли.

— Давайте-ка лучше осмотрим все вокруг, — сказал Фрэнк и направился в библиотеку.

В библиотеке беспорядка было еще больше, а вид кабинета сэра Хэмфри вызвал у его несчастного владельца слабый стон. Письменный стол подвергся обыску, а все бумаги были вышвырнуты на пол.

— Господи, спаси и помилуй! — в третий раз сказал сэр Хэмфри. — Это же кража со взломом!

Племянник посмотрел на него без особого почтения.

— Как это вы так быстро сообразили? — спросил он. — Хэлло, тетя! Пришли посмотреть на разрушения?

Леди Мэттьюз, в бигуди и с кремом на лице, стояла в дверях и с интересом смотрела вокруг, ни чуточки не расстраиваясь.

— Вот это да! — сказала она. — Вот это разгром! Бедный Дженкинс. Но что могли искать в кабинете?

Эмберли одобительно кивнул головой.

— Вы целите в самую точку, тетя Марион. Никто даже не подумал об этом. Но скажите мне, почему ваше лицо покрыто каким-то белым веществом?

— Это крем для лица, мой милый. В моем возрасте он совершенно необходим. Я, наверное, странно выгляжу?

— Ужасающее, — признался Эмберли.

Сэр Хэмфри от нетерпения переступал с ноги на ногу.

— Боже мой, Фрэнк, при чем тут лицо твоей тети? Посмотри на мой письменный стол! Посмотри, где мои бумаги!

— Дорогой, по-моему, лучше посмотреть, где наше серебро, — сказала леди Мэттьюз. — Пусть Дженкинс принесет его наверх. Но где он? Может быть, он убит в постели? Пусть кто-нибудь пойдет и узнает, что с Дженкинсом.

Дженкинс был жив. Как раз в этот момент он появился — в пиджаке и брюках, надетых второпях прямо на пижаму. Сэр Хэмфри с облегчением поздоровался с ним. Реакция Дженкинса на происшедшее не обманула ожиданий его хозяина. Дженкинс распереживался едва ли не больше, чем сам сэр Хэмфри. Оба причитали наперебой, пока Эмберли не распорядился:

— Дженкинс, посмотрите, на месте ли ценности, — попросил он.

Дженкинс сразу же отправился выполнять поручение. Сэр Хэмфри решил показать супруге поврежденное окно в гостиной. Мистер Эмберли, хмурясь, стоял в кабинете среди разбросанных вещей.

Вскоре в кабинет вошла Фелисити, в прекрасном настроении, лишь возмущаясь, что никто не догадался разбудить ее, даже горничная, но мистеру Эмберли было сейчас не до Фелисити и не до ее горничной.

Дженкинс возвратился и доложил, что, насколько можно судить сейчас, не составив подробной описи серебра, ничего не пропало. Столовая оказалась совершенно не тронутой, и великолепные солонки эпохи королей Георгов все также занимали свое место в буфете.

Мистер Эмберли отправился на поиски дяди и нашел его бурно выражающим свои эмоции по поводу поврежденного окна. Леди Мэттьюз разделяла его чувства, но при этом выражала их с олимпийским спокойствием.

— Дядя, я хочу, чтобы вы посмотрели, не пропало ли что-нибудь из вашего кабинета, — сказал Эмберли.

— Как, черт возьми, я смогу это понять? — возопил сэр Хэмфри. — Мне понадобятся многие часы, чтобы снова привести в порядок бумаги! Честное слово, мне иногда кажется, что в Англии уже нет никакого закона!

— У вас не хранилось ничего ценного в письменном столе? — прервал его Эмберли.

— Нет, ничего. Мне доставляет маленькое удовольствие сознавать, что усилия, затраченные этим проклятым вором, были напрасными.

— Вы уверены, что там не было ничего ценного — может быть, деньги?

— Конечно, уверен! А деньги я там не оставляю.

— А вы, тетушка?

— Нет, мой дорогой. Только счета и всякая ерунда. Думаю, что вору это показалось бы скучным. А что он искал, как ты думаешь?

— Не могу ничего предположить, сейчас я в полном неведении. — Он оглядел комнату задумчиво прищуренными глазами. — Гостиная, кабинет, библиотека, но не столовая. Странно. Выглядит так, будто он хотел найти нечто такое, что для других не представляло ценности. Что это может быть, дядя? Какой-нибудь документ?

— Не может быть! Все важные бумаги хранятся в моем банке. А те бумаги, которые я держу здесь, ничуть не интересны никому, кроме одного меня.

— Зачем ему понадобилось бросать на пол книги? — спросила леди Мэттьюз. — Мне кажется, не было никакой необходимости делать это.

Эмберли бросил на нее быстрый взгляд.

— Книги! Господи боже!

— Ну-ну, Фрэнк, что дальше? — пропищала Фелисити. — Это так любопытно!

Эмберли не обратил на нее ни малейшего внимания.

— А где та книга, которую вы взяли у Фаунтина, сэр?

— В моей комнате. Я взял ее, чтобы почитать в постели. Но почему...
Эмберли повернулся в другую сторону.
— Дженкинс, принесите ее, пожалуйста. Это «Литературные курьезы».
Леди Мэттьюз присела на стул.
— Какая прелестная загадочность, — сказала она. — Но почему книга, мой мальчик?
— Мне все же кажется, что ему была нужна именно книга, — ответил Эмберли. — У меня такое предчувствие.
Возвратился Дженкинс с книгой в руках и вручил ее Эмберли. Фрэнк быстро пролистал ее страницы, потряс ее, заглянул под корешок, прощупал обложку с обеих сторон.
— Мы все заинтригованы, — проворковала леди Мэттьюз.
Эмберли, однако, выглядел озадаченным.
— Пожалуй, ошибся, — сказал он. — И все же мне почему-то кажется, что я на верном пути.
Он задумчиво посмотрел на своего дядюшку.
— Интересно...
— Что тебе интересно? — спросил сэр Хэмфри. — Только умоляю не темни.
— Интересно, входил ли кто-нибудь ночью к тебе в комнату? — задал свой вопрос Эмберли.
Сэр Хэмфри, который подобно многим ошибочно полагал, что чутко спит, возмутился. Он готов был поклясться, что никто не мог войти в его комнату, не разбудив его.
— Дорогой Фрэнк, все это очень интересно, только, прошу тебя, не раздражай дядю, — вмешалась в разговор леди Мэттьюз.
— Извините, тетушка. Все это очень досадно. Я иду спать.
Сэр Хэмфри хотел поговорить о том, что нужно предпринять, чтобы взломщик снова не влез в поврежденное окно, но мистер Эмберли сказал, что его это не волнует, и удалился с книгой в руках.

12

Мистер Энтони Коркрен хотел взять трубку телефона, пронзительно звонившего в вестибюле холла, но его опередил услужливый Бейкер.
Бейкер с его обычным угодливым выражением лица извинился, что не успел еще раньше подойти к телефону, и снял трубку.
— Алло, — произнес он, и стоящий рядом мистер Коркрен мог поклясться, что ему ответил женский голос. Дворецкий искоса посмотрел на Коркрена и сказал в трубку чопорным голосом:
— Я не знаю, удобно ли это сейчас, мисс.
Голос в трубке сказал еще что-то. Бейкер выслушал и спросил:
— Простите, а кто его просит?
Было ясно, что говорящая не назвалась. На лице дворецкого появилось выражение любопытства. Коркрен заинтересовался. Бейкер осторожно положил трубку рядом с телефоном и прошел через холл к кухонным помещениям. Коркрен, чей интерес все возрастал, задержался в дверях библиотеки, чтобы посмотреть, кого попросили к телефону. И он был не очень удивлен, когда через несколько секунд в холле появился направляющийся к телефону Коллинз. Энтони, пятясь, вошел в библиотеку и закрыл дверь.
Коллинз подошел к телефону и взял трубку.
— Это Коллинз. С кем я разговариваю?
— Думаю, что вы знаете, кто я, — ответил женский голос.
Камердинер оглянулся и начал быстро говорить в трубку:
— Вы напрасно звоните мне сюда. Это не безопасно, я уже говорил вам об этом.
— В таком случае, я думаю, нам надо встретиться, — спокойно ответил голос в трубке. — Вы знаете, что я могу причинить вам неприятности.
Губы Коллинза оттянулись назад в невеселой усмешке.
— Вам от этого не будет пользы.

— Если вы откажетесь встретиться со мной, то вы меня этим не напугаете, — сказал голос в трубке. — Давайте так: или мы приходим к какому-то соглашению, или же я сознательно загублю все дело. Вы понимаете, что это в моих силах. Лучше половина, чем ничего. А у меня как раз половина. Ну, что скажете?

Пальцы Коллинза сжали телефонную трубку так, будто это было чье-то горло.

— Хорошо. Только не звоните мне сюда больше. Я согласен встретиться, но не знаю, когда смогу освободиться. Я дам вам знать об этом.

— Спасибо. Но лучше, если вы скажете сейчас, — настаивал голос.

— Я говорю вам, что сейчас не знаю, когда смогу освободиться. Вы должны понимать это. Мы встретимся в мой ближайший свободный вечер. Вы должны быть одна.

— Мы с вами встретимся сегодня, — решительным тоном произнес голос. — Естественно, я буду одна.

— Это небезопасно. Я не смогу отлучиться надолго.

— Я могу сама приехать к вам, — любезно предложил голос. — Думаю, у вас хватит сообразительности суметь выскользнуть из дома на полчаса.

Камердинер еще раз оглянулся назад.

— Хорошо, я сделаю это при условии, что вы больше не будете сюда звонить.

— Если вы будете разумно себя вести, мне не понадобится звонить сюда. Где мы встретимся?

Коллинз на мгновение задумался.

— Хотя это и рискованно, но... вы знаете павильон в роще?

— Нет, боюсь, что не знаю.

— Не доходя до сторожки, есть ворота, через которые можно пройти к домику лесника. За ним на берегу озера и находится павильон. Его нельзя не заметить. Я буду там в шесть.

Он быстро повесил трубку и хотел было уйти, но в этот момент хлопнула дверь библиотеки, и оттуда появился Фаунтин с тяжелым, мрачным выражением на лице. Он подозрительно посмотрел на своего камердинера.

— Кто это вам звонил? — спросил он. — Мистер Коркрен как раз интересуется, знаю ли я, что мои слуги используют телефон для своих личных дел. Кто это был?

Коллинз стоял неподвижно с опущенными глазами. Его рот был искривлен в какой-то неприятной гримасе. Несколько секунд он молчал.

— Женщина, наверное. А? — спросил Фаунтин, делая шаг вперед. — Так ведь?

Коллинз на мгновение поднял глаза и спокойно сказал:

— Да, сэр. — И, кашлянув, продолжил. — Это просто молодая леди, с которой я поддерживаю отношения, сэр. Я объяснил ей, что больше звонить сюда не нужно.

— Поддерживаете отношения? Это что-то новое. Теперь послушайте, Коллинз. Я мирюсь со многим, но есть вещи, которые я не могу терпеть. Вы это понимаете?

Камердинер поклонился.

— Прекрасно понимаю, сэр. Это больше не повторится.

— Да, будет лучше, если это не повторится, — мрачно сказал Фаунтин. — Я почти готов освободиться от вас, принимая во внимание нынешний случай и все остальное.

Тень улыбки мелькнула на тонких губах Коллинза, однако он ничего не сказал. В это время Коркрен вышел из библиотеки, и Фаунтин повернулся к нему. Камердинер удалился, бесшумно пройдя через весь холл.

— Вы были совершенно правы, мой дорогой, — сказал Фаунтин. — Он звонил своей бабенке! Какая наглость! Спасибо, что сообщили.

В семи милях от этого места мисс Ширли Браун с торжествующим блеском в глазах вышла из телефонной кабины гостиницы «Кабанья голова». К ней подошел швейцар и доложил, что ее хочет видеть джентльмен по фамилии Эмберли. Выражение ее лица сразу изменилось. Она попросила швейцара сказать мистеру Эмберли, что ее нет. Чтобы у швейцара не возникли вопросы, Ширли сказала, что ей нужно срочно выгулять собаку.

Она выждала минут десять, а затем спустилась вниз в сопровождении Билла. Мистер Эмберли уехал, не оставив записки. Со вздохом облегчения, к которому, правда, примешивалась небольшая доля разочарования, Ширли вышла из гостиницы и взяла курс на «Плющевый коттедж», где ей нужно было упаковать вещи Марка.

В пять часов вечера она заперла Билла в своей спальне и вышла из коттеджа в длинном плаще и низко надвинутой фетровой шляпе. Она направилась напрямик на рыночную площадь, где была конечная остановка автобусов, маршруты которых проходили по окружающим город поселкам. Ширли вошла в автобус номер 9, идущий на Лоуборо. Через несколько минут водитель, выполнив функции кондуктора, завел двигатель. Ширли, севшая на первое сиденье за спиной водителя, подалась вперед, чтобы он услышал, и попросила высадить ее у поворота на Нортон. День был облачный. Не успел автобус отъехать далеко, как начался мелкий-мелкий дождь. Стало быстро смеркаться, и пейзаж по обе стороны дороги был серым и печальным. Ширли передернула плечами, представив, как ей придется идти по мокрому полю, и, движимая каким-то внутренним чувством, стала разглядывать пассажиров автобуса. У нее было безотчетное ощущение, что кто-то следит за ней от самой «Кабаньей головы». «Должно быть, расстроились нервы», — подумала она.

Пассажиры в автобусе выглядели вполне обычно. Двое фермеров, говорившие с заметным местным акцентом, обсуждали погоду. Похожий на лесника человек с красным лицом, один занимавший место на двоих, внимательно читал газету «Наши собаки». Кроме них, в автобусе было еще несколько женщин, возвращающихся из города с покупками. На остановках в автобус вошло еще несколько человек, приветствуя сидящих пассажиров. Позади Ширли сидела ирландка. Она рассказывала другой женщине, с интересом слушающей ее, все подробности операции аппендицита, которую перенес кто-то из их общих знакомых.

В первом поселке по пути их следования вышла большая часть пассажиров. Вышел на некоторое время и шофер, которому нужно было доставить посылку в гостиницу. Ширли и человек с красным лицом остались одни. Поскольку неприятное ощущение слезки не покидало Ширли, она искоса поглядывала на краснолицего. Он был погружен в свою газету, и, казалось, молодая женщина совершенно не интересовала его. Отъехав милю от поселка, автобус остановился, и краснолицый вышел у питомника охотничьих собак. Ширли почувствовала себя спокойнее и уже с усмешкой подумала о своем приступе нервозности.

Автобус несколько раз останавливался, чтобы взять пассажиров и один раз — для доставки очередной посылки. Не ожидавшая, что загородный автобус будет ехать так медленно, Ширли вновь стала нервничать и посматривать на часы. Уже почти стемнело, и водитель включил электрическое освещение. По оконным стеклам скатывались дождевые капли. По ногам сильно дуло.

Водитель подъехал к краю дороги и нажал на тормоз.

— Вам выходить, мисс. Дождливая погодка, однако.

Ширли взяла свою сумочку.

— Ужас! — согласилась она. — Вы не скажете, во сколько будет автобус в обратном направлении?

— Я возвращусь через час. — Из ответа водителя можно было заключить, что на линии ходит только один автобус. — Будете брать обратный билет, мисс? Тогда с вас шиллинг.

— Нет, я могу пропустить ваш автобус, — сказала Ширли.

— В таком случае с вас шесть пенсов, мисс.

Она отдала деньги. Водитель потянул за рычаг, открывающий двери. Ширли вышла на дорогу и постояла минутку, глядя, как автобус скрывается за поворотом.

У нее был с собой фонарик, но она не стала его включать: было еще достаточно светло, чтобы различать путь. Она стояла на перекрестке. Стрелка указателя над ее головой показывала на Нортон. Подняв воротник, чтобы хоть как-то защититься от дождя, она быстрым шагом двинулась в нужном направлении.

Дорога была не первой классной, но в хорошем состоянии. Она вилась между зарослями кустарника, проходила мимо редких домиков и ферм. Два или три раза ее обгоняли велосипедисты, один раз ей навстречу попался пешеход, которого она окинула внимательным взглядом. Характерным голосом сельского жителя он дружелюбно пожелал ей доброго вечера. Она тоже поприветствовала его и прибавила шаг.

Отойдя от шоссе примерно на милю, Ширли увидела огоньки расположенной в ложине деревеньки. Больше на этой дороге никаких населенных пунктов не было. Вглядывающейся в сумерки Ширли казалось, что вокруг ничего нет, кроме полей, угрюмо протянувшихся до самого

тускло-серого горизонта. Где-то через полмили после деревушки стали попадаться группы деревьев, постепенно превращаясь в заросли. Ширли почувствовала запах сосновой хвои и различила в сумерках серебристый отблеск березовых стволов. Листья были мокрые, вода капля за каплей стекала на черную, как смола, дорогу. Вся жизнь, казалось, замерла. Ширли подумала, что, наверное, слишком сыро для кроликов, которые в это время обычно вылезают из нор и отваживаются перебежать дорогу.

Ширли не знала точно, сколько она прошагала. Наверное, мили две. Уже должны были появиться ворота. Немного сердясь на себя и одновременно посмеиваясь над собой, она решила, что ее нервозность вызвана плохой погодой и сумерками. Этому беззвучному дождю, казалось, не будет конца. Ветра не было, листья на деревьях не шевелились. Ширли считала, что все люди, кроме нее, сейчас находятся дома. Однако несколько раз она ловила себя на мысли, что прислушивается, пытаюсь уловить... Да она сама толком не знала, какие звуки пытается расслышать. Может быть, шаги или шелест шин по мокрой дороге. Один раз ей показалось, что она слышит вдалеке урчание мотора, но мимо нее никто не проехал, и она подумала, что либо ей послышалось, либо где-то рядом проходит другая дорога.

Вдруг впереди что-то забелело. Подойдя поближе, она увидела ворота, ведущие в рощу, расположенную справа от дороги. Они были полуоткрыты. И за ними открывалась поросшая травой просека. Ширли, немного сомневаясь, стала искать взглядом на потрескавшихся столбах надпись с именем владельца усадьбы.

Немного подумав, она улыбнулась, поняв, что попыталась приписать местным жителям образ мыслей обитателя лондонских окраин. Конечно, на воротах не было никакого имени. Такое здесь не принято. Сельские жители и так знают, кто где живет. Но для приезжих из города такие порядки создают дополнительные трудности.

Чувствуя себя не очень-то уверенно, Ширли прошла еще несколько ярдов. Минут через пять она увидела большие железные ворота и свет в окнах сторожки. Это, несомненно, был «Нортон Мэнор». Ширли повернулась и быстро пошла обратно к просеке.

Деревья были темными и таинственными. Густой подлесок, метровые папоротники. Земля под ногами мокрая и скользкая. В бороздках от колес поблескивала грязная вода. Ширли осторожно продвигалась вперед, пытаюсь в сгущающейся темноте разглядеть коттедж. Через несколько шагов дорога раздвоилась. В конце более короткого ответвления Ширли увидела свет и пошла дальше по другому ответвлению.

Она снова почувствовала запах сосны, а через несколько шагов вышла на более открытое место. Почва здесь была песчаной. Ковер из сосновых иголок приглушал шаги Ширли. Дорожка была усыпана шишками. Подлесок кончился. На пути Ширли тонкие деревья одно за другим тянулись ввысь, теряясь в тумане и мраке: на их стволах блестели капельки воды. Тишина была почти пронзительной. Частый и бесшумный дождь, словно одеяло, заглушал все обычные маленькие шорохи леса. Ширли стиснула зубы и, опустив руку в карман, нащупала пистолет.

Дорога сделала поворот, и сразу же довольно далеко впереди показались огни. Ширли подошла к пруду, расположенному в конце широкой аллеи к югу от дома. Вдали горели огоньки. Ширли могла различить на фоне неба очертания «Нортон Мэнора». Показалась лужайка, протянувшаяся до опушки леса.

На берегу пруда стоял павильон классического стиля, чрезвычайно популярного в восемнадцатом веке, выстроенный для украшения вида из южных окон дома. В темноте белый павильон выглядел настоящим призраком.

Ширли почувствовала учащенное биение пульса. Стоявший среди деревьев павильон казался безлюдным, но все же таившим угрозу. Она ощутила инстинктивное желание тихо, на цыпочках уйти прочь. Некоторое время Ширли стояла в тени деревьев, глядя на тихое здание и безуспешно пытаюсь отогнать дурное предчувствие.

Была такая тишина, что даже удары сердца казались громкими. Где-то недалеко тишину прорезал крик фазана. Донесся шум крыльев. Ширли вздрогнула и замерла, прислушиваясь. Было тихо. Она с неуверенностью подумала, что, должно быть, фазана спугнула лиса.

Ширли достала из кармана пистолет и взвела его. Звук щелкнувшего затвора немного успокоил ее. Положив палец на предохранитель, она осторожными шагами направилась к павильону.

Дверь была не заперта. Заржавевшая ручка скрипнула, когда Ширли повернула ее. Она толкнула дверь и прижалась к стене. Не было слышно и малейшего звука. Ширли достала из кармана фонарик и зажгла его.

Павильон был пуст. Внутри стояла садовая мебель: плетеные стулья и стол. На них лежало несколько лодочных подушечек с яркими рисунками. Ширли медленно обвела лучом фонарика весь павильон, осветив каждый угол. Затем вошла, закрыв за собой дверь, усилием воли заставила себя сесть на стул и выключить фонарик.

Когда ее глаза привыкли к темноте, она смогла различать контуры вещей, находящихся в павильоне. Тот самый инстинкт, который протестовал против того, чтобы она приближалась к павильону, велел ей подвинуть стул к стене. Продолговатые окна в темноте были серыми. Сквозь них увидеть Ширли снаружи без фонаря было невозможно.

Она услышала тиканье своих часиков и сняла перчатку, чтобы взглянуть на них. Светящиеся стрелки показывали двадцать минут седьмого. Коллинз опаздывал. Страх, что он может обмануть ее, приглушил на некоторое время все возрастающее предчувствие чего-то недоброго. Сжав губы, она внимательно прислушивалась, надеясь услышать звуки приближающихся шагов.

Но ничего не было слышно. Не хрустнула ни одна веточка. Все было тихо до того момента, когда внезапный скрип дверной ручки заставил ее в ужасе вскочить со стула. Она нажала на предохранитель пистолета. В дверях стоял человек. В темноте она не могла узнать его и затаилась.

— Вы здесь, мисс? — Это было сказано так тихо, что она едва услышала. Голос принадлежал Коллинзу.

— Да, вы опаздываете, — сказала она, включая фонарик. Коллинз сделал шаг вперед.

— Уберите свет. Выключите фонарик, — шепотом потребовал Коллинз.

Она послушалась, но при этом сказала в ответ, стараясь придать своему голосу как можно больше холодного спокойствия:

— Осторожнее. Если еще раз сделаете резкое движение, получите пулю. Что вас беспокоит?

При свете фонарика она успела увидеть его неестественно бледное лицо с капельками пота на лбу. Он говорил шепотом и все время внимательно прислушивался, чуть наклонив голову набок.

Он подошел и взял ее за левую руку.

— Ради бога, пойдите отсюда, — прошептал он. — Мне не нужно было соглашаться на нашу встречу здесь. Я говорил вам, что это опасно. За мной кто-то следит. Пойдите отсюда. Быстро!

Она безотчетно понизила голос, следя только за тем, чтобы он был спокойным и ровным.

— Вы хотите отделаться от меня? Это вам не удастся. Мы здесь для того, чтобы говорить о деле.

Он ответил с еле сдерживаемой злобой:

— Помните, что случилось с вашим братом. Вы хотите, чтобы с вами произошло то же самое? Еще раз говорю, за мной следят. Идите отсюда поскорей!

Он подтолкнул ее к двери. Поняв, что его волнение непритворно, она вышла с ним из павильона. Они торопливо отошли в сторону и укрылись в тени деревьев. Коллинз прислушался. Несмотря на полную тишину, он потянул ее дальше в глубь зарослей и только там отпустил ее руку.

— Я боюсь останавливаться. Честное слово, здесь очень опасно. Я согласен встретиться с вами, но в другом месте. Вам не нужно было звонить мне сюда, — Коллинз замолк и снова прислушался.

— Он преследует меня, — продолжал Коллинз взволнованным шепотом. — Мне нужно идти. Ради всего святого, мисс, возвращайтесь в Лондон! Опасность для вас гораздо более велика, чем вы думаете. Мы встретимся с вами, честное слово. Поверьте мне!

— Это в ваших интересах, — ответила она. — Вы ведь знаете, что у меня в руках.

Он беззвучно кашлянул.

— Вы владеете половиной, мисс. Этого недостаточно?

— Достаточно, чтобы испортить вам жизнь.

— Вы, конечно, можете это сделать, но тогда уж вы никогда не получите второй половины, — с угрозой сказал Коллинз. — Это сумасшествие назначать здесь встречу! Здесь вы каждую минуту в опасности. Я не могу охранять вас все время.

Она твердо сказала в ответ:

— Я останусь в Верхнем Неттлфолде до тех пор, пока не получу то, что мне нужно.

Он вдруг снова схватил ее за руку. Почти прикасаясь губами к ее уху, он еле слышно прошептал:

— Слышите?

Ее нервы были перевозбуждены, и ей казалось, что весь лес пронизан какими-то тонкими непонятными звуками. Зашелестели опавшие листья. Может быть, это кролик зашевелился в них? Треснула ветка. Кажется, тень от дерева вдруг сдвинулась со своего места.

Страх, испытываемый Коллинзом, передался Ширли. Ей стали мерещиться глаза, тайком следящие за ней. Ею завладело единственное желание — выбраться отсюда, из этой ловушки. Она попыталась выдернуть свою руку из руки Коллинза. Он отпустил ее и подтолкнул вперед.

— Идите! Нельзя, чтобы нас видели вместе. Ради бога, идите!

Сказав это, он исчез, бесшумно, словно призрак. На оставшуюся в одиночестве Ширли надвинулась ночная темнота, полная неизвестных опасностей. Некоторое время она не могла сдвинуться с места, охваченная паникой. У нее дрожали колени. Но усилием воли она подавила страх и заставила себя шагнуть в сторону дороги. Стало так темно, что уже невозможно было что-нибудь различить. Не осмеливаясь зажечь фонарик, она быстрым шагом удалялась от павильона, еле сдерживая желание пуститься бегом.

Вдруг где-то немного слева от дороги темноту прорезал луч фонарика, как бы парящий над землей. В роще кто-то был.

Ширли повернулась и ринулась в глубь рощи, надеясь найти укрытие в зарослях. Она уже не соображала, в каком направлении идет. Споткнувшись о корень большого бука, она упала. Оглянувшись назад, она увидела, что луч фонарика движется прямо на нее. Поднявшись, Ширли, несмотря на испуг, порадовалась, что ее кольт стоял на предохранителе, и снова устремилась, теперь уже бегом, в самую гущу деревьев.

Колючая ежевика хватала ее за плащ и царапала лодыжки. Ширли с трудом пробралась сквозь нее к смородиновым кустам, растущим между тонких березок с серебриющимися стволами. Она спряталась за кустами, внимательно следя за лучом фонарика.

Теперь она уже слышала звуки приближающихся шагов. Легкий шум, внезапно раздавшийся позади нее, заставил ее резко повернуть голову, однако она ничего не заметила.

Шаги уже слышались совсем рядом. Ширли видела темную тень человека, проходящего мимо кустов. Он остановился, прислушиваясь. Луч фонарика стал описывать круги. Ширли замерла. Насколько густы эти заросли? Смогут ли они скрыть ее?

Человек с фонариком начал ходить вокруг кустов. Ширли затаилась. Ее палец лежал на предохранителе.

Внезапно в напряженную тишину ворвался звук, настолько неуместный здесь, что Ширли подумала, не сходит ли она с ума. Кто-то неподалеку начал насвистывать мелодию вальса «На прекрасном голубом Дунае».

Свет фонарика сразу погас. С той стороны, где росли высокие папоротники, донесся негромкий шорох удаляющихся шагов, и все опять стихло. Мелодия также смолкла. Казалось, что вокруг не было ни души.

Прошло несколько минут, прежде чем Ширли осмелилась пошевелиться. Крадучись, она стала двигаться в том направлении, где, по ее мнению, была просека. Через каждые несколько шагов она останавливалась и прислушивалась. Свет фонарика больше не появлялся. Человека с фонариком спугнула донесшаяся мелодия вальса.

Ширли шла, пробираясь через подлесок, все еще не отваживаясь включить фонарик. Ее все же не покидало ощущение, что за ней следят. Несколько раз ей слышалось чье-то дыхание позади, один раз где-то рядом хрустнула ветка. Но когда она останавливалась, чтобы прислушаться и взглядеться в темноту, все кругом было тихо и безжизненно.

Ширли сделала еще несколько шагов и вновь услышала тяжелое дыхание, теперь уже совсем близко.

Она рванулась вперед и выбежала на просеку. Почувствовав под ногами ровную поверхность и заметив, что по обе стороны просеки есть деревья, в которых можно спрятаться, Ширли бросилась бежать.

Внезапно ее ослепил луч света, направленный прямо в лицо.

С губ вырвался тихий крик, который она тут же подавила. Она остановилась и подняла пистолет.

Спокойный, чуть насмешливый голос произнес:

— Уберите оружие, мисс Браун.

Рука с пистолетом опустилась. Ширли со стоном выдохнула воздух.

— Это вы! — сказала она, облегченно переводя дыхание. — Это... это всего лишь вы!

— Да, — отозвался мистер Эмберли, подходя к ней. — Звучит не очень-то лестно. Мне показалось, что вы куда-то торопитесь.

Она протянула руку и схватилась за рукав его пальто. Ворсистая ткань подействовала на нее успокаивающе.

— Меня выслеживают, — сказала она. — Кто-то идет за мной.

Он крепко взял ее за руку. Несмотря на все свои перепутавшиеся эмоции, она уже понимала, что теперь ей нечего бояться.

Вдруг она вскрикнула. Луч фонарика на мгновение выхватил из темноты чье-то лицо, казавшееся бледным в ярком свете фонарика и тотчас же исчезнувшее за кустом.

— Кто этот человек? — У Ширли перехватило дыхание. — Вон там! Видели? Он следил за нами. О, давайте уйдем отсюда!

— Конечно, — согласился Эмберли. — Это не самая лучшая ночь для загородных прогулок.

— Вы видели его? — снова спросила она. — Человека у куста? Кто это? Это он шел за мной. Я слышала его.

— Я его видел, — ответил Эмберли. — Это новый дворецкий Фаунтина.

Она безотчетно прижалась к нему.

— Не знаю, но, мне кажется, это он преследовал меня. Я... я не совсем... Пожалуйста, пойдёмте отсюда.

Мистер Эмберли взял ее под руку и повел к воротам. Она оглянулась назад и нервно спросила:

— Вы уверены, что он не идет за нами?

— Нет, я в этом не уверен, но я не вижу причин для беспокойства, — сказал Эмберли. — Может быть, он просто выпроваживает нас из усадьбы. Такое, знаете ли, случается, когда люди нарушают границы частных владений.

— Нет, вы так не считаете! — резко сказала Ширли. — Он не поэтому преследовал меня.

— Что вы говорите? — удивился Эмберли. — Тогда, надеюсь, вы скажете мне, почему?

Ширли замолчала. Потом высвободила руку и спросила:

— Что вы тут делаете?

— Ну вот. Теперь я вижу, что вы приходите в себя, — ответил Эмберли. — Так я и знал, что это слишком хорошо, чтобы продолжаться долго. А вот что, позвольте спросить, вы здесь делали?

— Я не могу ответить на этот вопрос, — сказала Ширли.

— Правильней сказать — не хочу?

— Может быть. Но вы не ответили мне.

— Ну со мной-то все ясно, — бодро сказал Эмберли. — Я следил за вами.

Ширли остановилась.

— Вы? Вы следили за мной? Но как? Откуда вы узнали, куда я поехала?

— Интуиция, — улыбнулся мистер Эмберли. — Оцените, насколько я умен.

— Вы не могли знать. Где вы заметили меня?

— У «Кабаньей головы», — ответил он. — Я приехал на машине и хотел вас подвезти, но подумал, что вы скорее всего откажетесь.

— Это невыносимо в конце концов! — с жаром воскликнула Ширли.

Он засмеялся.

— Несколько минут назад это не казалось вам столь невыносимым. Не так ли?

Последовала пауза. Затем Ширли пошла дальше, засунув руки в карманы. Мистер Эмберли последовал за ней. Немного погодя, она сказала низким голосом, с трудом выдавливая слова:

— Не думайте, что я не благодарна вам.

— Вы как маленькая девочка, которую только что отругали, — сказал мистер Эмберли. — Ну хорошо, я прощаю вас.

В ответ слышались звуки, уже немного напоминавшие смех.

— Я действительно обрадовалась, увидев вас, — призналась она. — Но все равно это нечестно с вашей стороны следить за мной. Это вы там насвистывали?

— Привычка, — сказал мистер Эмберли.

Она подняла глаза, заглядывая ему в лицо.

— Вы недовольны тем, что я... скрытничая, но разве вы сами откровенны со мной?

— Ни в коей мере, — ответил он.

Она слегка опешила.

— Но тогда...

— Вы хотите за ничего получить кое-что, моя милая, — усмехнулся мистер Эмберли. — Когда вы доверитесь мне, тогда и я буду откровенен.

— Я верю вам, — сказала Ширли. — Сначала не верила, а теперь верю. Поймите, дело не в том, что я не доверяю вам, а в том, что я не осмеливаюсь. Пожалуйста, поверьте мне!

— Вот пример вашего доверия. Что-то не густо!

В чрезвычайном волнении она пыталась объяснить:

— Нет, это не то, что вы думаете. Я не боюсь, что вы меня выдадите, или еще что. Просто я никому не могу открыться, потому что... — ах, вы все равно не поймете!

— Вы ошибаетесь. Я все прекрасно понимаю. Вы боитесь, что я влезу в это дело и расстрою ваши планы. Поэтому-то я и не могу высоко оценить ваше доверие.

Они дошли до ворот и вышли на проселочную дорогу. Чуть дальше на ней виднелась красная лампочка заднего фонаря автомобиля.

— Мистер Эмберли, скажите, много ли вы уже знаете? — неожиданно спросила Ширли и тут же поняла, что он опять засмеется в ответ.

— Все же хотите кое-что за ничего, мисс Браун? — засмеялся он.

— Если бы я хоть знала... хоть что-нибудь. Я не знаю, что делать. Почему я должна верить вам?

— Спросите у своей женской интуиции, — посоветовал мистер Эмберли.

— Если бы вы только сказали мне...

— Я ничего вам не скажу. Вы сами сделаете это. Разве я вам не говорил?

— Вы ошибаетесь, — сердито сказала она и села в машину.

13

На следующее утро мистер Эмберли, рано позавтракав, успел съездить в Верхний Неттлфорд и вернулся обратно в то время, когда семейство Мэттьюзов еще сидело за столом. Сэр Хэмфри курил, а Фелисити уже собиралась выпорхнуть из столовой.

Сэр Хэмфри возмущался неспешной работой стекольщиков, но, увидев племянника, прервался и сказал, что этот Фаунтин ведет себя просто возмутительно. Фелисити, сооротив гримасу двоюродному брату, выскользнула из комнаты.

— Что случилось? — спросил Эмберли.

Оказалось, Фаунтин повел себя неподобающе, невоспитанно и, наконец, просто необъяснимо. В девять часов утра он прислал слугу с просьбой вернуть ему книгу. Слышал ли Фрэнк о чем-либо подобном?

— Никогда, — ответил Эмберли, но, казалось, это его несколько не поразило. — Какого слугу он прислал?

— Не понимаю, какое это имеет значение.

— Имеет, — сказал Эмберли и позвонил в колокольчик. Явившийся на зов Дженкинс сообщил, что с поручением от Фаунтина приходил его камердинер.

— Так я и думал, — сказал Эмберли. — Он теряет выдержку.

— Почему ты так и думал? — спросил сэр Хэмфри, сдвинув очки на кончик своего носа. — Уж не хочешь ли ты сказать, что это имеет какое-то отношение к расследованию, которое ты ведешь для полиции?

— Самое непосредственное, — ответил Эмберли. — Разве вы не догадались?

— Черт побери, Фрэнк, в следующий раз, когда ты приедешь в мой дом...

— Но это все так интересно, — перебила сэра Хэмфри его супруга, отрываясь от чтения письма. — Скажи, Фрэнк, нас убьют? Кто бы мог подумать! Я всегда была уверена, что подобные вещи возможны только в книгах. Как поучительно!

— Надеюсь, что не убьют, тетушка. Может быть, за исключением меня. Впрочем, никогда нельзя сказать заранее.

Она внимательно посмотрела на него.

— Ты чем-то недоволен, мой милый?

— Пожалуй, да, — признался он.

— Досадно терять вещи, — сказала леди Мэттьюз. — Однажды я потеряла обручальное кольцо. Оно нашлось, лучше уж не говорить, где.

Фрэнк вынул трубку изо рта.

— Вы очень проникательны, тетя. Я поеду поиграть в гольф с Энтони.

— Прошу тебя ничего не говорить Фаунтину об этом неприятном случае, — надменно сказал сэр Хэмфри. — Лично я намерен не обращать внимания.

— Хорошо, — пообещал Эмберли. — Но, думаю, он об этом ничего и не знает.

Прибыв в «Нортон Мэнор», мистер Эмберли застал Коркрена на лужайке с клюшкой для гольфа. Он оттачивал удары с подхода. Энтони радостно поприветствовал Фрэнка, которого как раз очень хотел видеть, и объявил, что проклятый «Нортон Мэнор» скоро вконец выведет его из себя. Джоан была права: этот проклятый дом обладает сверхъестественным свойством — в нем каждый начинает вести себя странно. Сэр Хэмфри стал перечислять случаи необычного поведения обитателей «Мэнора»: начал с дурного настроения своего будущего родственника, обратил внимание на странности убийства Доусона и привычку Коллинза крадучись ходить по ночам и закончил обнаружившейся причудой Бейкера. Энтони поинтересовался, что Эмберли думает по поводу дворецкого, который вытирает пыль в библиотеке в десять часов вечера.

— Послушай, но ведь в обязанности дворецких, черт возьми, не входит вытирание пыли! — недоумевал Энтони. — Ты когда-нибудь видел, чтобы дворецкий вытирал пыль?

— Вытирал пыль в библиотеке? — переспросил Эмберли.

— Именно так. Вчера здесь обедала скучнейшая супружеская чета из «Грейнджа». После обеда мы играли в бридж. Я пошел за портсигаром, который забыл в библиотеке, и — что бы вы думали? — увидел там Бейкера, протирающего книги. Дескать, ему не нравится, что они так запылились. При этом, имей в виду, Фаунтин не разрешает слугам притрагиваться к книгам. Дальше Бейкер сказал в оправдание, что, мол, у него не нашлось времени сделать это днем, так заработался. Как тебе это понравится?!

— Я бы хотел увидеться с мистером Бейкером.

— Если ты тут еще немного побудешь, то как раз увидишься с ним. Я попросил его принести мне мячей для гольфа, — мрачно сообщил Энтони.

В этот момент из дома вышел дворецкий с серебряным подносом в руках, на котором лежали три мяча для гольфа.

— Глупый осел! — прокомментировал Энтони. — Он похож на участника шуточных забегов с яйцом на подносе.

Бейкер степенной походкой пересек лужайку. Не взглянув на Эмберли, он подошел к Коркрену и подал ему поднос.

— Мячи для гольфа, сэр. В вашей сумке их было только три.

Энтони, взяв мячи, сказал спасибо. Дворецкий повернулся, чтобы уйти, но мистер Эмберли остановил его:

— Одну минутку.

Бейкер обернулся и остановился в ожидании, почтительно наклонив голову.

— Вы не знаете, посылал ли мистер Фаунтин в «Грейторн» за книгой, которую он на днях дал почитать сэру Хэмфри?

Бейкер метнул на него быстрый взгляд.

— За книгой, сэр? — он говорил, тщательно подбирая слова. — Я не уверен, сэр, но мне кажется, что мистер Фаунтин не давал такого поручения. По крайней мере, я об этом не знаю.

Трубка мистера Эмберли затухла. Он зажег спичку и поднес ее к трубке, загорая ладонями от ветра. Его глаза поверх ладоней смотрели в глаза Бейкеру.

— Ну, да неважно. Сэр Хэмфри уже прочитал ее. — Он выбросил спичку. — А вы интересуетесь книгами, Бейкер?

Дворецкий тихо кашлянул.

— У меня мало времени для чтения, сэр.

— Есть время только для вытирания пыли, — сказал Энтони.

Дворецкий поклонился.

— Именно так, сэр. Я стараюсь делать все, как можно лучше, боюсь только, что мне это не всегда удается. У мистера Фаунтина большая библиотека.

— И весьма ценная, — растягивая слова, сказал Эмберли, — для знатоков.

— Видимо, так оно и есть, сэр. — Бейкер спокойно выдержал его взгляд. — Боюсь, что я очень мало смыслю в этих вещах.

— Книга — она и есть книга, не так ли?

— Да, сэр. Как вы изволили выразиться.

— А чем, черт возьми, она еще может быть? — спросил Энтони и сделал блестящий удар, послав мяч в сторону газона.

Дворецкий позволил себе вежливо улыбнуться.

— Что-нибудь еще, сэр?

— Пока нет, — сказал Эмберли и перевел взгляд на энтузиаста игры в гольф.

Энтони признался, что совершенно не понимает, что происходит. Он объявил, что от Эмберли, как и от всех остальных, нет никакого толка — он только ходит вокруг да около и ничего не говорит.

— Все-таки, чем именно ты занимаешься? — спросил Энтони. — Хотел бы я знать.

— Ищу утерянную собственность, — ответил Эмберли.

— Чью?

— Точно не знаю.

Энтони прищурился.

— Но как же так? Что, черт возьми, ты хочешь сказать?

— То есть, конечно, я знаю, — сказал Эмберли. — Но у меня нет доказательств. В этом-то и загвоздка.

Энтони покачал головой.

— Нет, для меня это слишком сложно. Я думал, ты ищешь убийцу Доусона...

— Если на то пошло, то убийство Доусона меня никогда особенно не интересовало, — заявил Эмберли.

У мистера Коркрена глаза полезли на лоб.

— Чувствую, что остаток своих дней я проведу в психушке, — сказал он. — И этого уже недолго ждать.

Вопреки тому, что было сказано сэру Хэмфри, мистер Эмберли не стал играть в гольф с Коркреном, а поехал из «Мэнора» в Карчестер, где его ждали начальник полиции и инспектор Фрейзер.

Мистер Эмберли признался, что ничем не может их порадовать. Полковник Уотсон приуныл, Фрейзер торжествовал. Инспектор, придерживавшийся собственной линии в расследовании, разглагольствовал о ее перспективах, пока не увидел, что мистер Эмберли не слушает его.

Полковник Уотсон, более сообразительный, чем инспектор, все это время внимательно присматривался к Эмберли.

— Вы что-то нашли?

— Думал, что нашел, — ответил Эмберли. — Я и сейчас так думаю. Но, боюсь, что единственное доказательство попало не в те руки или, еще того хуже, было уничтожено. Этого я не знаю. Пока оно не будет найдено, ни вы, ни я не сможем ничего сделать. Но как только оно будет у меня в руках, все вопросы будут решены, и вы сможете закрыть дело.

Инспектор улыбнулся с чувством превосходства.

— Это все очень неубедительно, сэр. Я думаю, мы и так все выясним об убийстве Доусона. Жаль, что вы ничем не можете нам помочь.

В глазах мистера Эмберли блеснула насмешка.

— Если вас так уж волнует убийство Доусона, которое, как я уже говорил, является лишь незначительным звеном в общей цепочке, я могу вам сказать, кто убийца.

Полковник чуть не подпрыгнул от неожиданности.

— Вы знаете?

— Я знаю это с той ночи, когда в «Мэноре» был карнавал, — спокойно сказал мистер Эмберли. — Доусона убил Коллинз.

— Но... но... — начал заикаться полковник.

— Очень мило, сэр, — сказал инспектор, все еще продолжая улыбаться. — А такую маленькую деталь как надежное алиби, видимо, можно не принимать во внимание?

— К любым алиби, инспектор, следует относиться осторожно. Будь у вас побольше опыта, вы бы, наверное, усвоили эту истину.

Лицо инспектора побагровело.

— Может быть, мистер Эмберли, вы сделаете одолжение и представите нам доказательства?

— Их нет, — сказал Эмберли. — Один человек мог бы поколебать это алиби, но он на это не осмеливается. Так что вам придется примириться с мыслью, что выдвинуть обвинение не удастся.

— Очень интересно, — с сарказмом сказал инспектор. — И очень на пользу дела. Значит, вы его не обвиняете в убийстве?

— Напротив, — возразил Эмберли.

— Понимаю, — сказал инспектор. — Я слышал ваше мнение по поводу смерти Брауна. Я полагаю, что вы собираетесь и в этом обвинить Коллинза?

— Коллинз, — сказал мистер Эмберли, беря в руки шляпу, — ни в коей мере не был заинтересован в смерти Брауна.

Он повернулся к полковнику Уотсону.

— Что касается недостающего доказательства, полковник, то я прошу вас послать кого-нибудь побеседовать с сестрой Доусона. Только это должен быть тактичный человек, не такой, как Фрейзер. Возможно, эта вещь была при нем во время его смерти. Я хотел бы, чтобы все его вещи были тщательно просмотрены и чтобы все его бумаги принесли мне. Шансов мало, но попытаться стоит. Запомните, особое внимание нужно уделить порванным бумагам.

На обратном пути в «Грейторн» Эмберли остановился в Верхнем Неттлфолде, чтобы повидаться с сержантом Габбинсом. Сержант был занят разбирательством автомобильного происшествия, но, увидев Эмберли, ненадолго отвлекся, чтобы поговорить с ним.

— Все сделано, как я сказал? — спросил Эмберли.

— Да, сэр. Поручено Такеру. Второй раз он не сделает ошибки.

— Тогда все в порядке, — сказал Эмберли и поехал дальше.

В девять часов вечера в «Грейторне» напуганная горничная влетела в гостиную, истерично крича:

— О, сэр! Леди! Грабители!

— Что? — спросил сэр Хэмфри, роняя газету. — Здесь?

— О да, сэр! Кажется, так. В спальне мистера Эмберли. Я так перепугалась, что мне дурно.

Эмберли взглянул на нее с невозмутимым спокойствием.

— Что случилось? — спросил он.

Ее рассказ был запутан и изобилует многими несущественными подробностями. В девять часов она поднялась наверх, чтобы приготовить постели и обнаружила, что комната мистера Эмберли ограблена. Все ящики были выдвинуты, а их содержимое разбросано по полу. Маленький стол у окна был взломан, а бумаги рассыпаны вокруг. Чемоданы вскрыты, с маленького кожаного чемоданчика сорван замок. Видимо, взломщик предполагал, что в нем хранятся важные бумаги. Даже кровать была в беспорядке, а что касается костюмов, висевших в гардеробе, то у горничной не нашлось слов, чтобы описать, что с ними случилось.

Она остановилась, чтобы перевести дыхание.

Сэр Хэмфри, не сводивший гневно взгляда с племянника, сказал, что с него довольно.

— Лучше пойдешь наведешь порядок, Молли, — сказала леди Мэттьюз. — Он что-нибудь нашел, Фрэнк?

Эмберли отрицательно покачал головой.

— Он достаточно умен, если подозревал, но не слишком, если думал, что я мог оставить это в своей комнате. Стало быть, он думает, что она у меня. Это кое-что проясняет.

— Ну, и слава богу. Я очень рада. Кстати, почему?

— По крайней мере, можно сделать вывод, что эта вещь не попала в плохие руки, — сказал Эмберли, улыбаясь.

— Прелестно, мой милый. Не кипятись, Хэмфри. Это не имеет к нам никакого отношения.

Эти слова переполнили чашу терпения сэра Хэмфри. Если два ограбления его собственного дома не имеют к нему отношения, то он хотел бы знать, что же тогда имеет отношение. И как взломщик мог проникнуть в дом незамеченным? Просто замечательные новости. Не слишком ли много их?

Леди Мэттьюз взглянула на высокое окно.

— Смотрите-ка, не заперто. Он вошел, когда мы обедали. Так, Фрэнк?

Эмберли кивнул. Сэр Хэмфри поднял упавшую газету и ядовито заметил, что Фрэнку пора найти жену, которая, может быть, положит конец его бездумному поведению. Мистер Эмберли в ответ сверкнул глазами. На его худых щеках выступил румянец.

Леди Мэттьюз, сохраняющая спокойствие, сменила тему разговора.

Но беспокойные для сэра Хэмфри события на этом не закончились. В три часа ночи он был разбужен телефонным звонком. Телефон звонил в библиотеке, которая располагалась под его спальней. Он встал и, шепотом ругаясь, вышел к лестнице. Как раз в это время открылась дверь комнаты его племянника.

— Поскольку, — сердито сказал сэр Хэмфри, — я не сомневаюсь, что звонят тебе, то тебе я и предоставляю право подойти к телефону.

После этих слов он направился обратно в свою комнату и с суровым спокойствием закрыл дверь.

Эмберли рассмеялся и спустился по лестнице, завязывая на ходу пояс халата.

Звонили действительно Фрэнку. Сержант Габбинс говорил из полицейского отделения. Он решил, что мистер Эмберли должен немедленно узнать о том, что произошло. Мистер Эмберли сам просил сразу же сообщать ему, если что-нибудь произойдет. Если бы не это, он не решился бы беспокоить его в такой час.

— Ближе к делу! — прорычал Эмберли.

— Когда я вспоминаю о том, как вы меня вытащили из постели в ту ночь, я улыбаюсь, сэр, — успокаивающим голосом сказал сержант.

— В самом деле? — усмехнулся Эмберли. — Так что все-таки случилось?

— Альберт Коллинз дал деру, сэр.

Раздражение Эмберли вмиг улетучилось.

— Что?

— По крайней мере, похоже на то, — осторожно выразился сержант. — Только что позвонил мистер Фаунтин, и констебль Уолкер соединил его со мной.

— Фаунтин позвонил в полицию в три часа ночи?

— Именно так, сэр. По мнению некоторых людей, полицейские обожают, когда им звонят в любое время суток. Я уже встречал таких людей; не буду называть их имена. Я знаю людей, которые способны поднять тебя на ноги среди ночи, чтобы гоняться за собственной тенью...

— Габбинс, если я замыслю отправить кое-кого, — не будем называть имен — на тот свет, — отчеканил в трубку мистер Эмберли. — Я сделаю это очень аккуратно и не оставлю никаких следов.

На другом конце провода раздался смех, похожий на кудахтанье.

— Охотно, верю, сэр. Вы были бы незаурядным преступником.

— Не будем тратить время на лесть. Выкладывайте-ка вашу историю.

— Это все, что мне известно, сэр. Когда мистер Фаунтин пошел спать, оказалось, что его постель не приготовлена, и что Коллинз, видимо, даже не заходил в спальню. На звонок явился дворецкий и сказал, что последний раз видел Коллинза перед обедом. Этот вечер у Коллинза не

был выходным, поэтому мистер Фаунтин послал Бейкера за Коллинзом в его комнату. Коллинза там не оказалось. Мистер Фаунтин не стал ложиться и ждал Коллинза до трех часов, а потом, как я уже говорил, позвонил в полицию. Памятуя, как мы заподозрили Коллинза в том, что он столкнулся в реку молодого Брауна. Фаунтин решил, что лучше известить нас еще до наступления утра. Это все, сэр.

Прищурив глаза, весь погруженный в размышления, мистер Эмберли невидящим взглядом смотрел прямо перед собой на стенку. Через несколько секунд сержант спросил:

— Алло! Вы куда-то пропали.

— Помолчите. Я думаю.

— Тут и думать нечего, сэр. Коллинз показал пятки, вот и все дела, — сказал сержант.

После некоторого молчания Эмберли сказал в трубку:

— Может быть, вы и правы, сержант. Вы не спрашивали насчет одежды Коллинза. Она на месте или нет?

— Спрашивал, сэр. Мистер Фаунтин не мог ответить с полной уверенностью, но ему кажется, что одежда в основном на месте.

— Не исчезла ли из гаража одна из машин? Может быть, велосипед?

— Да, сэр, исчез велосипед Коллинза. Мистеру Фаунтину сообщил об этом его дворецкий.

— Понятно. Думаю, вам надо сообщить об этом в Карчестер. Попросите их от моего имени выяснить, не покупал ли Коллинз вчера вечером билета на какой-либо станции в радиусе десяти миль. Если выяснится, что покупал, надо идти по следу. После этого заезжайте сюда за мной, я буду готов.

— Что-что после этого?

— Приезжаете сюда, — раздраженно повторил Эмберли. — На своем велосипеде. Безотлагательно.

— Приехать в «Грейторн» в такой час? — изумился сержант. — Но зачем?

— За мной. Я буду ждать в машине.

— Да, но, мистер Эмберли, сэр, у меня нет никакого желания по ночам кататься на автомобиле, — запротестовал сержант. — Что за странная мысль!

— Более того, — добавил Эмберли. — Захватите с собой еще пару людей.

— Но для чего? — упорствовал сержант.

— Может быть, Коллинз никуда не удрал. Вот мы и поищем его. Так вы едете?

— Да, — уныло согласился сержант, — еду. Но я уже начинаю проклинать тот день, когда попросил вас принять участие в расследовании.

— Вы тогда думали о возможности повышения по службе. Я полагаю, что вы его получите, — ободряюще сказал Эмберли и повесил трубку.

Некоторое время он молча сидел у телефонного столика, затем машинально взял лежащую рядом с ним пачку сигарет, закурил и стал медленно расхаживать по комнате, погруженный в размышления. Докурив сигарету, он погасил окурочек и снова поднялся наверх. Эмберли не сразу прошел в свою комнату, он сначала открыл дверь комнаты сэра Хэмфри и спросил у дядюшки, спит тот или нет. С постели донеслось мычание. Мистер Эмберли включил свет.

— Простите, сэр, мне нужно поехать по делам. Так что не обращайтесь на шум.

Сэр Хэмфри приподнялся на локте.

— Господи! Ну что еще? Куда ты собираешься ехать? Что случилось?

— Исчез камердинер Фаунтина. Полиция думает, что он сбежал.

— Ну так пусть полиция и ищет его. Это их работа, а не твоя.

— Вы правы. Но с другой стороны, может быть, он и не сбежал. Я собираюсь выяснить это.

— Отправляйся хоть к черту на рога! — сказал сэр Хэмфри и повернулся на другой бок.

Мистер Эмберли поблагодарил его и вышел.

Когда сержант и два молодых энергичных констебля прибыли в «Грейторн», Эмберли уже ждал их, сидя в своей машине. Они оставили свои велосипеды на аллее, ведущей к дому, и сели в «бентли». Сержант устроился рядом с Эмберли, а его подчиненные заняли заднее сиденье. Без особой надежды в голосе сержант сказал, что, будучи женатым человеком, он не хотел бы, чтобы мистер Эмберли ехал со скоростью девяносто миль в час.

Однако его опасения оказались напрасными. Мистер Эмберли ехал очень медленно, настолько медленно, что сержант, заподозрив очередной розыгрыш, спросил, не участвуют ли они в похоронной процессии.

— А кстати, сэр, не сообщите ли вы нам, куда мы едем?

— На дорогу, ведущую к «Мэнору». Где-то около восьми Коллинз был в «Грейторне». Этого не нужно никому говорить, имейте в виду. Он обыскал мою комнату.

— Обыскал вашу комнату? — переспросил сержант. — Вы его видели?

— Нет, но я знаю, что это был он.

— Господи! Боже! — воскликнул сержант. — Но что он искал?

— Кое-что, что, он думал, находится у меня. Наша задача найти Коллинза.

— Но, мистер Эмберли, — возразил сержант, — если, как вы говорите, он был в «Грейторне» в восемь часов, он мог уже десять раз вернуться в «Мэнор».

— Да, мог. Но вернулся ли? — ответил Эмберли. — Ну-ка, смотрите. Включите подвижную фару.

Машина медленно ползла вперед. Констебли, наслышанные о пристрастии мистера Эмберли к быстрой езде, были искренне разочарованы. Сержант держал подвижную фару за край отходящего от нее кабеля и внимательно смотрел на придорожные деревья.

— Может быть, стоит поискать в лесу, сэр?

— Может быть. Но он был на велосипеде. Вот, кажется, дорога к усадьбе. Это все охотничьи угодья?

— В основном да, — ответил сержант. — Эти земли принадлежат генералу Томлинсону. Они примыкают к угодьям мистера Фаунтина. Мы вчера арестовали браконьера. Его задержал сторож генерала.

Эмберли повернул руль, следуя изгибу дороги.

— Отсюда начинаются владения мистера Фаунтина, — сказал сержант. — Хичкок жаловался мне, что в этом году ему не повезло с фазанами.

— Браконьеры?

— Браконьеры, а кроме того, болезнь привязалась. Погибло много молодых птиц. Эй, что это там?

Передние фары освещали дорогу впереди машины. На краю дороги что-то лежало, наполовину скрытое в придорожной траве.

Один из констеблей привстал, всматриваясь.

— Это велосипед! — воскликнул он.

Эмберли прибавил газу.

— Это нечто большее, чем велосипед, мой друг, — сказал он.

Рядом с велосипедом что-то темнело. Когда машина подъехала ближе, сержант не сдержал восклицания. Нечто, лежавшее у дороги, оказалось скрюченным телом человека. Оно было наполовину скрыто нескошенной травой, росшей у придорожной канавы. Эмберли остановил машину. Его лицо было мрачнее тучи.

— Пойдите взгляните, сержант.

Сержант уже вышел из машины и с фонариком в руке склонился над неподвижным телом. Вдруг он отпрянул назад и обернулся.

— Боже мой! — сказал он, побледнев как полотно. Эмберли вышел на дорогу и приблизился к скрюченному труп.

— Не очень-то приятно, сэр, — хрипло сказал сержант и снова направил фонарик на мертвое тело.

Эмберли стоял, глядя сверху вниз на то, что осталось от Альберта Коллинза.

— Верхняя часть головы снесена начисто, — сказал сержант каким-то приглушенным голосом.

— Дробовик, — заключил Эмберли. — Стреляли с близкого расстояния...

Сзади раздавался негромкий звук. Один из констеблей под впечатлением увиденного сделал шаг назад и чуть не свалился в канаву. Другой твердо стоял на ногах, но выглядел невесело. Сержант выключил фонарик.

— Отвратительное зрелище, — сказал он. — Очнись, Хенсон. Сразу видно, что ты не воевал под Ипром⁶.

Он повернулся к Эмберли.

— Это и есть то, что вы искали, сэр?

Эмберли кивнул головой.

— Кто это сделал, сэр?

— Меня при этом не было, сержант, — ответил Эмберли.

Сержант поглядел на него.

— Я смотрю, нелегко вывести вас из равновесия, сэр.

Эмберли еще раз взглянул на мертвеца.

— Во всяком случае, для этого нужно нечто большее, чем убийство этого субъекта, — сказал он резким голосом. — Вид его тела может только успокоить меня. Я боялся, что он выскользнул из ловушки. А свои добрые чувства на него я тратить не стану.

— Скверная смерть, сэр, — заметил сержант.

— Очень скверная, сержант, но именно такой он и заслуживал, — ответил Эмберли и пошел к машине.

14

Оставив одного из констеблей у тела Коллинза, сержант попросил мистера Эмберли заехать в «Мэнор». Эмберли кивнул головой в знак согласия и включил мотор автомобиля.

«Мэнор» был объят темнотой, но после того, как они позвонили у двери, им не пришлось долго ждать. В веерообразном окошке над входной дверью зажегся свет.

— Хм-м! — удивленно промышчал сержант. — Быстро же просыпаются в этом доме.

Дверь открыл дворецкий. На нем были брюки и халат, надетый прямо на пижаму. Но выглядел он вполне бодро. Увидев полицейского, дворецкий не выказал удивления. Он перевел взгляд своих застенчивых карих глаз с сержанта на Эмберли и отступил назад, пропуская их в дом.

— Вы нас ожидали? — сразу спросил сержант.

Бейкер закрыл дверь.

— О нет, сержант! Но я знал, что мистер Фаунтин звонил вам. Вы желаете его видеть?

На этот вопрос сержант ответил положительно, и дворецкий проводил их в библиотеку. Когда Бейкер вышел, сержант повернулся к Эмберли и спросил:

— Что вы скажете об этом человеке, сэр?

— Кое-что скажу, но не сегодня, — ответил Эмберли.

— Что ж, а я хотел бы немного потолковать с ним, — хмуро сказал сержант.

— Я тоже, — согласился Эмберли.

Вскоре появился Фаунтин. Увидев Эмберли, он удивился и спросил, что случилось.

Сержант рассказал ему о происшедшем.

— Убит? Застрелен? — изумленно переспросил Фаунтин, глядя то на сержанта, то на мистера Эмберли. — Ничего не понимаю. Кто мог убить Коллинза. Где вы его нашли?

— Может быть, его убили браконьеры, — предположил сержант. — А может быть, кто-то другой. Это нужно расследовать. А сейчас, сэр, если вы не возражаете, я хотел бы воспользоваться вашим телефоном.

— Да, пожалуйста. Я покажу вам.

Фаунтин провел его в холл, где стоял телефон. Сержант набрал номер полицейского отделения, чтобы поговорить с дежурным констеблем, а Фаунтин вернулся в библиотеку. Он был совершенно ошеломлен полученными известиями.

— Ничего не понимаю, — повторил он, обращаясь к Эмберли. — Невероятно! Сначала мой дворецкий, теперь камердинер. Эмберли, мне это не нравится.

⁶ Имеются в виду события первой мировой войны (1914–1918 гг.), когда английские, французские и бельгийские войска вели совместные военные действия против Германии.

— Естественно. Думаю, что Доусону и Коллинзу это тоже не понравилось. Фаунтин заходил по комнате.

— Кто его нашел? Где он был?

Когда он узнал, что Коллинз был застрелен в мили от «Мэнора», у него перехватило дыхание.

— Боже милостивый! Вы думаете, это браконьеры?

Мистер Эмберли предпочел не высказывать свое мнение по данному вопросу. Тогда Фаунтин заинтересовался другой стороной дела.

— А что вас заставило искать Коллинза? — спросил он. — Только не говорите мне, что вы предчувствовали, что это случится.

— Нет, — ответил Эмберли. — Просто мы ехали в «Мэнор», чтобы поговорить с вами.

Фаунтин покачал головой.

— Никак не могу прийти в себя. Кошмар какой-то. Боже мой, я невольно спрашиваю себя: «Кто следующий?»

Вернувшийся в комнату сержант попросил мистера Фаунтина ответить на несколько вопросов. Фаунтин был готов отвечать на любые вопросы, но, к сожалению, мог сообщить лишь очень немного. Камердинер находился в своей комнате и в половине восьмого вышел оттуда, чтобы накрыть стол к обеду. Больше Фаунтин его не видел и не вспоминал о нем до начала первого часа ночи, когда он пошел спать и обнаружил, что его постель не приготовлена. Он позвонил. На звонок явился Бейкер и сообщил, что Коллинз не приходил на ужин в комнату для слуг, а его собственная комната пуста.

Фаунтин сразу заподозрил неладное. В иное время он просто подумал бы, что человек решил немного выйти за пределы дозволенного и отлучиться без спроса, но тут дело, похоже, было более серьезным. Неспроста камердинер исчез именно в тот день, когда получил предупреждение об увольнении через месяц.

Мистер Эмберли, не отрывавший глаз от свежего номера «Панча», при этих словах поднял голову.

— Вы собрались уволить Коллинза и уведомили его об ЭТОМ?

— Да, вчера утром. Взвесив все, я решил, что так будет лучше. Коллинз постоянно злоупотреблял своим служебным положением. А тут еще эта история с молодым Брауном. Чем больше я размышлял над тем, что вы мне сказали тогда, Эмберли, тем больше сомнений у меня возникало. И убийство Доусона тоже. Стоит только начать подозревать и уже трудно остановиться. Все это вместе взятое, и привело меня к намерению уволить Коллинза.

— Но, насколько я помню, у Коллинза было надежное алиби на тот вечер, когда убили Доусона.

— Да, я тоже так думал и не особенно ломал над этим голову до тех пор, пока Браун не свалился в реку. В тот вечер, когда убили Доусона, Коллинз гладил мне костюм, и я сам видел его за работой. Но, если подумать, это еще ничего не доказывает. Я попробовал рассчитать время, которое понадобилось бы ему для того, чтобы добраться до места убийства, скажем, на мопеде. Я, конечно, не могу утверждать, что убил именно он, но и в его невинности я уже не уверен. А как можно держать в доме слугу, которого подозреваешь в таких вещах? Вот я и сказал ему вчера, что через месяц его рассчитаю. Когда вечером он исчез, у меня сразу мелькнула мысль, что, может быть, он понял, что я подозреваю его, и решил удрать. Чем больше я думал об этом, тем больше утверждался в этой мысли. В три часа ночи я позвонил в полицию. Но такого я никак не ожидал.

— Конечно, сэр, вы не могли ожидать этого, — сказал сержант. — А вы не слышали, как он выходил? Или, может быть, видели, что кто-то еще выходил из дома?

— Не слышал. Я весь вечер находился в этой комнате, писал письма. Если бы открывали парадную дверь, я бы услышал, но Коллинз, вероятно, воспользовался другой дверью.

— Ясно, сэр. Если вы не против, я хотел бы переговорить с вашим дворецким.

— Конечно, пожалуйста.

Фаунтин подошел к камину и нажал на кнопку звонка.

Почти сразу же дверь открылась, но в комнату вошел не Бейкер, а взъерошенный и сонный Кокрен. Увидев собравшихся, он заморгал и на секунду плотно зажмурился. Затем снова открыл глаза и потряс головой.

— Я подумал, что это галлюцинация, — сказал он. — Но теперь ясно вижу, что это вы, сержант. Неужели все уже раскрыто? Можете рассказать мне, я буду нем, как рыба.

Сержант улыбнулся, но Фаунтин резко оборвал Энтони:

— Сейчас не до шуток. Застрелили Коллинза.

Коркрен раскрыл рот от неожиданности. Затем посмотрел на Эмберли и попросил объяснить, в чем дело. Но Фаунтин взял объяснения на себя. Энтони, в изумлении выслушав его, заявил, что ему все это совсем не по душе.

— Я не любил Коллинза, — сказал он. — Сказать по правде, я его просто не переносил. Но это уже перебор. Я даже не против преступлений время от времени. Они оживляют наше серое существование. Но я терпеть не могу маньяков-убийц. Три смерти — одна за другой. Нет, я вам скажу, это уж слишком!

Фаунтин обернулся к Эмберли.

— Боже милостивый! Вы тоже считаете, что в этом дело? — воскликнул он. — Может быть, Тони прав? Совершенно необъяснимые убийства... Как вы думаете?

— Некоторые считают, — осторожно высказался Эмберли, — что все убийцы — маньяки.

В дверях появился Бейкер.

— Вы звонили, сэр?

Сержант оглянулся и посмотрел на него.

— Я хотел задать вам несколько вопросов, — сказал он. — Войдите и закройте дверь.

Дворецкий выполнил приказание.

— Слушаю вас, сержант.

Сержант достал свой блокнот.

— Когда вы последний раз видели Коллинза?

Дворецкий, не задумываясь, ответил:

— В двадцать минут восьмого.

— О! Вы так точно запомнили время?

— Коллинз сам обратил мое внимание на время, он сказал, что ему пора накрывать на стол.

— Вы не видели, чтобы кто-нибудь выходил из дома? — прозвучал вопрос Эмберли из другого конца комнаты.

— Нет, сэр. Он, должно быть, ушел во время обеда, когда я прислуживал за столом.

— Почему вы так думаете?

У дворецкого нервно дернулся рот. Чуть подумав, он ответил:

— Я полагаю что, если бы я находился на половине прислуги, я заметил бы его уход.

— Вот как? А скажите, вы были дружны с ним?

— Я служу у мистера Фаунтина с недавних пор. Я старался установить хорошие отношения со всей прислужкой.

Сержант изучающе посмотрел на него.

— Где вы служили до того, как устроились сюда?

По лицу дворецкого пробежала тень беспокойства. Он ответил, но уже не с такой готовностью, как раньше:

— Я временно не работал, сержант.

— Почему?

— По состоянию здоровья.

— Ваш адрес?

— Я... я проживаю в Тутинге, — неохотно ответил Бейкер. — На Блэкэдер-роуд.

— У кого вы служили последний раз.

— Мой последний хозяин уехал в Америку.

— Вот как? Как его звали?

— Фэншоу, — еще неохотнее ответил Бейкер.

— Его адрес в Англии?

— У него нет адреса в Англии, сержант.

Сержант поднял голову.

— Послушайте, мой дорогой. У него ведь был адрес, когда вы служили у него. Назовите этот адрес.

В разговор вмешался мистер Эмберли.

— Вы служили у мистера Джеффри Фэншоу, не так ли? — раздался его спокойный голос.

Дворецкий посмотрел в его сторону.

— Да, сэр.

— Он жил на Итонской площади, если я не ошибаюсь?

Дворецкий проглотил слюну.

— Да, сэр.

— Зачем же делать из этого тайну? Дом номер 547, сержант.

— Вы знаете этого джентльмена, сэр?

— Немного. Мы с ним члены одного клуба.

— Это правда, что он уехал за границу?

— Полагаю, что да. Я могу выяснить это.

Сержант обратился к Фаунтину:

— У вас, наверное, есть рекомендательное письмо, сэр. Разрешите, я ознакомлюсь с ним.

— Да, конечно. — Бейкер представил рекомендательное письмо. — Но я не смог написать письмо мистеру Фэншоу, поскольку он уехал — по крайней мере, мне было так сказано — в Нью-Йорк.

Рекомендация была написана на бумаге с эмблемой клуба.

— Нужно навести о нем справки в клубе, — сказал сержант, старательно делая записи в своем блокноте. — Или вы сами сделаете это, сэр?

— Я сам это сделаю, — пообещал Эмберли. — Однако я хочу выяснить одно обстоятельство.

Его глаза неотрывно смотрели в лицо Бейкера.

— Вы говорите, что услышали бы, как Коллинз выходит из дома, если бы в это время не находились в столовой. Но, может быть, вы видели или слышали, как кто-нибудь еще выходил из дома в течение вечера?

Дворецкий медленно ответил:

— Из дома выходили две горничные, сэр. И больше никто из прислуги.

— Вы уверены в этом?

— Да, сэр.

— Вы, находились в комнате для слуг?

— Нет, сэр. Основную часть вечера я провел в буфетной. Перед этим я был в столовой, убирал там со стола.

— Таким образом, если бы кто-нибудь вышел из дома через парадную дверь, вы знали бы об этом?

— За весь вечер никто не открывал парадную дверь, сэр, — отвечал Бейкер, все так же не сводя глаз с мистера Эмберли.

Эмберли вновь занялся перелистыванием журнала. Казалось, его больше не интересуют вопросы сержанта и ответы Бейкера. Но когда минут через десять Бейкер собирался уйти, Эмберли оторвал взгляд от журнала и спросил:

— Не показалось ли вам, когда вы заходили в комнату Коллинза, что он взял что-нибудь с собой, как будто уходит навсегда?

— Нет, сэр, — ответил Бейкер. — Мистер Фаунтин просил меня посмотреть, как следует. Я взял на себя смелость заглянуть в буфет и комод. Насколько я могу судить, все осталось на месте.

— А вы смотрели достаточно внимательно?

— Да, сэр. Я не заметил ничего подозрительного.

— Спасибо, — сказал Эмберли.

Сержант закрыл блокнот.

— У вас больше нет вопросов, сэр?

— Нет, спасибо, сержант, — спокойно ответил Эмберли.

— Тогда я поеду обратно в отделение, сэр. Извините, что разбудили вас, мистер Фаунтин. Думаю, инспектор захочет завтра встретиться с вами.

Фаунтин уныло кивнул в ответ.

— Да, конечно. Я буду дома все утро.

— Ну что ж, если это все, то я пойду досыпать, — сказал Энтони. — И возьму с собой пистолет. С ним, пожалуй, будет уютнее.

— Да, сэр, приходится ожидать всего, — понимающе поддержал его сержант.

— Пойдемте ко мне, сержант, — пригласил Энтони. — Нам обоим сейчас нужно по хорошему глоточку.

При этих словах Фаунтин вспомнил об обязанностях хозяина дома.

— Конечно, — сказал он. — О чем я только думаю? Вам, наверное, тоже необходим стаканчик вина, Эмберли?

Эмберли отказался от его предложения. Сержант, с неодобрением посмотрев на него, произнес что-то невнятное относительно инструкций, но, однако, позволил Коркрену уговорить себя. Когда он вернулся, вытирая усы, было видно, что между ним и Энтони установились самые теплые отношения. Когда они отъехали от «Мэнора», сержант сообщил Эмберли, что ему очень понравился этот молодой джентльмен.

— Больше того, сэр, — доверительно сказал он, — хотя я и не могу сказать, что он прав, но все же в его предположении о маньяке-убийце что-то есть. В конце концов, сэр, мы имеем три убийства, совершенные без какой бы то ни было видимой причины. Что вы думаете об этом?

— Думаю, что вы с мистером Коркреном стоите один другого, — ответил Эмберли. — Не все убийства совершены одним человеком. Доусона убил Коллинз.

— Что? — переспросил сержант. — Но вы никогда не приписывали Коллинзу какой-либо значительной роли. Я-то его все равно подозревал, но вы...

— Беда в том, сержант, что вы подозревали его не в том убийстве.

— Да? — недоумевал сержант. — Я полагаю, сэр, что в ваших словах, безусловно, должен быть смысл, но, будь я проклят, если я его вижу. Вам что-нибудь дало услышанное нами там? — И он показал большим пальцем через плечо в сторону «Мэнора».

— Кое-что любопытное было, — ответил Эмберли.

— Вот, что я думаю, сэр. Что-то я положил глаз на этого дворецкого. Хочу побольше разузнать о нем. Да и последить за ним не мешает. Не пойми откуда свалился, а знает больше, чем можно было предположить. Совсем не удивился, увидев нас. Как будто он нас ждал. Короче, есть у меня чувство против него, а когда у меня есть чувство, я не часто ошибаюсь. Это ваш человек, мистер Эмберли, попомните мои слова!

Эмберли загадочно посмотрел на него.

— У вас великолепная интуиция, Габбинс.

— Что ж, может быть, сэр. Но давайте поглядим, и вы увидите, что я прав.

— По-моему, сержант, — сказал Эмберли, выворачивая руль вслед за изгибом дороги, — вы ближе к истине, чем сами думаете.

15

Фелисити, узнав за завтраком новости, сразу объявила о своем намерении этим же утром навестить Джоан. Сэр Хэмфри обвинил ее в нездоровом пристрастии к ужасам, и она охотно согласилась с этим. Самого сэра Хэмфри очень потрясло случившееся, и он даже не стал бранить Фрэнка за ночное беспокойство. Хотя сэр Хэмфри любил торжественно заявлять, что преступная деятельность может интересовать его только тогда, когда он заседает в суде, но, однако, преступления в районе Верхнего Неттлфолда настолько участились, что и он был вынужден обратить на них свое внимание. От своего племянника он узнавал только голые факты, что, как он сказал (и повторил это несколько раз), было возмутительно.

Позавтракав, мистер Эмберли вышел из-за стола, не обращая внимания на пространные рассуждения сэра Хэмфри о современном хулиганстве и бандитизме, и задержался на минутку, чтобы посоветовать дяде послать изложение своих взглядов в одну из воскресных газет. Он предупредил леди Мэттьюз, чтобы она не ждала его к ленчу, и удалился.

Сэр Хэмфри прервал свои рассуждения, посетовав, что молодое поколение не умеет вести себя. Его супруга, терпеливо выслушав все его речи, сказала:

— Дорогой, не принимай это близко к сердцу. Бедный Фрэнк! Он так измучился!

— Ты так считаешь, мамочка? — удивилась Фелисити.

— Да, милая. Конечно. Он столько взвалил на себя. Я хочу сегодня поехать вместе с тобой.

Сэр Хэмфри предположил, что ее тоже обуяла патологическая тяга на ужасы. Она спокойно и мирно ответила, что нет, никакая тяга ее не обуяла, но она хочет съездить в Верхний Неттлфолд.

— Мамочка, ты не против того, чтобы на обратном пути заехать в «Мэнор»?

— Нет, — сказала леди Мэттьюз. — Бедный Лудлоу. У него сто два.

— Сто два чего? — спросил сэр Хэмфри.

— Нет, я, кажется, ошиблась. Сто два и три десятых⁷. Температура.

Фелисити нимало удивилась, когда по дороге выяснилось, что главной целью леди Мэттьюз была гостиница «Кабанья голова». Она поинтересовалась планами матери. На это леди Мэттьюз ответила, что хочет, чтобы Ширли Браун вернулась в «Грейторн».

Фелисити не ожидала, что ее мать проявит такой интерес к незнакомой девушке, да еще такой необщительной, как Ширли. Она довольно сердито взглянула на мать и обвинила ее в том, что она что-то скрывает.

В ответ леди Мэттьюз попросила ее внимательно смотреть на дорогу. Фелисити послушалась, но не успокоилась. Она прекрасно изучила свою матушку и знала, что, несмотря на всю свою рассеянность, она бывает удивительно проницательной.

Она заподозрила, что Фрэнк доверил леди Мэттьюз многие свои секреты. Это было не в правилах Фрэнка, но Фелисити знала, что к своей тетушке он относится с особым уважением. Леди Мэттьюз, однако, сказала, что Фрэнк ничего ей не говорил. Под дальнейшим нажимом она отвечала так путано, что Фелисити оставила свои попытки выведать у нее что-либо.

Когда они вошли в гостиницу «Кабанья голова», Ширли была в вестибюле. Фелисити бросилось в глаза, что Ширли явно растеряна и улыбается им очень натянуто.

Леди Мэттьюз сказала:

— Моя дорогая, вам тут очень неудобно. Возвращайтесь в «Грейторн».

Ширли покачала головой.

— Я не могу, нет. Большое спасибо, но мне лучше вернуться в Лондон. Я... я право не знаю.

Леди Мэттьюз посмотрела на дочь.

— Кстати, дорогая, не могла бы ты купить масла?

— Конечно, пойду и куплю, — ответила Фелисити, поднимаясь. — Я из тех, кто понимает намеки.

Она удалилась, а леди Мэттьюз, бросив изучающий взгляд на человека с газетой, сидящего в другом конце вестибюля, сказала мягко:

— Голубушка, лучше расскажите все Фрэнку. Думаю, он и так знает.

Ширли испуганно посмотрела на нее.

— Что вы имеете в виду?

— Все о себе. Глупо молчать, ведь он может помочь вам. Из всей их семьи он самый умный.

Ширли сказала почти шепотом:

— Он не может знать. Это невозможно. Что... О чем вы догадались, леди Мэттьюз?

— Милое дитя, нам не стоит вести разговоры в холле гостиницы. Это неосторожно. Так всегда делают в плохих гангстерских фильмах, и это каждый раз приводит к несчастью. Но, конечно, я сразу догадалась. Я не знаю, что вы делаете, но будет намного лучше, если вы расскажете об этом Фрэнку. Вы не согласны со мной?

Ширли, опустив глаза, смотрела на свои сцепленные пальцы.

— Я не знаю. Если бы он не работал на полицию. Но он связан с полицией. А я... я собиралась отказаться от судебного преследования за материальное вознаграждение. — Она нервно рассмеялась. — Кажется, так это называется?

⁷ 102,3° по Фаренгейту соответствуют 39 °C.

— Звучит очень интригующе, — сказала леди Мэттьюз. — Я уверена, что он с удовольствием помог бы вам. А как отказываются от судебного преследования?

— Я совсем запуталась, — призналась Ширли, бессознательно сжимая пальцы. — Наверное, я все делала плохо. Но было так трудно, а мой... мой брат... От него было мало толку. А сейчас уже нет никакой надежды. Все пошло наперекосяк, и мне не остается ничего другого, как вернуться в Лондон. Я уже думала о том, чтобы все рассказать вашему племяннику, но не решаюсь, я ведь его почти не знаю, а он... Он такой принципиальный, разве не так?

— Но он так добр к животным, моя милая. Я бы сказала ему. Ведь так обидно сейчас все бросить и отступить.

Ширли некоторое время молча смотрела перед собой, затем глубоко вздохнула.

— Вы правы. Мне нужно все рассказать мистеру Эмберли... Не могли бы вы попросить его приехать и поговорить со мной?

— Это не составит никакого труда, — с улыбкой сказала леди Мэттьюз. — Но было бы лучше, если бы вы вместе со мной вернулись в «Грейторн».

— О нет. Пожалуйста. Вы считаете, что я в опасности?

— В «Грейторне» вполне безопасно, — заявила леди Мэттьюз. — Правда, там полно взломщиков, но мы сумеем позаботиться о вас.

— Я в полной безопасности, леди Мэттьюз. Вы заметили человека с плоским лицом, который тут все время околачивается?

— Да, тут был человек, — согласилась леди Мэттьюз. — Глядя на него, я вспомнила свою свадьбу. Мы тогда наняли детектива сторожить свадебные подарки. Этих бедняг всегда так жалко! Ужасно бросаются в глаза и, верно, чувствуют себя очень неловко.

Ширли улыбнулась.

— Да. Подарок — это я. А он меня сторожит. Это все благодаря вашему племяннику.

— Похоже на него, — вздохнула леди Мэттьюз. — Очень бесцеремонно, но, в общем-то, правильно. Я попрошу его приехать и повидаться с вами. Скажите, этот бедолага так и ходит за вами целый день? Если бы он был приставлен ко мне, у меня наверняка возникло бы желание дать ему булочку или немного денег.

— Так и ходит весь день, — подтвердила Ширли. — Есть еще один, который его сменяет. Так что, сами видите, опасность мне не грозит.

В это время дверь отворилась, и в гостиницу вошла Фелисити.

— Ну что, на секретничались? — беззлобно спросила она.

— Никаких секретов, дорогая, — сказала в ответ леди Мэттьюз, поднимаясь со своего места. — Ширли не поедет в «Грейторн». Ужасно упрямая девушка. В любое время, моя милая?

Ширли с некоторым трудом, но все же уловила смысл последнего вопроса.

— Да. То есть днем я собираюсь в «Плющевый коттедж». Мне нужно наконец покончить со сборами и приготовить все к отъезду. Так что, если меня не будет здесь, значит, я там.

— Очень хорошо. Я не забуду, — сказала леди Мэттьюз. — Дорогая, ты купила масла? Что бы нам с ним сделать? Может быть, домашние конфеты? Лучше бы я попросила купить апельсинов.

Приехав в «Нортон Мэнор», они застали Джоан бледной и перепуганной. Коркрен, чрезвычайно довольный собой в роли мужчины-защитника, решительно объявил, что забирает ее отсюда и хочет, чтобы она пожила с его родными. Леди Мэттьюз нашла эту идею превосходной. Было ясно, что у девушки перенапряжены нервы, и даже ее сводный брат, обычно ненаблюдательный, признал, что она выглядит плохо, и, возможно, ей лучше на некоторое время уехать из «Мэнора». Он и сам собирался отдохнуть, когда все закончится.

Джоан больше никогда не хотела возвращаться в «Нортон Мэнор». Она была согласна провести в нем еще одну ночь, и не более того. Ее отвращение к этому дому было настолько велико, что она почти в истерике заявила, что лучше вообще не выйдет замуж, чем устроит свадьбу в «Мэноре».

Ее жених предложил сделать тихую незаметную свадьбу в городе, например, в муниципальной регистратуре, однако, эта идея не имела успеха.

Джоан была согласна на все, но в дело вмешался Фаунтин. Он не возражал против свадьбы в городе, но заявил, что тихой и незаметной она ни в коем случае быть не может. Уже приглашены гости, и, вообще, с какой стати прятаться по углам?

— Вы согласны со мной, леди Мэттьюз? — спросил он.

Леди Мэттьюз была согласна. Она считала, что Джоан будет чувствовать себя совсем по-иному, когда покинет усадьбу и не будет больше слышать о преступлениях.

— А все-таки, — заявила неугомонная Фелисити, — у нас прежде никогда не было такого оживления. Будет очень скучно, когда это закончится. Подумать только: три смерти и два взлома лишь за последние две недели! Очень недурно для нашего захолустья.

— Два взлома? Кого же ограбили? — спросил Фаунтин.

— Забрались к нам, но ничего не взяли. Было ужасно интересно! — ответила Фелисити.

— Нам пора, — вмешалась леди Мэттьюз. — Хэмфри не любит, когда опаздывают к ленчу.

— Но я ничего не слышал об этих взломах! — воскликнул Фаунтин. — Когда это произошло?

— О! Первый раз в тот день, когда мы с папой приезжали, чтобы поговорить о браконьерах.

Папа тогда еще взял...

Фелисити, перехватив взгляд своей матери, внезапно осеклась и покраснела.

Взял у меня книгу, — продолжил за нее Фаунтин. — Да, я помню. Не нужны ли ему следующие тома? Он говорил, что эта книга в нескольких томах.

Фелисити, открыв рот, смотрела на него.

— Послушайте, — медленно произнесла она. — Вы посылали за этой книгой, или... или же Коллинз приходил без вашего ведома?

Воцарилась тишина.

— Посылал ли я за ней? — переспросил Фаунтин. — Коллинза?

— Я так и думала, что здесь что-то не то! — воскликнула Фелисити. — Папа был очень раздосадован. Пришел Коллинз и сказал, что вы поручили ему взять книгу обратно. Это не так?

— Нет, — произнес Фаунтин в изумлении. — Конечно, нет! Он так сказал? И ваш отец отдал ему книгу?

— Да, естественно, он отдал ее. Скажите, в ней было что-то спрятано?

— Дорогая, не выдумывай, — вмешалась в разговор леди Мэттьюз. — Я уверена, что это всего лишь недоразумение.

— Но, мамочка, разве ты не понимаешь? Это же важно. Только я совершенно уверена, что в ней ничего не было, потому что, помнишь, мы ее осматривали после того, как к нам забрался взломщик. А папа заметил бы еще раньше, потому что он читал ее.

Фелисити в задумчивости наморщила лоб.

Улыбка исчезла с лица Фаунтина. Он произнес, не сводя глаз с Фелисити:

— Ничего не понимаю. Мне очень неловко, что от моего имени передали такую просьбу. Что подумал обо мне ваш отец?!

— Он был несколько раздражен, — призналась Фелисити. — Мистер Фаунтин, вам не кажется, что мы наткнулись на ключ к загадкам? Могло ли в этой книге что-нибудь быть спрятано?

— Не знаю, не знаю... — Фаунтин достал сигарету из лежащего на столе портсигара. — Мне кажется, не стоит превращать это в навязчивую идею.

— Да, но что вы скажете по поводу взлома, — не сдавалась Фелисити. — В библиотеке, папином кабинете и гостиной все было перевернуто вверх дном. Но, заметьте, не в столовой. И ничего не взяли. Не иначе, как Коллинз думал, что в этой книге что-то спрятано. Он, должно быть, спутал ее с какой-нибудь другой книгой. Представляю, как он обманулся в своих ожиданиях. Папа ничего не вынимал оттуда. Он ее и из рук-то выпустил лишь один раз, да и то не более, чем на десять минут. Чуть не забыл ее в «Кабаньей голове», когда мы заезжали навестить Ширли Браун.

— Дорогая, у тебя такое живое воображение, — мягко прервала дочь леди Мэттьюз. — Но нам в самом деле нужно идти. Умоляю, не расстраивайтесь, мистер Фаунтин. Все это — недоразумение. Я обо всем расскажу мужу.

— Буду очень благодарен, — сказал Фаунтин. — Мне в высшей степени неприятно. Но кто мог подумать, что такое случится?

Фаунтин, казалось, разволновался больше, чем того требовала ситуация. Он дал выход своим чувствам, выплеснув раздражение на вошедшего в комнату дворецкого.

— Что вам тут нужно? — грубо спросил он.

За него ответила Джоан. Выяснилось, что это она позвонила Бейкеру с тем, чтобы он проводил леди Мэттьюз.

Леди Мэттьюз внимательно и задумчиво посмотрела на Бейкера. Фелисити обратила внимание на то, что слуги в Мэноре имеют неприятную привычку входить в комнату как раз тогда, когда там говорят о важных вещах. На обратном пути домой она поделилась с матерью этим наблюдением и спросила ее:

— Как ты считаешь, мамочка, дворецкий все слышал?

— Я не удивилась бы этому, — ответила леди Мэттьюз и добавила. — Боюсь, дорогая, что ты была немного несдержанна. И Фрэнк, как назло не приедет к ленчу.

— Но я же не знала, что они наняли еще одного любителя подкрадываться и подглядывать в замочные скважины, — запротестовала Фелисити.

Леди Мэттьюз углубилась в свои мысли. Фелисити удивилась, увидев, что мать озабоченно сдвинула брови. Попытки дочери разговорить ее успеха не имели.

Выражение озабоченности не сошло с лица леди Мэттьюз и во время ленча. Она была очень обеспокоена и дважды произнесла:

— Что же Фрэнк не возвращается? Это просто невыносимо!

Сразу после двух раздался телефонный звонок. Сидевший в библиотеке сэр Хэмфри взял трубку и сказал, может быть, немного поспешно, что мистера Эмберли нет, и неизвестно, где он. Да, конечно, сообщение ему будет передано сразу же, как только он появится.

Вышедшая леди Мэттьюз спросила, кто хотел поговорить с Фрэнком.

— Фаунтин, — сказал сэр Хэмфри. — Просили передать очень странное сообщение.

— Какое же, дорогой?

— Мне нужно передать Фрэнку, что Фаунтин уехал в Лондон и останется там допоздна. Разве Фрэнк хотел повидаться с ним?

— Я не знаю. Очень может быть. Он что-нибудь сказал относительно книги?

— Это был не сам Фаунтин. Сообщение передал дворецкий. Он сказал, что Фаунтину очень нужно, чтобы Фрэнк узнал, что он уехал в Лондон и весь день проведет в клубе.

Леди Мэттьюз закрыла дверь.

— Я очень тревожусь, — сказала она. — Нужно попробовать разыскать Фрэнка.

Сэр Хэмфри заявил, что отказывается понимать, почему она так встревожена, и, взяв книгу, поудобнее устроился на диване. Леди Мэттьюз села за стол и, вздохнув, набрала номер карчестерского отделения полиции. Сэр Хэмфри был весьма удивлен, поскольку его жена пользовалась телефоном только в моменты крайнего душевного напряжения.

Дежурный сержант не сказал ей ничего определенного. Мистер Эмберли был в Карчестере утром, но затем уехал вместе с начальником полиции. С тех пор его никто не видел.

Леди Мэттьюз, еще раз тяжело вздохнув, набрала номер домашнего телефона полковника Уотсона. Полковник отсутствовал.

— Иногда, — печально сказала леди Мэттьюз, — поневоле веришь в злую судьбу.

В четыре часа дня мистер Эмберли еще не появился. Леди Мэттьюз сказала, что он похож на своего отца. Это заявление чрезвычайно возбудило любопытство Фелисити. Если ее мать произнесла такую фразу, значит, происходит что-то очень и очень серьезное. Но леди Мэттьюз не сочла нужным разделить груз своих мыслей ни с ней, ни с сэром Хэмфри. Когда она рассеянно отказалась сначала от ячменной лепешки, потом от бутерброда и, наконец, от кекса, встревожились и ее родственники, и когда в четверть шестого, наконец появился Эмберли, его приветствовали общим вздохом облегчения.

— Слава богу, пришел! — воскликнула Фелисити. — Где же ты был?

Он равнодушно посмотрел на нее.

— Расследовал дело прошлой ночи. А откуда такая внезапная потребность в моем обществе? Тетя Марион, можно чаю?

Леди Мэттьюз с чрезвычайной тщательностью достала из сахарницы два кусочка сахара и, не отрывая от них глаз, сказала:

— Два сообщения, милый Фрэнк. Как камень на душе. Та девушка хочет тебя видеть. Или в «Кабаньей голове», или в коттедже. Такое неприятное место.

Эмберли взглянул на нее с улыбкой.

— Так я и думал. Что ж, прекрасно.

Леди Мэттьюз взяла в руки кувшин с молоком.

— Дворецкий. Из «Нортон Мэнор».

Улыбка исчезла. Мистер Эмберли, не отрываясь, смотрел на тетушку.

— Да?

— Сообщение от Бэзила Фаунтина. Он уехал в город.

— Когда?

— Около двух часов, мой дорогой.

— Кто передал сообщение?

— Дворецкий. Разве я не говорила? Весь день в клубе.

Эмберли на миг задумался и глянул на часы.

— Понятно. Пожалуй, я не буду ждать чая.

— Да, мой милый, — согласилась тетя, — лучше не ждать. Еще кое-что интересное для тебя.

Так глупо со стороны Хэмфри. Эта книга. Ты ведь никак не мог понять, в чем тут дело.

— Я и сейчас не понимаю. Так в чем же?

— Хэмфри нечаянно забыл ее в «Кабаньей голове». Они были там с Фелисити. Заезжали к Ширли, и Хэмфри забыл книгу.

Эмберли, резко повернувшись, посмотрел на дядю.

— Вы оставляли ее там? — спросил он. — Она брала ее?

— Если припомнить, — ответил сэр Хэмфри, — то да, я забыл ее в гостинице, но мы сразу же вернулись за ней, и мисс Браун немедленно возвратила ее.

— Проклятие! Какого черта вы раньше не сказали? — воскликнул Эмберли. — Когда это выяснилось? Кто об этом знает?

— Фелисити, милый. Рассказала Бэзилу Фаунтину. Там еще были: Джоан, тот приятный молодой человек, я и дворецкий.

Эмберли так взглянул на Фелисити, что она съежилась.

— Прости ради бога, что я влезла, но откуда я знала, что не нужно говорить об этом?

— Ты — безнадежная дурочка! — в сердцах сказал Эмберли и выскочил прежде, чем она успела найти достойный ответ.

Через несколько секунд они услышали, как взревел и рванулся с места его автомобиль.

Сэр Хэмфри начал приходить в себя от потрясения, вызванного грубостью племянника.

— Боже правый! — вырвалось у него. — Вот уж не думал, что это так важно. Я очень обеспокоен.

Леди Мэттьюз заглянула в сухарницу.

— Почему мне не дали поесть? — пожаловалась она. — Я ужасно голодна.

— Но ты же от всего отказалась, — напомнила ей Фелисити.

— Глупости, моя дорогая. Дай мне, пожалуйста, ячменную лепешку, — попросила леди Мэттьюз. Ее голос, как всегда, был ровным и спокойным.

16

После посещения леди Мэттьюз Ширли раздирали противоречивые чувства. Ей очень хотелось переложить свою ношу на другие, более сильные плечи, и в то же время она опасалась последствий такого шага. Она не могла забыть, как несколько дней назад у машины с трупом железная рука до боли стиснула ее запястье. На руке остался синяк, а в душе — убеждение, что мистера Эмберли, как бы он ни любил животных, не разжалобят люди, уличенные им в нарушении закона. Его связь с полицией удваивала ее осторожность. Да, это правда — он никому не сообщил о ее присутствии на месте убийства, правда и то, что он не выдал ее на маскараде. Но ей всегда казалось, что рыцарство тут ни при чем. Просто он играл с ней, как кошка с мышью. Он следил за ней с самого начала и следил недобрым глазом. Она чувствовала это. Некоторые его слова до сих пор жгли обидой. Он сказал, что она ему совсем не нравится, и она не сомневалась в том, что это правда. Он насмешничал над ней или был груб. И никогда не упускал возможности сказать, что она глупа и зелена. Его мягкости в ночь, когда погиб Марк, тоже нельзя придавать

большого значения. Ведь только каменная статуя не размягчилась бы при подобных обстоятельствах, а мистер Эмберли не был каменной статуей. Кроме того, возможно, что он тогда просто решил изменить тактику, чтобы вызвать ее на откровенность. Он казался ей человеком, совершенно лишенным сострадания.

Леди Мэттьюз отчасти проникла в ее тайну и думала, что Эмберли также разгадал ее. Проницательность леди Мэттьюз не удивила Ширли, но Эмберли... Нет, это было невероятно. И все-таки уже не раз у нее возникало неприятное ощущение, что он знает о ней больше, чем она думает.

Испуг, вызванный известием о смерти Коллинза, сменился душевной усталостью и апатией. С гибелью камердинера умерли и ее надежды. Уже ничего не изменить.

Если мистер Эмберли захочет помочь ей, пусть попытается. Даже если из-за него она попадет в тюрьму, какое это будет иметь значение...

Ширли вдруг вспомнила слова, которые говорила Коллинзу. Половина! Половина! Ведь это лучше, чем ничего. Она с горечью подумала, что если другая половина уплыла, то было бы намного лучше никогда о ней не знать и не тешить себя пустыми надеждами.

Ширли вдруг спохватилась, что уже целый час потратила на пустые размышления и не успевает до ленча побывать в «Плющевом коттедже». Однако она решила сначала пойти купить бирки на багаж. Выйдя на улицу, она усмехнулась, увидев, что ее верный спутник тенью следует за ней на некотором расстоянии. Если бы не ее подавленное состояние, она бы увлекла его за собой в длительную загородную прогулку по пересеченной местности через вспаханные поля и кустарники живой изгороди. Он не производил впечатления хорошего ходока.

Она собиралась отправиться в коттедж сразу же после ленча, но, уже надев ошейник на Билла, задержалась в нерешительности, посмотрев на чемодан с одеждой. Биллу это пришлось явно не по душе, но Ширли, покачав головой, сказала ему:

— Подожди чуточку. Мне кажется, так мы себя обезопасим.

Билл со вздохом улегся, положив голову на лапы и тихонечко поскуливая. Ширли достала из сумочки маленький ключ, отперла чемодан и извлекла из бокового кармана половинку разорванного листа бумаги. Постояв несколько секунд, она села за письменный стол, стоявший у окна. Письмо, которое она написала, было коротким, но на то, чтобы его сочинить, у нее ушло довольно много времени. Она прочитала написанное и, чуть помедлив, сложила листок пополам. Затем вложила извлеченный из чемодана обрывок в конверт и запечатала его. Вложив конверт со своим письмом в другой более крупный конверт, она написала адрес и сказала, обратившись к Биллу, чей скулеж становился все отчаяннее:

— Ну, теперь можно идти. Мне кажется, я поступаю правильно. Как ты считаешь, малыш?

Билл думал, что они отправляются гулять, и лаем выразил свою готовность.

Они вышли на улицу. Билл был неприятно удивлен, когда понял, что они идут на почту. Ширли оформила письмо, как заказное. Затем они взяли курс на «Плющевый коттедж», и Билл, спущенный с поводка, радостно запрыгал впереди Ширли. За ними, тяжело ступая, плелся констебль Такер.

Когда Ширли добралась до коттеджа, было уже три часа и женщина, которую она пригласила убрать дом, договорившись с ней на половину третьего, стояла у закрытых дверей с удрученным видом. В коттедже было холодно, и стоял затхлый запах. Ширли распахнула окна и попросила женщину поставить чайник.

— Понадобится горячая вода, чтобы вымыть пол на кухне, — сказала она.

В ответ женщина заметила, что мало кто так заботится о помещении, выезжая из него.

— Возможно, — сказала Ширли. — А пока не закипела вода, пожалуйста, поставьте тарелки в буфет и скатайте вон тот коврик. Я возьму его с собой.

Дел в коттедже было довольно много. Ширли упаковала чемодан и привязала к нему бирку, а затем с тяжелым сердцем стала собирать вещи Марка. Ей не хотелось когда-нибудь снова возвращаться к ним, поэтому, она решила отослать их в благотворительную миссию Ист-Энда. Она спустилась вниз за оберточной бумагой и бечевкой и вскоре приготовила четыре больших свертка.

Женщина, приглашенная для уборки, работала в соответствии с указаниями Ширли, но в четыре часа она решила проявить собственную инициативу. Обнаружив в чулане банку сгущенного молока, она приготовила чай и принесла его наверх. Ширли обрадовалась чаю, но

наотрез отказалась от баночного молока. Вспомнив слова, которые утром при расставании сказала ей леди Мэттьюз, Ширли попросила женщину предложить чаю с молоком мужчине, который, как она объяснила, прогуливается за воротами по аллее. Очевидно, предложение было принято, поскольку, выглянув из окна через минуту, Ширли увидела констебля Такера, идущего к дому следом за женщиной. Вид у него был смущенный и благодарный. После того как он ушел обратно на свой пост, Ширли сказала женщине, что после мытья чашек она может быть свободной.

Управившись, женщина поднялась наверх за причитающимися ей деньгами и, пока Ширли копалась в кошельке, разговорилась:

— Не удивительно, что мисс покидает коттедж. Здесь так одиноко.

— Мне это даже нравится, — ответила Ширли.

— Что ж, на вкус, на цвет товарищей нет. Я бы тут ночью со страху померла. Да тут, наверное, и крысы есть.

— Мыши, — уточнила Ширли.

— И тех, и других терпеть не могу. Моя тетя однажды села на мышонка, который забежал ей под юбку. Тетя чуть с ума не сошла.

— Думаю, что мышенок тоже, — сказала Ширли. — Пожалуйста, получите ваши деньги. Большое вам спасибо.

Женщина спустилась вниз. Билл, лежащий около лестницы со скучающим видом, поднялся и вышел из дома вместе с ней, а потом обошел вокруг дома, что-то вынюхивая. Видимо, он разделял ее мнение о наличии крыс.

Констебль Такер, перебравшись из аллеи на скамейку в саду, вздохнул и закурил сигарету. Скучное это дело — следовать как тень за мисс Браун. Одна надежда, что она не задержится в коттедже надолго. Констебль Уэструпп должен сменить его в шесть. Но он будет ждать у «Кабаньей головы». А вдруг молодая леди заставит его околачиваться тут до позднего вечера, — засомневался Такер и подумал кое-что нелестное о мистере Фрэнке Эмберли.

К концу осеннего дня стало холодно и сыро. Такер поднял воротник и некоторое время сидел, глядя на одинокую звезду. Билл еще раз обошел вокруг дома и, заметив констебля, порычал на него.

Ширли выглянула из окна.

— Кто там? — спросила она.

Чувствуя себя идиотом, Такер кашлянул и сказал:

— Это я, мисс.

— О! — Ширли изобразила удивление. — Я вас надолго не задержу. Замолчи, Билл. Ты уже должен бы знать его.

Билл подозрительно обнюхал лодыжки Такера. Такер сказал собаке несколько заискивающих слов и поинтересовался, почему молодая леди не завела себе маленького хорошенького пекинеса. Потом он неуверенно протянул руку к Биллу, одновременно заверяя его, что он — хорошая собака. Но для Билла важнее было убедиться, что Такер — хороший человек. Он пришел к заключению, что пока нет необходимости принимать какие-либо меры по изгнанию констебля и, махнув хвостом, убежал по своим делам в дальнюю часть сада.

Ширли засветила лампу и занялась сжиганием старых писем и счетов на каминной решетке в кухне. Все чемоданы были упакованы и снабжены бирками, то есть полностью подготовлены к тому, чтобы пришел носильщик и взял их. Ширли пересчитала постельное белье и уложила его в корзину, которую оставила на кухне. После того, как сгорела последняя бумажка, Ширли, взяв лампу, решила посмотреть напоследок, не забыто ли что-нибудь, а кроме того, закрыть и запереть на задвижки окна. Вскоре она с досадой обнаружила, что забыла заглянуть в буфет на лестничной площадке, где у Марка хранилось всякое барахло. Осмотр буфета занял немного времени, но когда, закончив его, Ширли выглянула в окно, она увидела, что уже совсем стемнело. От сгущающейся темноты в душу заползало неприятное чувство страха.

Маленький огонек сигареты в саду выдавал присутствие Такера. Впервые с тех пор, как его приставили к Ширли, она обрадовалась тому, что он рядом. Женщина оказалась права — в коттедже было очень одиноко. Ширли спустилась вниз, проверить, заперта ли задняя дверь, и заодно позвать Билла.

Со стороны шоссе донесся шум мотора машины. Надевая шляпу, Ширли явственно слышала звук переключения скоростей, как будто какой-то автомобиль свернул с шоссе на их аллею, и теперь ему предстояло преодолеть небольшой подъем. Подумав, что это, должно быть, мистер Эмберли, Ширли пошла открывать переднюю дверь. Автомобиль, однако, проехал мимо коттеджа, и Ширли решила, что кто-то едет на ферму. Раздосадованная на свою ошибку, она сердито хлопнула дверью.

Вдруг она вспомнила о трагической гибели Марка, а еще через минуту поймала себя на том, что напряженно вслушивается и вглядывается в темноту. Сумрак за незавешенными окнами показался угрожающим. Она не могла отогнать ощущение, что вот-вот с той стороны к стеклу прильнет чье-то лицо с недобрый взглядом. И хотя эта мысль была явно нелепой, Ширли никак не могла от нее отделаться. Чтобы подбодрить себя, она достала из кармана своего длинного плаща самозарядный кольт и положила его на стол рядом с собой.

Затем Ширли надела плащ, застегнув его на все пуговицы, перчатки и принялась разыскивать поводок Билла. «Как всегда куда-то запропастился», — раздраженно подумала она. После непродолжительных поисков поводок нашелся. Он висел на гвозде на кухонной двери. Сняв его, она подошла к столу, чтобы взять пистолет и погасить лампу.

Тут она вспомнила, что забыла закрыть окно в столовой.

— Ну-ка, возьми себя в руки, дуреха! — строго сказала она себе и пошла закрывать окно.

Вдруг в маленьком коридоре между комнатами возникла темная фигура человека и двинулась навстречу Ширли. У нее перехватило дыхание, она отступила назад, всматриваясь:

— Мистер Эмберли? — спросила она дрожащим голосом.

Она не успела шевельнуться, как человек был уже рядом с ней. Сильная рука обхватила ее. Ширли хотела закричать, но ей не удалось; к ее носу и рту прижали что-то мягкое с тошнотворным запахом хлороформа.

Она отчаянно боролась, но хлороформ обессилил ее. Последним, что она услышала, было рычание Билла, доносящееся как будто издалека. Она почувствовала, как ее голова становится легкой до невесомости, а руки и ноги непослушными, и потеряла сознание.

Человек, державший ее, пинком ноги захлопнул кухонную дверь, едва успев предотвратить смертельный прыжок Билла. Собака, оставшаяся по другую сторону двери, в неистовстве раздирала когтями дверные доски и заливалась яростным лаем.

Незнакомец грубо швырнул Ширли на пол, втиснул кляп между ее ослабевшими челюстями и для верности замотал ей рот шарфом. Потом достал из кармана моток тонкой веревки и быстро связал ей руки и ноги. Перекинув Ширли через плечо, он вышел из дома. Пройдя через темный сад, он очутился на аллее и, стараясь держаться поближе к живой изгороди, направился к стоящему неподалеку закрытому автомобилю. Положив девушку на пол в задней части автомобиля, он накрыл ее ковром, под которым ее совершенно не было видно. Не теряя ни минуты, незнакомец сел на сиденье водителя и зажег фары. Машина двинулась вперед и, набирая скорость, выехала на шоссе.

Оставшийся в коттедже Билл оставил неподдающуюся дверь, ринулся к окну и поджал лапы, готовясь к прыжку. Раздался звук разбитого стекла, и бультерьер выскочил в сад. На его белой шкуре в нескольких местах выступили пятна крови. Он сразу же начал нюхать землю, ища след человека, которого нужно было догнать, чтобы вцепиться в него мертвой хваткой.

«Бентли» промчался по верхнему Неттлфолду и остановился у «Кабаньей головы». Швейцар сказал мистеру Эмберли, что мисс Браун еще не пришла. Эмберли уже хотел было выйти из гостиницы, но задержался, чтобы срочно позвонить. Швейцар повел его к кабине для телефонных переговоров. Мистер Эмберли открыл лежавшую там телефонную книгу и быстро нашел нужный номер. Через три минуты он уже разговаривал со служащим одного из лондонских клубов..

«Да, мистер Фаунтин был днем, но ушел незадолго до того, как начали подавать чай. Нет, служитель не мог сказать, куда он отправился, но попозже, вечером, его, несомненно, можно будет найти в театре „Развлечение“. Он сам заказывал билет для мистера Фаунтина по телефону».

Эмберли поблагодарил служащего и повесил трубку. Выйдя к своей машине, он увидел около нее негодующего констебля, который заявил мистеру Эмберли, что должен записать его имя и адрес в связи с нарушением правил дорожного движения.

Эмберли сел в машину и завел двигатель.

— Прочь с дороги, — сказал он, — мы побеседуем после. А сейчас у меня нет времени на болтовню.

Машина рванулась с места так, что констебль едва успел отпрыгнуть. Потрясенный полицейский на некоторое время безмолвно замер, стоя на краю тротуара, но все же сумел взять себя в руки и записать номер «бентли».

Эмберли подъехал прямо к «Плющевому коттеджу» и остановился у ворот, не слишком заботясь о мерах предосторожности. Увидев свет в доме, он с облегчением вздохнул, но выйдя из машины, увидел бультерьера, бегающего по аллее и как будто ищущего чей-то след. Эмберли позвал собаку. Билл сразу узнал его голос и подбежал на зов. Он был в нетерпении и тотчас же умчался обратно. Но Эмберли успел заметить сильные порезы на его морде и боках. Не пытаясь снова звать собаку, Эмберли вошел в сад и окликнул констебля Такера. Ответа не было. Под ногами что-то захрустело. Посмотрев вниз, он разглядел битые стекла, а подняв голову, увидел разбитое кухонное окно.

Передняя дверь была заперта, Эмберли просунул руку в разбитое окно, отодвинул задвижку и приподнял нижнюю часть рамы. Когда он влез в окно, то увидел зажженную лампу, сумочку Ширли на столе и лежащий рядом с ней кольт. Даже в этот момент тонкие губы мистера Эмберли чуть изогнулись в насмешливой улыбке. Он сунул пистолет в карман, достал фонарик и пошел осматривать дом. Открыв дверь и выйдя из кухни, он сразу почувствовал сильный запах хлороформа и на полу у лестницы увидел клочки ваты. Эмберли поднял один из клочков и поднес к носу. Судя по силе запаха, Эмберли заключил, что вата была пропитана хлороформом лишь несколько минут назад. Окно столовой было открыто. На полу он заметил комок грязи с отпечатком каблука. Эмберли осторожно, чтобы он не рассыпался, поднял комок и положил на стол. В доме было пусто, никаких следов констебля Такера. Эмберли снова вышел в сад и стал осматривать его с фонариком в руке. Услышав стон, он бросился к кусту сирени за садовой скамейкой. Под скамейкой на земле лежал Такер и со стоном пытался подняться на локоть. Эмберли направил луч прямо ему в лицо. Такер тупо смотрел на фонарик, продолжая стонать. Эмберли опустил на колено рядом с ним.

— Ну же, ну! — нетерпеливо сказал он. — Что произошло? Очнитесь!

Такер схватился рукой за голову.

— Моя голова! — промычал он. — Боже, моя голова!

— Да, вас чем-то ударили. Хорошо, что у вас такая твердая голова. Выпейте-ка. — Он отвинтил колпачок фляжки с бренди, и Такер сделал пару глотков. Алкоголь оказал живительное действие, Такер сел, все еще продолжая держаться за голову.

— Что случилось? — недоуменно спросил он. — Кто меня ударил?

— Не надо задавать вопросов. Напрягитесь и подумайте! — прорычал Эмберли. — Вы видели кого-нибудь?

— Нет. Я не знаю, что произошло. Я сидел здесь и ждал молодую леди. Должно быть, кто-то ударил меня.

— О боже! Прекрасный полицейский! — разозлился Эмберли. Он поднялся на ноги. — Слышать вы тоже ничего не слышали? Ни шагов, ни шума машины?

Несчастный Такер изо всех сил старался собраться с мыслями.

— Машина? Да, я слышал шум машины. Но машина здесь не останавливалась. Она проехала в сторону фермы.

— Какой марки машина? Номер заметили?

— Нет. Я видел ее только мельком, когда она проезжала мимо ворот. Это была большая закрытая машина.

— Цвет?

— Я не разглядел, сэр. Было уже темно.

— Послушайте, — сказал Эмберли. — На столе в столовой лежит комок грязи. Вам нужно отнести его в полицию. На нем отпечаток. Ясно?

Такер кивнул. С большим трудом ему удалось встать на ноги. Мистер Эмберли повернулся и пошел к воротам. Отчаянный вой Билла заставил его оглянуться и сказать Такеру:

— Позаботьтесь о собаке. Поводок в кухне.

Через несколько секунд Такер услышал шум мотора. Он сел на скамейку и понемногу стал приходить в себя.

Добравшись до Верхнего Неттлфолда, Эмберли по Хай-стрит проехал к Рыночной площади. На углу площади располагался гараж с бензоколонкой, где бензонасосы были освещены светильниками в форме шара. Подъехав к одному из них, Эмберли, не тратя лишних слов, приказал служащему наполнить бак доверху и вышел из машины, хлопнув дверцей.

Полицейское отделение находилось на противоположной стороне площади. Сержант Габбинс сидел в своем кабинете за дверью с надписью «Только для сотрудников». Мистер Эмберли прошел мимо дежурного констебля прямо в кабинет.

Сержант строго взглянул на вошедшего, но, узнав Эмберли, расплылся в улыбке.

— Добрый вечер, мистер Эмберли. Есть что-нибудь новенькое?

Ответной улыбки не последовало.

— Сержант, пусть дежурный констебль передаст всем ближним полицейским постам и отделениям команду задержать и подвергнуть осмотру голубой лимузин марки «Воксхолл» с номером P.V. 80496.

Сержант знал мистера Эмберли. Не тратя времени на вопросы, он тут же вышел из кабинета, чтобы отдать соответствующее распоряжение. И только вернувшись в кабинет, спросил:

— Что случилось, сэр?

— Девушка похищена. Вы можете прямо сейчас поехать вместе со мной?

Сержант был поражен.

— О боже, сэр! — произнес он. — Похищена? А где Такер?

— В коттедже. Его нокаутировали. Он ничего не видел и не слышал. Можно утешиться только тем, что он кое-что почувствовал. Вы идете?

— Один момент, сэр, и я иду, — ответил сержант.

Он вышел из кабинета, подошел к дежурному констеблю, уже начавшему передавать по телефону сообщение для полицейских постов, и сказал ему несколько слов, а затем быстро надел каску и кобур с револьвером. Эмберли вышел на улицу и направился через площадь к своей машине.

Сержант последовал за ним. Пока мистер Эмберли расплачивался за бензин, сержант устраивался на переднем сиденье. Когда машина тронулась, он спросил:

— Куда едем?

— Я сам не знаю, — ответил Эмберли. Он развернул машину и направил ее к перекрестку за гостиницей «Кабанья голова».

Констебль, стоявший там на посту, тот самый, кто часом раньше записал номер машины мистера Эмберли, увидев приближающийся «бентли», поднял руку, останавливая его. Подъехав к нему, Эмберли затормозил и высунулся из окошка.

— Не проезжал ли в течение последнего часа синий пятиместный лимузин «воксхолл», номер P.V. 80496? Быстро сообщайте.

Констебль усмехнулся в ответ.

— Мне нечего сообщать, я и так знаю, что нужно делать. Прошу сообщить ваше имя и адрес. Эмберли откинулся на спинку сиденья.

— Поговорите с этим дураком, — попросил он сержанта.

Сержант и сам уже собирался вступить в разговор. Для этого он воспользовался языком, который констебль очень хорошо понимал, поскольку ему частенько приходилось его слышать.

— Но... но, сержант. Я поднял руку, а он пронесся мимо меня с быстротой молнии. Он видел, что я его останавливаю, но не остановился. Он поехал...

— Хватит болтать! — рявкнул сержант. — Ответьте ему да побыстрее. Это мистер Фрэнк Эмберли. Вам понятно?

— Но я же не знал, кто он такой, — обиженно сказал сержант. — Я знаю только, что мой сигнал остановиться он проигнорировал.

— Хватит об этом. Оштрафуйте меня позже, — сказал Эмберли. — Меня интересует «воксхолл» с номером P.V. 80496.

Констебль потер подбородок.

— По Ламсденской дороге проехал «моррис-оксфорд». Это не то.

— О боже! — воскликнул Эмберли. — Я говорю о большой машине. У нее на капоте две щели для воздушного охлаждения.

— Нет, я такую не видел, — со злорадством сказал констебль. — Проезжал «дэймлер» мистера Пэрвиса; других больших машин за последний час я не видел.

Эмберли положил руку на рычаг переключения скоростей.

— Остановите вон ту повозку. Мне нужно развернуться, — сказал он констеблю.

— Не стойте как столб, остановите повозку! — скомандовал сержант. — О, господи! Разве можно быть таким нерасторопным? Подайте вправо, мистер Эмберли. Видите там самоубийцу на мотоцикле? Ради бога, не заденьте его!

«Бентли» с ревом объехал вокруг констебля и помчался по Хай-стрит. Констебль, еще не вышедший из оцепенения, продолжал удерживать на месте лошадь с повозкой. До его слуха донесся звук переключаемой скорости и шум мотора удаляющегося автомобиля, а немного придя в себя, он услышал и ругательства в свой адрес, которыми осыпал его возмущенный возчик.

— После «Плющевого коттеджа» где ближайший полицейский пост? — спросил Эмберли.

— Там нет полицейских постов. В миле отсюда есть пункт «Скорой помощи» на перекрестке с Брайтонским шоссе, но вряд ли мы застанем там кого-нибудь в такой поздний час.

— Проклятие. Где есть поворот?

— До перекрестка с Брайтонским шоссе нет никаких поворотов, если не считать небольшой дороги, ведущей к Фурцехоллу. Послушайте-ка сэр! Не доезжая до перекрестка, у Гриффинс-корнера ведутся работы по расширению моста. Там должен стоять регулировщик.

— Дай боже, чтобы он не оказался дураком, — сказал Эмберли, резко выворачивая руль и пытаясь объехать неосторожного пешехода.

Сержант еле успел схватиться за ручку дверцы. Выпрямившись, он воздержался от комментариев и продолжил ранее начатую тему:

— Не знаю, сэр, но мне кажется, что переставлять указатели и махать сигнальным фонарем — это не самая интеллектуальная работа. Осторожно, сэр, сейчас будет изгиб дороги!

— Давайте договоримся: я веду машину так, как считаю нужным, и вы в это не вмешиваетесь.

Машина резко вильнула на изгибе. У сержанта на мгновение перехватило дыхание.

— Последний раз я был в этих местах несколько лет назад, — сказал он.

— И вряд ли очутитесь тут снова в ближайшее время, — заметил Эмберли.

— Особенно, если и дальше мы будем ехать с такой скоростью, — огрызнулся сержант. — Я вот что хочу сказать, сэр. Я ведь хорошо знаю большинство автомобилей в округе.

— Это делает вам честь.

Сержант пропустил колкость мимо ушей.

— И очень хорошо знаю, кому принадлежит синий лимузин марки «воксхолл», номер P.V. 80496. Поэтому я очень удивлен, мистер Эмберли. Впереди мост, сэр, тормозите!

Молодой регулировщик размахивал зеленой лампой, но Эмберли, не обращая на это внимания, подъехал к нему вплотную. Сержант был ближе к регулировщику. Высунувшись из окна, он спросил, не проезжал ли через мост автомобиль марки «воксхолл».

Молодой дежурный оказался типичным представителем своего поколения. Почти каждую машину, проезжавшую мимо него, он внимательно осматривал и давал ей свою оценку. Он сообщил, что приблизительно сорок пять минут назад он остановил большой «воксхолл», чтобы дать возможность грузовику, ехавшему с противоположной стороны, переехать через мост. Он ничего не мог сказать по поводу номера, но назвал мощность двигателя, год выпуска автомобиля и сообщил бы много других деталей, если бы его не прервали.

— Я не собираюсь покупать эту машину, — сказал сержант. — Куда она поехала?

Юноша с восторгом смотрел на «бентли». Он уже шевелил губами, беззвучно перечисляя характеристики машины, и лишь из уважения к полиции оторвал взгляд от автомобиля и ответил сержанту:

— Машина переехала через мост и повернула на перекрестке.

— Кто был в машине? — спросил Эмберли.

Юноша покачал головой.

— Не знаю, сэр.

— Мужчина или женщина, один человек или несколько?

— Не могу сказать, сэр.

— Нет смысла его расспрашивать, сэр, — сказал сержант. — У меня племянник точно такой же. Даже если бы за рулем сидела кенгуру, он все равно бы ничего не заметил. Они все чокнутые. Могут целый день болтать о двигателях и дифференциалах, а то, что без колес, их совершенно не интересует. Это не для них!

«Бентли» поехал дальше.

— Перекресток. Брайтонское шоссе, — сказал Эмберли. — Направление на юг. Я полагаю... Я уверен — именно... Сержант, нам нужно ехать быстро.

— Конечно. А до сих пор мы ехали медленно. Не правда ли? — отозвался сержант. Он подождал, пока машина не повернула на второстепенную дорогу, идущую на юг, а затем, не видя перед собой никакой непосредственной опасности, сказал:

— А теперь, сэр, если вы не возражаете, я все-таки хотел бы кое-что выяснить. Сдается мне, что вы знаете намного больше, чем я. Мы преследуем лимузин марки «воксхолл», который опережает нас на три четверти часа. Я, кажется, догадываюсь, кто в этой машине, однако поражаюсь, как у него хватило смелости пойти на такое. Правду говорят, что в тихом омуте черти водятся. И дело это явно грязное. Как вы думаете, сэр, он уже убил девушку?

Эмберли промолчал, а машина после слов сержанта рванулась вперед, как прищипленная лошадь. Сержант посмотрел на Эмберли и ужаснулся. Он рассказывал позже, что никогда не видел у мистера Эмберли такого страшного лица.

— Если это случилось, — ответил Эмберли, не повышая голоса, — то не придется долго искать человека, который возьмется его вздернуть.

Зловещий тон Эмберли и весь его вид заставили сержанта заподозрить, что за всем этим кроется что-то очень интересное, хотя и не представляющее ценности для расследования. Чувствуя, что ситуация требует от него определенной тактичности, он не стал высказывать свою догадку, а вместо этого попросил Эмберли ехать поосторожней.

— Что толку, если на полпути к цели у нас случится авария, — сказал он. И потом спросил:

— Если бы вы и в самом деле собирались совершить убийство, какова была бы моя роль?

— Вы произвели бы сенсационный арест, — безрадостно рассмеялся Эмберли.

— На самом деле я оказался бы в очень неловком положении, — размышлял вслух сержант. — Если бы я понял, что вы вправду замыслили убийство, я был бы обязан отобрать у вас пистолет, который в данный момент выпирает из вашего кармана.

— В таком случае я бы задушил этого мерзавца руками, — сказал Эмберли. — Но я надеюсь, что он еще не убил ее. Давайте подумаем. Ведь еще одно убийство стало бы для него роковым. Смерть Марка Брауна сошла за несчастный случай. Но второй несчастный случай уже вызвал бы подозрение. По меньшей мере. Нет, Ширли должна исчезнуть. Нет трупа, нет улики.

— Понимаю, сэр. Он, должно быть, хочет увезти ее подальше от Верхнего Неттлфолда и там пристукнуть.

— Нет, если он не дурак. Если он так сделает и тело потом найдут, следы все равно приведут к нему. У мисс Браун нет машины. Как она могла бы очутиться так далеко? Любой состав присяжных признал бы, что ее завез туда убийца. Так что это слишком опасно. Тело нужно куда-то девать. Поставьте себя на место убийцы, сержант. Что бы вы стали делать?

В голове у сержанта стали возникать различные ужасающие души картины, однако он решил, что с его стороны будет умнее воздержаться от предположений. Человеку, влюбленному в молодую девушку, не принесут радости разговоры о расчлененном теле и обугленных останках.

— Думаю, нам не стоит обсуждать всякие ужасы, сэр, — хмуро произнес сержант.

— Я вижу, — сказал Эмберли, — что вы подумали о чем-то вроде негашеной извести. Нет, это не годится.

— Конечно, не годится, сэр. Кому в голову придет такая вещь?

— Вы ошибаетесь, — продолжил Эмберли. — Я уверен, что вы ошибаетесь! Он едет на юг. К морю, сержант, к морю!

Сержант поразмыслил над услышанным и пришел к заключению, что мистер Эмберли, должно быть, прав.

— Мне кажется, сэр, нам лучше поторопиться. Если только... В любом случае надо схватить его.

Мотор, работающий на полную мощность, ревел, стрелка спидометра ползла вверх.

— Он еще не убил ее, — сказал Эмберли. У сержанта было впечатление, что Эмберли пытается убедить в этом самого себя. — Он не стал бы так рисковать. Вдруг у него случится небольшая авария. Или его задержат по какой-нибудь причине, а машину подвергнут осмотру. Если девушка будет жива, то его не смогут обвинить в убийстве. Он должен подумать об этом. Обязательно должен.

Сержант согласился с этим, хотя кое-какие сомнения у него все же оставались. В его практике убийцы редко действовали по такому тщательно продуманному плану. Однако, поскольку убийство Марка было и в самом деле хитроумно спланировано, есть вероятность, что мистер Эмберли окажется прав.

Впереди замерцали огоньки деревни. Машина уменьшила скорость, и сержант заметил полицейского, стоявшего на посту на перекрестке главной улицы. Эмберли подъехал к нему, но вести переговоры предоставил сержанту. Здешний констебль, в отличие от постового в Верхнем Неттлфолде, былмышленым молодым человеком. За прошедший час мимо него проехало не слишком много машин, и из них лишь одна была лимузином «вокхолл». Но ее номер был не P.V. 80496. В этом он готов был поклясться. Номер того «вокхолла» начинался с букв AX. Он специально не запоминал номер и помнил только, что тот начинался с девятки.

Сержант вопросительно посмотрел на Эмберли.

— Кажется, не та машина, сэр.

— Фальшивый номерной знак. Вряд ли такой номер вообще существует. В какую сторону поехала машина, констебль?

— Она повернула направо, — ответил полицейский, показывая рукой направление.

— Понятно. Куда идет эта дорога?

— К Ларкхэрсту, сэр, но на ней много поворотов.

— Можно ли по ней добраться до моря?

— Нет, сэр. Нужно будет повернуть.

— В каком месте?

Констебль на секунду задумался.

— Когда проедете Сиксеш-корнер и Хиллингдин, нужно будет повернуть у первого трактира после Кетли. Но если вы хотите ехать более коротким путем, то вам нужно будет срезать путь в Сингхэме и взять направление на Фрэшфилд и Трэншем. Тогда вы выедете к морю у Колдхэйвена.

Эмберли кивнул.

— Спасибо. Вы не заметили, быстро ли ехал «вокхолл»?

— С обычной скоростью, сэр.

Эмберли взялся за ручку двери.

— Хочу сказать вам, что вы самый блестящий полицейский из тех, кого я встречал за последние полмесяца.

Когда машина тронулась, сержант, кашлянув, сказал:

— Каков молодец, сэр!

Эмберли улыбнулся, но впервые в жизни воздержался от насмешливого ответа. Все его внимание было сосредоточено на трудной дороге. Сержант, получив несколько односложных ответов на свои вопросы, решил, что будет умнее прекратить попытки завязать разговор.

Держать след становилось все сложнее, несколько раз он терялся. «Вокхолл» свернул с шоссе и ехал по проселочным дорогам, вдоль которых тянулись кустарники живой изгороди. Время от времени Эмберли останавливался, чтобы спросить о преследуемом автомобиле. В большинстве

случаев ответ был отрицательным, но два раза удалось получить свежие сведения: первый раз на железнодорожном переезде у служащего, а второй раз у ночного сторожа, гревшегося у жаровни в деревянной хижине у места проведения дорожных работ. Выяснилось, что «вокхолл» едет на юго-запад, держа нормальную, не слишком высокую скорость. Было ясно, что водитель хочет исключить риск аварии или остановки и не очень-то опасается преследования.

Когда на проселочных дорогах они первый раз сбились с верного направления, сержант подумал, что у них очень мало шансов задержать автомобиль, который едет неизвестно куда и с фальшивыми номерами. Но спустя некоторое время он начал понимать, что Эмберли знает, куда ехать. Когда они остановились в Хиллингдине, и сержант перебрался парой фраз с постовым полицейским, Эмберли достал дорожную карту и стал с большим вниманием разглядывать нужную ему часть.

Предупреждение из Верхнего Неттлфолда дошло до южных постов, но не принесло никакой пользы. Никто не видел машины с таким номером. Эмберли ругал себя за то, что сообщил этот номер, и уже больше не тратил времени на расспросы о нем.

К берегу моря вело множество петляющих проселочных дорог. Неудивительно поэтому, что сержант уже начал было считать преследование бесполезным. На протяжении нескольких миль они не получали никаких сведений о «вокхолле», но Эмберли снижал скорость только для того, чтобы прочесть надписи на указателях, и без колебаний придерживался выбранного направления. Сержант все больше укреплялся в мысли, что Эмберли знает, куда ехать, поскольку они пару раз снова находили след, казалось, окончательно утерянный. Это не могло быть простой случайностью.

Один раз Эмберли попросил сержанта взять в руки карту и найти путь к населенному пункту, название которого тот никогда не слышал. Сержант воспользовался этим, чтобы спросить, куда они едут. Чтобы заглушить рев двигателя, ему пришлось почти кричать. Эмберли пожал плечами и сказал лишь одно слово: «Литтлхейвен». Это ничего не говорило сержанту. «Бентли» мчался по проселочной дороге, изрытой колдобинами. Сержант спросил:

— Если вы уверены в том, что он направляется туда, почему бы нам не поехать по шоссе?

— Потому что, черт возьми, я не уверен. И то, что мы делаем, — это лучшее из возможного.

Сержант замолчал. Если не принимать во внимание неудобство езды с дикой скоростью по плохой дороге, он, пожалуй, был бы даже рад, что они выбрали такой малолюдный маршрут. По крайней мере, меньше риска аварии. Он ужаснулся, подумав, к чему могла бы привести такая езда на оживленном шоссе. Пока же сержанту приходилось все время держаться за ручку двери. Хотя его страх притупился, все же несколько раз душа у него уходила в пятки. Один раз мотоциклист, виляя, ехал по самой середине дороги. Резко объезжая его, «бентли» чуть было не свалился в кювет, уже зависнув над ним одним колесом. Сержант не выдержал.

— Таким как вы, мистер Эмберли, можно доверять только самые тихходные модели, — прокричал Он.

Хотя ночь была спокойной и безветренной, от быстрой езды в ушах сержанта свистел ветер, и вдобавок с него чуть не слетела каска. Он потуже нахлобучил ее и подумал, что мистер Эмберли, должно быть, не на шутку испуган, если так обращается со своей машиной.

Вышедшая луна невозмутимо следовала над их головой чуть впереди автомобиля, временами заслоняясь облачком. Местность, по которой они ехали, была не знакома сержанту. Он частенько вспоминал впоследствии об этих разбитых дорогах с лужами, блестевшими в лунном свете; проносящимися мимо кустарниками живой изгороди; деревенскими домиками, чьи незанавешенные окна были освещены теплым светом ламп; потрескавшимися указательными столбами, вытянувшими свои длинные руки в направлении неведомых селений; с подъемами, которые «бентли» брал приступом; с кренами и виражами, от которых захватывало дух; с громким звуком гудка, заставляющим впереди идущие машины прижиматься к обочине. Но больше всего ему запомнилось лицо мистера Эмберли, не отрывающего глаз с дороги, сжавшего губы в жесткую беспощадную линию.

Сержанту надоело нервно вглядываться вперед, высматривая опасности. Эмберли все равно не обращал внимания на его предупреждения, продолжая гнать машину вперед, очень ловко, по мнению сержанта, но уж слишком лихо. Сержант как-то отстранено подумал о том, в каком

положении он окажется, если Эмберли, не дай бог, столкнется с другой машиной или совершит наезд. Эмберли выжимает свыше пятидесяти миль в час, а рядом с ним спокойно сидит представитель власти!

На железнодорожном переезде, где им пришлось остановиться перед шлагбаумом, вновь обнаружился след «вокхолла». Он проезжал там всего лишь двадцать минут назад. Услышав об этом, даже измученный тряской сержант подумал, что их высокая скорость была все же оправдана.

Взгляд мистера Эмберли немного просветлел. Дальше дорога пошла вдоль железнодорожного полотна. Переключив скорость, Эмберли сказал:

— Я был прав. А теперь, сержант, еще немного прибавим.

— Я хочу напомнить вам, сэр, что это не гоночная трасса, — вздохнул многострадальный сержант. — Ради бога, мистер Эмберли, будьте осторожны, впереди автобус!

Загородный автобус, урча, ехал прямо посередине дороги. Мистер Эмберли дал длинный гудок, но водитель автобуса не обратил на его сигналы никакого внимания. В отчаянном рывке, заехав на придорожную траву и почти касаясь автобуса, «бентли» обошел его.

Сержант обрушил на водителя автобуса поток ругательств, которые тот уже не мог слышать. Но тут же на резком повороте сержанта отбросило к дверце. После этого он вытер пот с лица большим носовым платком и заявил, что предпочел бы в данную минуту сидеть не в автомобиле, а в тяжелом танке.

18

Старый рыбацкий поселок Литтлхэйвен располагался в болотистом устье небольшой реки неподалеку от бухты, вклинивавшейся на милю в глубь побережья. Его кривые улочки пропахли водорослями и смолой. В маленькой гавани стояли на якоре рыболовецкие суденышки, а на берегу всегда лежали приготовленные к починке черные, пахнущие рыбой сети. Здесь были прекрасные условия для рыбалки и катания на лодках. Поэтому к западу от поселка, ближе к проливу, соединяющему бухту с морем, раскинулся целый городок маленьких современных домиков. Во время летнего сезона вся бухта пестрела лодками и катерами, а владельцы единственной в поселке гостиницы — высокого сооружения, выглядевшего настоящей башней на фоне одноэтажных домишек, — могли заламывать чудовищные цены за весьма низкие по качеству услуги. По окончании сезона гостиница пустела. Пустели и домики для летнего отдыха. Большинство владельцев сдавало их на три летних месяца за весьма высокую плату, примиряясь с тем, что остальную часть года домики простаивали, никем не занятые.

На другой стороне бухты, на некотором расстоянии друг от друга, располагалось несколько более богатых на вид домиков, явно принадлежащих состоятельным людям. Эти дома были окружены большими садами и не желали тесниться среди более бедных собратьев. К ним была подведена дорога от Лоучестера — городка, находившегося в десяти милях от побережья.

На литтлхэйвенской стороне домики были меньших размеров, менее претенциозные и соответственно более бедные. Кроме того, у самого пролива, соединяющего бухту с морем, стояла старинная башня, вокруг которой было разбросано несколько рыбацких коттеджей.

«Бентли» мчался по Литтлхэйвену. Мистер Эмберли уже не останавливался, чтобы навести справки о «вокхолле», а лихо трясся по булыжным улочкам, пока не выехал на асфальтированную дорогу, идущую вдоль берега моря. Машина снова рванулась вперед.

Эмберли нервничал. Ему не везло. Сначала он потерял много времени, выжидая пока через дорогу переедет фургон, запряженный лошадей. Затем, когда он проезжал через небольшой городок, ему приходилось останавливаться на каждом перекрестке. В третий раз он притормозил, пропуская улыбочивую, но бестолковую дамочку, которая сворачивала на своем крупногабаритном «хамбере» на поперечную дорогу. У «хамбера» заглох двигатель, и он на несколько минут полностью перекрыл проезд. Дама очень возмутилась, когда мистер Эмберли нажал на гудок и

продолжал сигналить, пока она не освободила дорогу. Не успел еще «хамбер» закончить поворот, как «бентли» рванулся с места. Сержант сжался от ужаса, но «бентли» проскочил мимо «хамбера», едва не чиркнув по нему обшивкой своего корпуса.

Однако время все же было потеряно, и, глядя на часы. Эмберли с сомнением прикидывал, сокращается ли расстояние между «бентли» и «воксхоллом».

Сержант, увидевший освещенное луной море, стал восхищаться морским пейзажем. Эмберли хранил молчание.

— Куда мы теперь едем, сэр? — спросил сержант.

— Мы едем по берегу бухты, — ответил Эмберли. — На противоположной стороне на расстоянии четырех или пяти сотен ярдов от моря стоит домик. Туда мы и направляемся.

— Прекрасно, — сказал сержант. — Мы поедем прямо по воде или будем переправляться вплавь?

— Мы поплывем на лодке, — ответил Эмберли.

— Пожалуй, мы скорее доберемся, если объедем вокруг бухты на автомобиле, — сказал сержант. — Признаться, я плохой матрос, сэр. А кроме того, я не могу понять, как мы переправимся на лодке. Где мы возьмем ее?

— Я приготовил лодку заранее.

Сержант был снова повергнут в изумление.

— Удивительно, что вы заранее не приготовили самолет, — сказал он. — Жаль, что вы не подумали об этом. И как же вам удалось ее приготовить заранее?

— Я нанял ее. Мой человек следит за домиком с этой стороны бухты. Он-то и переправит нас. Я не рискую ехать вокруг бухты по дороге. Это займет слишком много времени, хотя «воксхолл» поехал именно так. Видите сад около домика? Там внизу причал с деревянным, помостом.

— И вы все это знаете, сэр?

— Да, я все тут исследовал вчера утром.

— Но зачем, черт побери? Вы что-то обнаружили?

— Да, я узнал, что одну частную моторную лодку взяли со стоянки в Мортонс-ярде (мы его проезжали), и теперь она стоит на якоре в бухте в четверти мили отсюда. Ее недавно отремонтировали, а кроме того — все ее баки заполнены горючим. Мне это показалось настолько интересным, сержант, что я нанял портового грузчика, который живет в одном из коттеджей на этой стороне бухты, чтобы он следил за лодкой и домиком и сообщал мне о том, что увидит.

Несмотря на полученное объяснение, сержант продолжал удивляться. Ему очень хотелось спросить мистера Эмберли, почему он вдруг решил примчаться в неведомый никому Литтлхэйвен или, по крайней мере, почему его так интересуют моторная лодка, но, подумав немного, решил, что вряд ли сейчас ему дадут удовлетворительный ответ. Он ограничился тем, что сказал:

— Знаете, сэр, я могу сказать только одно. Не будучи полицейским, вы, тем не менее, работаете тщательно. Очень и очень тщательно.

Дорога свернула в сторону от моря. Вскоре, увидев снова блеск воды, сержант понял, что они выехали к берегу. Машина уменьшила скорость и остановилась у маленького коттеджа, расположенного на расстоянии около пятисот ярдов от воды. Внимательно вглядываясь в противоположный берег бухты, сержант смог рассмотреть только темную линию берега и силуэт домика на фоне ночного неба.

Эмберли открыл дверцу машины и уже собирался выйти из нее, как вдруг внезапно замер и резко сказал:

— Слушайте!

В вечерней тишине до их ушей донеслось тарахтение лодочного мотора.

Вышедший на дорогу человек окликнул Эмберли. Тот сразу обернулся.

— Это вы, сэр? Вот это да! А я как раз шел звонить вам. Надо же какое совпадение! — Он посмотрел на каску сержанта и добавил. — Да тут еще и полицейский!

— Пожалуйста, подойдите и расскажите, что вы заметили, — суровым голосом скомандовал сержант.

Сержант Габбинс вдруг заметил, что Эмберли, впившийся взглядом в появившегося человека, очень бледен.

— Скорее выкладывайте, Пибоди! — потребовал мистер Эмберли.

— Там кто-то заводит моторную лодку, — сказал человек. — Прямо сейчас. И у него какой-то груз. Он нес его, перекинув через плечо. Я подумал, что это багаж. Что-то похожее на мешок. Так вот, сэр. Он спустился к причалу и бросил этот мешок (правда, может быть это и не мешок) в лодку, которая была там привязана. Вы ее видели. Потом он укрепил весла, погреб к своей моторке и перебрался туда вместе с багажом. Я не ручаюсь, что все хорошо рассмотрел. А дальше... Он прицепил свою гребную лодку к моторке, завел моторку и направился из бухты в море, а гребная лодка поплыла за моторкой. Я никак не пойму, зачем это все ему понадобилось.

Сержант тоже не мог понять этого, однако почел за лучшее промолчать. Он с сопереживанием смотрел на Эмберли, рука которого, лежавшая на дверце машины, напряглась так, что побелели костяшки пальцев. Выслушав рассказ грузчика, сержант решил, что Ширли Браун уже мертва, и поэтому не удивлялся, что мистер Эмберли стоит, застыв на месте, как столб. Сержанту хотелось сказать какие-нибудь слова сочувствия, однако он смог выжать из себя только одну фразу:

— Боюсь, мы опоздали, сэр.

Эмберли посмотрел на него, и сержант понял, что, несмотря на всю неподвижность позы, его мозг лихорадочно работал.

— Гребная лодка... — сказал он. — Что это значит? Боже, как я сразу не сообразил! — Он в досаде стукнул рукой по дверце машины.

— Должен сказать, что я тоже не сообразил, сэр, — сказал сержант, — зачем ему понадобилась лодка, если есть моторка?

— Чтобы вернуться обратно, — ответил Эмберли. — Зачем же еще? Думайте, сержант, думайте!

Сержант старался изо всех сил.

— Все же не понимаю, сэр. Вряд ли он пустит тело мисс Браун в открытое море. Он его просто бросит в воду, то есть я хочу сказать, скорее всего, он ее бросит в воду. — Он прервался и в замешательстве посмотрел на Эмберли.

— Мой боже, нет, это невозможно! — сказал Эмберли странным напряженным голосом.

— Эй! — крикнул Пибоди. — Он заглушил мотор.

Эмберли вскинул голову. Шум лодочного мотора становился все слабее и слабее и вдруг пропал совсем.

— Что-то странное, — сказал Пибоди. — Он не мог отплыть далеко от входа в бухту. Зачем он остановился?

Эмберли передернул плечами.

— Он не переносит вида трупов, — сказав это, мистер Эмберли сел в машину и включил двигатель.

— Вылезайте, — скомандовал он. — Выходите из машины, сержант. А вы, Пибоди, на лодке перевезите сержанта через бухту. Сержант, вы должны задержать этого человека. Устройте засаду у «воксхолла». Он вернется к нему. Черт возьми, вы выйдете из машины или нет?

Эмберли вытолкнул сержанта на дорогу. «Бентли» уже начал двигаться, и сержанту, чтобы задать вопрос, пришлось бежать рядом с машиной.

— А вы куда, сэр? — выкрикнул он на бегу.

— В погоню за моторкой, — крикнул в ответ Эмберли. — Недотепа! Девушка еще жива!

В следующее мгновение машина была уже далеко. Двое оставшихся на дороге мужчин изумленно смотрели друг на друга.

— Чокнутый! — приходя в себя, сказал Пибоди. — Я так и думал, что он чокнутый.

Сержант собрался с мыслями.

— Вы скоро узнаете, чокнутый он или нет, — сказал он. — А теперь вперед! Вы должны перевезти меня через бухту к тому причалу, о котором здесь шла речь. Живей!

«Бентли» мчался назад по прибрежной дороге. Стрелка спидометра дошла до отметки 50, потом 60 и доползла до 70. Литтлхэйвен находился всего лишь в миле от бухты, и мистер Эмберли уже через полторы минуты добрался до литтлхэйвенской гавани. Подъехав к одному из причалов, он резко затормозил. Стоявший на причале моряк в синем свитере с удивлением посмотрел на выходящего из машины Эмберли.

Когда он понял, что этот джентльмен желает прямо сейчас пойти в море на моторной лодке, он инстинктивно огляделся вокруг, лихорадочно соображая, кого бы в случае необходимости

позвать на помощь. Он решил, что этот джентльмен — не кто иной, как пациент, сбежавший из сумасшедшего дома.

— Я не сумасшедший, — сказал Эмберли. — Я работаю на полицию. Есть ли здесь лодка, которой можно воспользоваться прямо сейчас?

Моряк слышал, что с психами надо соглашаться.

— О, да, сэр. Все наши моторки готовы к плаванию, — сказал он, отодвигаясь подальше от Эмберли.

Эмберли схватил его за руку.

— Послушайте меня, — сказал он. — Один человек вышел в море из бухты на своей лодке, мне нужно перехватить ее. Если я успею это сделать, вы получите десять фунтов.

Моряк колебался, одновременно пытаясь высвободить свою руку. Десять фунтов — это десять фунтов, но, тем не менее, этот джентльмен — явно ненормальный.

— Разве я похож на сумасшедшего? — раздраженно спросил Эмберли. — Где та быстроходная лодка, что причаливала к пристани утром?

Моряк стал пристальнее всматриваться в Эмберли.

— Боже милостивый! Теперь я вижу: вы тот самый джентльмен из Лондона, который расспрашивал нас вчера! — воскликнул он.

— Да, это я. Ради бога, прошу вас, поторопитесь! Добудьте любую лодку, готовую к отплытию, и чем быстрее, тем лучше!

— Скажите сэр, вы переодетый полицейский? — с почтением в голосе спросил моряк.

— Да, — не колеблясь, ответил Эмберли.

— Тут есть гоночная моторка мистера Бенсона. Я знаю, там наверняка есть полбака горючего. Он сегодня выходил на ней в море. Но я не знаю, как...

— Десять фунтов! — повторил Эмберли.

— Хорошо, сэр. И все неприятности вы берете на себя, — сказал матрос, пропуская Эмберли к причалу.

Гоночная моторка стояла на якоре примерно в пятидесяти ярдах от пристани. Моряк, решившись на рискованный шаг, теперь осознавал, что нужно торопиться. Они быстро сбежали по ступенькам и уже через минуту сидели в маленькой лодочке, стоявшей на привязи у пристани.

Подплыв к моторной лодке, они быстро сбросили покрывающий ее брезент. Матрос забрался в рубку и запустил мотор.

— Мотор еще не остыл, сэр, — сказал он. — Кажется, нам везет.

Эмберли занял место у штурвала.

— Хорошо бы, если так, — отозвался он.

Лодка рванулась вперед, лавируя между стоящими на якоре судами. Убедившись, что его странный пассажир умеет управлять лодкой, моряк взбодрился. После того, как моторка отошла подальше от гавани, он без всяких понуканий старался развить максимально возможную скорость. Нос моторки вздыбливал белую пену. Мотор тарахтел на басовитых нотах.

Пустынное море серебрилось в лучах луны. Эмберли держал курс на зюйд-вест. В этом направлении он уже наметил точку в море, где, по его расчетам, они должны были перехватить другую лодку. Медленно ползли минуты. Для Эмберли каждая из них казалась часом. В ушах стоял рев мотора. Внезапно Эмберли знаком скомандовал своему спутнику заглушить мотор. Сразу стало тихо, как будто их накрыли невидимым одеялом. Скользившую по инерции лодку начало качать. Тогда-то сквозь тишину Эмберли уловил звук, который он так хотел услышать. На довольно большом расстоянии от них другая моторка шла курсом в открытое море. Эмберли снова взялся за штурвал и дал команду запустить мотор. Немного изменив направление, лодка полетела вперед, разрезая носом волны.

Через пять минут Эмберли снова велел матросу выключить двигатель. Теперь уже мотор второй лодки тарахтел совсем неподалеку.

— Она там. Вперед! — скомандовал Эмберли.

Вновь запуская мотор, моряк размышлял, кого они могут преследовать, и жалел, что не спросил об этом раньше. Сейчас выяснить это было невозможно из-за шума мотора, так что моряку оставалось только самому строить различные предположения, но все они были

маловероятными. В ожидании возможной команды, он не сводил глаз с Эмберли, который не заставил себя ждать, вновь подав знак заглушить двигатель.

На этот раз уже ничто не нарушало воцарившуюся тишину.

— Но ведь мы шли прямо на другую моторку, — озадаченно сказал моряк. — Куда же она девалась?

Эмберли достал из кармана фонарь и стал описывать им дугу, направляя его мощный луч в море. Фонарь светил вперед на две сотни ярдов, однако, Эмберли не увидел ничего, кроме серебристой ряби.

— Быстро! Заводи мотор! — выкрикнул Эмберли. — Скорость — в половину возможной!

Лодка начала кружить на относительно небольшом участке. Луч фонаря обшаривал пространство впереди. До слуха моряка донесся сдавленный голос Эмберли:

— Я опоздал! О боже, я опоздал!

«Почему мы начали кружить? Все же он не в своем уме», — подумал моряк. Вдруг он увидел, как Эмберли, перегнувшись через штурвал, наткнулся взглядом на какой-то темный предмет, показавшийся над водой.

— Давай вперед! — крикнул Эмберли. — Она сейчас потонет!

— Боже правый! — вырвалось у моряка, не ожидавшего такого разворота событий. — Потонет?

— Вперед, черт возьми!

Моторка набрала скорость. Они уже могли ясно видеть другую лодку, накренившуюся кормой и уже наполовину погружившуюся в море.

Моторка Эмберли подлетела к ней, как на крыльях.

— Тихий ход! — скомандовал Эмберли, подруливая к обнаруженной лодке. — Глуши мотор!

Шум двигателя смолк. Моторка проскользнула еще несколько футов и остановилась, покачиваясь, рядом с тонущей лодкой.

Лодка была наполовину залита водой. Чтобы освободить обе руки, Эмберли отбросил фонарь, но и при лунном свете он увидел все, что ему было нужно. У самого борта лодки, чуть возвышаясь над уровнем воды, виднелось белое лицо. Нижняя часть его была замотана шарфом.

— Отец наш небесный! — с изумлением воскликнул моряк. — Здесь женщина!

Эмберли нагнулся и подхватил Ширли. Она почему-то оказалась очень тяжелой. Эмберли догадался, что к ее ногам привязан груз.

— Все хорошо, моя бедная девочка! Все хорошо! — повторял он и, повернув голову, крикнул через плечо своему спутнику:

— Нож, быстро!

Моряк, одной рукой держась за поручень, другой достал из кармана нож и протянул Эмберли. Эмберли открыл нож и, нагнувшись, начал шарить по дну лодки. К телу Ширли у талии было привязано что-то твердое. Эмберли нащупал железную цепь и веревку, которой она была привязана, и перерезал ее ножом. В следующий миг Ширли вновь была в его руках. Он перенес ее в свою лодку и положил там. Она была смертельно бледна. Ее глаза были широко открыты. Она смотрела на Эмберли, не веря в происходящее. Руки и ноги у нее были крепко связаны. Внезапно ее всю затрясло.

Эмберли размотал шарф и вытащил кляп у нее изо рта. Затем достал из заднего кармана фляжку и приложил к посиневшим губам Ширли, поддерживая ее за плечи.

— Выпей, Ширли! Я сейчас развяжу тебя, но сначала выпей. Ну вот и молодец! — сказал он и повернулся к моряку. — К берегу! Как можно скорее!

— Да, да, сэр, не беспокойтесь, — ответил моряк. — Только прошу вас отрулить чуть в сторону, чтобы нам не столкнуться с этими обломками кораблекрушения. Все, спасибо, капитан.

Моряк сам занял место у штурвала и направил нос моторки прямо на гавань.

Эмберли опустился на колени и начал перерезать веревки, от которых на руках Ширли оставались глубокие следы.

На ее лице появилась слабая улыбка.

— Вы всегда... появляетесь... в нужный момент, — стуча зубами в ознобе, выговорила она. — Спа... спасибо!

Все пережитое Ширли за последние часы, включая ужас утопающего, оказало на нее свое неизбежное действие. Хотя бренди согнало синеву с ее губ. Ширли на обратном пути до гавани пребывала в бессознательном состоянии. Эмберли мог сделать для нее очень немногое. Он завернул ее в свое пальто, но, поскольку одежда Ширли промокла насквозь, ее тело оставалось холодным. Он начал растирать ей руки и ноги.

Моряк давал сочувственные советы. Выбрав момент, он крикнул Эмберли прямо в ухо:

— Кто это сделал?

Не получив ответа, он наклонился к нему и доверительно прокричал:

— А я-то думал, что у вас крыша поехала.

Гостиница располагалась рядом с пристанью, и, как только они причалили, Эмберли понес Ширли прямо туда. Моряк указывал ему дорогу. Хозяйка гостиницы, яркая блондинка невероятных размеров, вышла из-за стойки бара. Несмотря на свою полноту, она оказалась очень расторопной и верно оценила ситуацию с первого взгляда. Моряк, обрадовавшийся возможности выговориться, принялся красочно описывать их спасательную операцию, а Эмберли в это время укладывал Ширли на диван в гостиной.

— Слава богу, жива, — сказала хозяйка и командирским тоном велела Эмберли нести молодую леди наверх. Затем она прокричала кому-то приказание принести ведро углей в лучшую спальню. Судя по громкости отданного распоряжения, его адресат находился, очевидно, на расстоянии мили. Велев Эмберли следовать за ней, хозяйка стала подниматься наверх.

Эмберли с Ширли на руках был препровожден в комнату с легким запахом плесени, где он уложил Ширли на большую кровать из красного дерева. После этого хозяйка заявила, что он ей больше не нужен, и он удалился с чувством, что Ширли находится в надежных руках.

Внизу моряк потчевал посетителей бара красочным рассказом о чудесном спасении. История нисколько не проигрывала в его пересказе. Он было отказался принять две пятифунтовые купюры, которые Эмберли извлек из своего портмоне, но после непродолжительного спора дал себя уговорить. Когда Эмберли уходил, моряк угощал всех находившихся в баре бесплатной выпивкой. Было похоже, что он и его приятели застряли там надолго. Эмберли мысленно пожелал, чтобы эта ночь для моряка не закончилась в полиции.

«Бентли» стоял на том же месте, неподалеку от причала, где Эмберли оставил его. Фрэнк сел в автомобиль и направился к бухте. Шел девятый час. Было холодно. Он хотел надеть пальто, но, увидев, что оно промокло, бросил его на заднее сиденье.

Эмберли ехал быстро, но теперь уже соблюдая все правила приличия. Как только он подъехал к домику грузчика и затормозил, дверь открылась, и навстречу ему вылетел сержант Габбинс.

— Это вы, мистер Эмберли! — воскликнул он. — О боже, сэр, как я переживал! Прошел почти целый час с тех пор, как вы умчались. Удалось ли вам перехватить лодку? И где вы были, сэр?

— В трактире, — ответил Эмберли, снова, как всегда, насмешливо.

Такого ответа сержант совершенно не ожидал.

— Позвольте, где? В трак... в трактире? Вы опять шутите, сэр? И вы, я вижу, в хорошем настроении?

— В прекрасном, — подтвердил Эмберли. — Вы взяли его?

— Нет, — с горечью сказал сержант. — Не получилось. А все почему? Потому что этот безнадежный дурак, которого вы наняли, не догадался залить бензин в свою моторку.

Сержант вдруг осознал, что выражение лица Эмберли перестало быть суровым и мрачным.

— Боже мой, сэр! Не хотите ли вы сказать... Вы что же, нашли ее?

— О да, я нашел ее, — ответил Эмберли. — Она находится в трактире, о котором я уже сказал вам.

— Она жива, сэр? — спросил сержант, боясь поверить в невероятное.

— Жива. И я с нетерпением жду возможности услышать ее рассказ.

Сержант ринулся к Эмберли и со всей силой пожал ему руку.

— Я не знаю, сэр, был ли я когда-нибудь так обрадован, как сейчас. Мистер Эмберли, вы просто чудо, вот вы кто! Самое настоящее чудо!

Эмберли засмеялся.

— Не заставляйте меня краснеть, Габбинс. Расскажите лучше, что у вас случилось.

При этих словах радостная улыбка сержанта погасла.

— Хорошо вам спрашивать, сэр. Вы говорили, что нас ждет моторная лодка. Да, она нас ждала, но с абсолютно пустым баком! Когда вы так внезапно умчались, я сказал Пибоди, что он переходит под мое командование, и велел ему пошевелиться.

Мы с ним пошли по берегу бухты к тому месту, где, как он сказал, у него была пришвартована лодка. Там действительно была лодка, причем готовая к отплытию, но это была всего лишь маленькая гребная лодка. Я терпеть не могу эти хрупкие лодчонки, они явно предназначены для людей другой комплекции. Но, выполняя свой долг, я сел в нее, Пибоди сел на весла, и мы поплыли к его моторной лодке. И все было хорошо, если бы не его неуместное замечание, что, мол, бывают же такие толстяки. Я не привык к подобному и не мог оставить это без внимания. Эта реплика была совершенно излишней. Короче говоря, мы подошли к моторке вплотную. Этот тупоголовый болван помог мне перелезть в нее. И только тогда он вспомнил, что не залил в бак бензин. Вы, конечно, можете смеяться, сэр. Для вас, может быть, нет лучшего развлечения, чем перелезть из одной лодки в другую, когда днище ходит у вас под ногами туда-сюда и вот-вот совсем выскользнет. И опять же все из-за этого чертова дурака, который и полминуты не может удержать лодку в неподвижном состоянии.

— Мне кажется, Пибоди хотел немного пошалить с вами, сержант.

— Если бы я заподозрил такое, — начал заводиться сержант, — я не знаю, что бы с ним сделал. Ну так вот, как я уже сказал, он вспомнил про бензин, и мне пришлось обратно перелезть из моторки в гребную лодку. Уж не знаю, что хуже: вылезать из этой проклятой скорлупки или влезать в нее. Все же мне удалось это сделать, и я приказал Пибоди, как можно быстрее грести к тому самому причалу. Это было лучшее, что я мог сделать, сэр, так как от моторки не было никакого толку, а через бухту надо было как-то переправляться. Я не буду повторять слова Пибоди, потому что это не стоит повторения, но...

— Я сказал, — раздался голос Пибоди, — я сказал, что не нанимался перевозить бегемота на веслах через бухту. И я и в самом деле не нанимался.

Сержант обернулся и увидел мистера Пибоди.

— Хватит! — сказал сержант. — Нечего вам тут околачиваться. Я должен предупредить вас, что если вы еще раз позволите себе дерзость, то вам не поздоровится. Вы мешаете представителям власти выполнять свои обязанности. Вот как это называется.

Услышав такое суровое обвинение, мистер Пибоди почел за лучшее ретироваться. Сержант повернулся к Эмберли.

— Не обращайтесь на него внимания, сэр.

— Я хочу узнать, — сказал Эмберли, — видели ли вы, подходил ли кто-нибудь на веслах к тому причалу.

— Я как раз подхожу к этому, — ответил сержант. — Могу вам сказать так: и да, и нет. Я заставил этого Пибоди идти на веслах к противоположной стороне бухты, но беда в том, что мы были очень далеко, и я не знаю, сколько времени мы затратили, пока добрались до этого причала. Когда он уже был виден, я заметил человека, выходящего из лодки, похожей на ту, в которой находился я сам, и привязывающего лодку к одному из столбов. Может быть, сэр, вы будете винить меня за то, что я не воспользовался мощным фонарем, лежавшим у меня в кармане. Однако я подумал: этот парень не видел нашу лодку и не знает, что за ним следят, а осветить фонарем значит выдать себя. И тогда он скроется прежде, чем я успею добраться до берега. Поэтому я сказал себе, что лучше всего затаиться. Так, чтобы Пибоди греб изо всей силы, но тихо. Что и было сделано, сэр. Мы уже подплывали к этому причалу, когда я услышал, как за домиком заводят машину, а через минуту увидел фары автомобиля, освещающие дорогу, которая, как сказал Пибоди, ведет к Лоучестеру.

— Понятно, — сказал Эмберли. — Жаль, что так получилось. Но в целом, сержант, я думаю, вы действовали правильно.

— Вы снимаете камень с моей души, сэр, — облегченно вздохнул сержант. — Поскольку молодая леди жива, она быстро опознает этого человека. Не считая того, что мы с вами уже знаем, кто это.

— Считаете, что знаем?

— Ну как же, сэр? — с некоторым оттенком снисходительности сказал сержант. — Разве вы забыли, что я сказал вам в ту ночь, когда застрелили Альберта Коллинза?

— Нет, не забыл. Но, может быть, у вас найдется что-нибудь еще?

— Да, сэр. У меня есть отпечаток подошвы и отпечатки автомобильных шин. И чем скорее я доберусь до местного отделения полиции, тем лучше, потому что преступника нужно задержать. Отпечаток подошвы очень крупный; крупнее, чем я ожидал.

— Сержант, вам цены нет, — сказал Эмберли. — Сейчас я вас доставлю в полицию. Залезайте в машину.

Весьма довольный, сержант забрался в машину.

— Что ж, я сделал все, что мог. Осталось только арестовать его.

— Вы обязательно арестуете его, — пообещал Эмберли. — Мне кажется, что после этого дела вы должны получить заслуженное повышение. Жаль только, что я не видел, как вы залезали в моторку.

— Да, уж, я не сомневаюсь, что вы жалеете об этом, сэр. Но, может быть, вместо того, чтобы вести разговор обо мне и моторной лодке, вы лучше скажете, за кем я гонялся все это время.

— Но я полагал, что вы знаете это? — произнес мистер Эмберли, удивленно подняв брови.

— У меня все-таки есть сомнения, — признался сержант. — Когда в тот раз я говорил о Бейкере, я имел в виду...

— Не надо портить впечатления, сержант. Вы говорили, что это мой человек.

Сержант осторожно спросил:

— Что я, в самом деле, так говорил?

— И были совершенно правы, — сказал Эмберли. — Это действительно мой человек.

Сержант в волнении проглотил слюну, но быстро взял себя в руки и бессовестно заявил:

— Я как раз и собирался это сказать, но вы меня перебили. Я сразу понял, кто он такой.

Мистер Эмберли усмехнулся.

— Да? Так вы сразу поняли кто настоящий преступник?

— Послушайте, сэр, — сказал сержант. — Если это не Бейкер, то, насколько я понимаю, это может быть только один человек. И этот человек — мистер Фаунтин.

— Ну наконец-то! — воскликнул Эмберли. — Разумеется, это Фаунтин.

— Все это прекрасно, — сказал сержант, — но зачем ему понадобилось убивать молодую леди?

— Она — его родственница, — ответил Эмберли. — Бэзил Фаунтин — двоюродный брат ее отца.

— О! — воскликнул сержант. — Потому что она его родственница... Вы считаете, сэр, что это все объясняет?

— Должно объяснять, — сказал Эмберли. — Если только вы способны к двум прибавить два.

Сержант все еще решал этот простой пример, когда машина подъехала к отделению полиции. Мистер Эмберли высадил сержанта и поехал в гостиницу.

Златокудрая хозяйка гостиницы встретила его хорошими новостями, сообщив, что бедная молодая леди уже согрелась и в настоящий момент пьет горячий бульон. Мистеру Эмберли было разрешено подняться наверх и навестить ее. Ширли, одетая в халат хозяйки и укутанная во множество шалей, выглядела ужасно тонкой. Она сидела перед большим камином и по глоточку пила горячий бульон, а заодно сушила свои короткие вьющиеся волосы. По решительному стуку в дверь она сразу поняла, кто это, и довольно застенчиво крикнула:

— Войдите.

Мистер Эмберли, вошел и закрыл за собой дверь, подошел к камину и остановился, глядя на Ширли сверху вниз и улыбаясь ей одними глазами.

— Мне кажется, мисс Ширли Браун, — сказал он, — что я все время сталкиваюсь с вами в неловких для вас ситуациях.

Она хотела рассмеяться, но, начав, сразу смолкла.

— Пожалуйста, не надо! — Она взглянула на него. — Я, должно быть, ужасно выгляжу. Прошу вас, садитесь. Я... я еще не поблагодарила вас.

Он сел на плюшевое кресло.

— О нет, нет! Ваши манеры улучшаются. Вы сразу же меня поблагодарили.

— В самом деле? — Ширли улыбнулась. — Я не помню. Я... Когда я услышала шум другой лодки, я поняла, что это вы. Ваш полицейский рассказал вам, что произошло?

— Такер? О, нет, он ничего не понял. Я прошу прощения за то, что приставил к вам такого никомушного стража. Меня вела моя собственная интуиция. Кстати, Билл выпрыгнул через кухонное окно. Я оставил его с Такером.

— Очень любезно с вашей стороны, что вы подумали о нем, — сказала Ширли еще более застенчиво.

— Мне вообще свойственна любезность, — ответил Эмберли.

Она рассмеялась и покраснела.

— Да. Я... я знаю.

— Я не хочу беспокоить вас, — произнес он, — но меня тревожит одна вещь. Что вы сделали с вашей половиной?

Изумившаяся Ширли переспросила, глядя ему в лицо:

— С моей половиной?

— Только не говорите, что она была при вас!

— Нет, — ошеломленно сказала она, продолжая смотреть на него.

— Тогда куда же вы ее дели? Может быть, просто забыли в коттедже, как свой пистолет? Попробуйте вспомнить, это очень важно. Тот, кто хотел убить вас, знал о ней. Фелисити по своей глупости рассказала об этом, и поэтому от вас нужно было избавиться.

— Фелисити? — переспросила она. — Откуда же Фелисити могла об этом знать?

— Она и не знала, но знала о том, что по дядиной рассеянности книга побывала в ваших руках в тот самый день, когда он взял ее у Фаунтина. Про это-то она и рассказала.

Ширли отодвинула волосы со лба.

— Я не могу понять. Совершенно не могу догадаться, как вы узнали о книге. Кто рассказал вам?

— Никто не рассказывал. Милая девочка, вы все-таки недооцениваете мой интеллект. Из-за этой книги в «Грейторн» дважды вторгался взломщик. Я, естественно, предположил, что Коллинз выбрал эту книгу в качестве тайника. Но в книге ничего не оказалось. Из-за вашей скрытности я только терялся в догадках, где может быть вторая половина. Лишь вчера я узнал, что дядя оставлял книгу на десять минут в «Кабаньей голове». И где же была спрятана эта половина?

Ширли отвечала как загипнотизированная:

— В обложке. Я нашла ее совершенно случайно. Но в ней нет никакого толка. Коллинз умер, а другая половина была у него. Так что это все теперь бесполезно.

— Напротив, — сказал Эмберли. — Это была половина Коллинза.

— Да, я знаю, но он нашел половину Доусона.

— Извините, но должен возразить, — сказал Эмберли. — Он ее не находил. Я взял половину Доусона.

— Вы? — изумилась она. — Вы ее взяли? Но... но как вы узнали, что она существует? Где вы нашли ее?

Он улыбнулся.

— В ящике некоего комода. Припоминаете?

Ширли покачала головой.

— А я считала, что она у Коллинза. На вас я и не думала. Вы знали, что она там?

— Нет. Но когда вы во время карнавала отправились на ее поиски, я последовал за вами. После того, как вас спугнул Коллинз, я подошел к комоду, обследовал его и нашел ту половину завещания, которая была у Доусона. Таким образом, все мои подозрения подтвердились.

— Где же вы прятались? — спросила она. — Я ведь не видела вас и была уверена, что Коллинз вернулся к комоду раньше меня.

— Я стоял за большой портьерой в сводчатом проходе. Когда вы вместе с Коллинзом пошли в моем направлении, я по тактическим соображениям отступил в ближайшую спальню. Так что все очень просто.

Она в изумлении смотрела на него.

— Просто? Но откуда вы могли знать, кто я такая? Леди Мэттьюз еще не видела меня и не могла рассказать, кто я.

Последняя фраза заинтересовала Эмберли.

— Тетушка Марион? Вы хотите сказать, что она знает, кто вы?

Ширли кивнула.

— Ей вы, видно, доверяли больше, чем мне.

На этот упрек Ширли отреагировала необычным образом. Она стала оправдываться.

— Нет, совсем нет! Леди Мэттьюз поняла, кто я такая, как только увидела меня. Она только вчера рассказала мне об этом, когда я... попросила прислать вас ко мне. Видите ли, я очень похожа на отца. Она узнала меня.

— Неужели? — рассмеялся Эмберли. — Тетя Марион очень проницательна. У меня же подозрения возникли после того, как я увидел вас и один женский портрет. Потрясающее сходство! Но вы еще не рассказали, что сделали со своей половиной.

— Вчера перед тем, как пойти в коттедж, я вложила ее в конверт и послала леди Мэттьюз, — сказала Ширли. — Больше я ничего не могла придумать.

— Слава богу! — воскликнул Эмберли. Из всего, что вы совершили за последнее время, это было самым разумным.

Он взглянул на часы.

— С минуты на минуту сюда должен явиться мой большой друг — сержант Габбинс. Он наверняка потребует, чтобы вы написали пространное заявление. Но до его прихода я хотел бы задать вам один вопрос и получить на него ясный ответ. Согласны ли вы стать моей женой?

На минуту Ширли показалось, что она не расслышала вопрос. Она в изумлении смотрела на Эмберли, не веря своим ушам.

— Но я же не нравлюсь вам!

— Бывали моменты, — согласился мистер Эмберли, — когда я с удовольствием придушил бы вас.

Она рассмеялась.

— О, вы невыносимы! Как же вы собираетесь жениться на мне?

— Сам не знаю, — ответил Эмберли, — но собираюсь.

— Но вы же сами говорили, что я вам не нравлюсь, — настаивала Ширли.

— Ну зачем к этому возвращаться? Вы и вправду мне совсем не нравитесь. Вы — упрямая, своевольная и невероятно скрытная. Ваши манеры ужасны, а вы сама — просто маленькое недоразумение. И все-таки я обожаю вас! — Он наклонился и взял ее руки в свои. — Мне кажется, что я влюбился в вас с первого взгляда.

Ширли нерешительно попыталась высвободить руки.

— Этого не может быть. Вы ужасно со мной обращались.

— Возможно, — ответил Эмберли, — но скажите, если бы я не был влюблен в вас уже тогда, то я бы все рассказал о вас в полиции?

Ширли вдруг осознала, что уже не сидит, а стоит на ногах, причем очень близко к Эмберли. Она совершенно не помнила, как это произошло. Очень внимательно рассматривая рисунок на его галстук, она сказала чуть охрипшим голосом:

— Даже не знаю, хочу ли я выйти замуж за человека, который так плохо думает обо мне.

Эмберли подхватил ее и поднял на руки.

— Моя любимая! Я думаю, что ты восхитительна! — сказал он.

Мисс Ширли Браун, только что избежавшая мучительной смерти, вдруг поняла, что ей предстоят новые испытания, в лучшем случае, перелом ребра. И хорошо, если только одного, так крепки были объятия Фрэнка. Однако она почему-то не делала попыток высвободиться.

От дверей донесся извиняющийся голос сержанта:

— Прошу прощения, но я стучал два раза.

В одиннадцать часов леди Мэттьюз, раскладывая свой пасьянс, услышала характерный шум подъезжающего «бентли». Ее супруг и дочь, так и не сумевшие выведать, что же она знает, с облегчением вздохнули.

Леди Мэттьюз оторвала взгляд от карточного столика.

— Очень хорошо, — сказала она. — У меня три раза сошелся пасьянс. Интересно, привез ли он ее?

Они услышали шаги дворецкого и открывающуюся дверь. Минутой позже появилась Ширли в странных одеяниях явно с чужого плеча, следом за ней вошел мистер Эмберли.

Леди Мэттьюз встала.

— Я знала, что все хорошо закончится, — спокойно сказала она. — Я так рада, моя дорогая. Вы рассказали Фрэнку?

Ширли взяла ее за руки.

— Он сам обо всем узнал, — ответила она. — Теперь я понимаю, что была дурочкой. Во всяком случае, Фрэнк так думает.

Сэр Хэмфри, надевший очки, чтобы лучше разглядеть ее, в замешательстве посмотрел на своего племянника.

Эмберли усмехнулся.

— Восхищаетесь нарядами Ширли? Очень мило, не правда ли? Они принадлежат хозяйке трактира в Литтлхэйвене. Вы не возражаете, если мы пройдем в ваш кабинет? Я уже втолкнул туда сержанта. Ему нужно получить приказ на арест Фаунтина.

— Мне он никогда не нравился, — сказала леди Мэттьюз..

— Арест Фаунтина? — переспросил сэр Хэмфри. — Боже, спаси и помилуй! По какому обвинению?

— Ну, для начала — попытка убийства. Сержант все вам расскажет. Тетя Марион, сегодняшняя почта пришла?

— Конечно, Фрэнк. — Она достала конверт из сумки для покупок и посмотрела на Ширли. — Отдать это ему, моя дорогая?

— Да, пожалуйста, — вздохнув, ответила Ширли.

Эмберли взял конверт и вскрыл его. Перед тем как извлечь из конверта его содержимое, он с любопытством посмотрел на свою тетушку и спросил:

— Что в конверте, тетя Марион?

Леди Мэттьюз подвела Ширли поближе к камину.

— Думаю, там завещание Джаспера Фаунтина, — ответила она.

— Таких, как вы, тетя, приговаривали к сожжению на костре, — сказал Эмберли. — Это чистой воды колдовство. Но вы не совсем правы, здесь только половина завещания.

— Ах, ну теперь все объяснится, — сказала леди Мэттьюз. — Но надо склеить их вместе. У меня где-то есть клейкая лента. Бедное дитя, он пытался убить вас? Садитесь, пожалуйста.

Эмберли достал из конверта половинку разорванного листа и положил ее на карточный столик. Из своего портфеля он извлек похожий листок.

— Вы что же, уверены, что у меня есть другая половина? — спросил он.

Леди Мэттьюз поставила ноги поближе к огню.

— Фрэнк, милый, если у тебя ее нет, то чем же ты занимался все это время?

— Вы как всегда правы, тетя. — Он подошел к письменному столу. — Где клейкая лента? Где-нибудь в ящиках?

— Да, посмотри, пожалуйста. Там полно всяких счетов. Но, я знаю, там должна быть эта лента. Фелисити, дорогая, скажи Дженкинсу, чтобы принесли что-нибудь поесть для этой бедной крошки. И бутылку бургундского. Он знает.

Фелисити наконец-то обрела дар речи.

— Если никто не объяснит мне сейчас же, что происходит, со мной будет истерика! — воскликнула она. — Я чувствую, что она уже начинается. Кто вы? Почему на вас эти ужасные одежды, и вообще, что все это значит?

— Не приставай к ней, дорогая. Это внучка Джаспера Фаунтина. Она собирается выйти замуж за Фрэнка. Чудесная пара. Но я забыла поздравить вас. Или, наверное, мне нужно поздравить одного Фрэнка? Уж и не знаю.

Эмберли обернулся с клейкой лентой в руке.

— Тетушка Марион, вы в самом деле ведьма!

— Совсем нет, Фрэнк. Это очевидно. Все помолвленные пары выглядят одинаково. Фелисити, передай сюда поднос с едой и бургундское.

— Я очень голодна, — сказала Ширли, — но, пожалуйста, не нужно бургундского, леди Мэттьюз. Мистер Эм... то есть Фрэнк, спасая меня сегодня, влил мне в горло целую кварту бренди. Так что я не смогу больше выпить.

— Это было два часа назад. Выпей, как тебе говорят, — сказал Эмберли. — А потом отправишься в постель. Да, тетя Марион?

Фелисити, которая успела сходить в свою комнату, подошла к Ширли и взяла ее за руку.

— Пойдем, — сказала она. — Мы с тобой примерно одного роста. Тебе нельзя дольше оставаться в этих одеждах. Мне больно смотреть на тебя.

— Она отправляется в постель, — сказал Эмберли.

Ширли поднялась, с благодарностью посмотрев на Фелисити.

— И не подумаю. Когда мы ехали домой, я всю дорогу спала и поэтому совсем не устала, но с удовольствием переоденусь.

— Тебе кажется, что ты не устала, — сказал Эмберли, — но...

— О Фрэнк, замолчи! — перебила его сестра. — Какой сон, когда пока тут так интересно. Пойдем, Ширли, не обращай на него внимания.

Мистеру Эмберли пришлось сдаться.

Через десять минут к дому подъехала еще одна машина, и Дженкинс с выражением покорности судьбе на лице доложил о приезде Фрейзера.

Настроение инспектора сменялось то раздражением на Эмберли, который, как оказалось, все время держал его в неведении, то радостью по поводу предстоящего ареста. Держась строго и весьма официально, он воспользовался возможностью выразить свое мнение о том, что расследование велось без соблюдения установленного порядка. Затем повернулся к Эмберли, стоящему у камина и просматривающему вечернюю газету, и спросил, не желает ли он вместе с полицейскими поехать в «Нортон Мэнор».

— С полицейскими в «Нортон Мэнор»? — переспросил Эмберли. — За каким дьяволом?

— Принимая во внимание ваш большой вклад в расследование, — выдавил из себя инспектор, — я подумал, что вы, возможно, захотите участвовать в аресте преступника.

Мистер Эмберли бархатным голосом ответил:

— Я не сомневаюсь, что вы сумеете сделать из ареста черт знает что. Но, однако, моему усердию в работе на полицию есть предел. Я раскрыл вам это преступление, теперь уж сами доводите дело до конца.

Инспектор ощутил прилив негодования, но сдержался и, сопровождаемый строгим взглядом сэра Хэмфри, вышел из комнаты.

Когда девушки снова спустились вниз, в гостиной уже был накрыт стол с ужином для Ширли. По блестящим от возбуждения глазам Фелисити было ясно, что она уговорила Ширли рассказать ей всю историю. Она одолжила Ширли свое самое новое платье. Было очевидно, что она полностью одобряет ее помолвку.

Через три четверти часа в «Грейторне» вновь услышали, как к парадному входу подъехала машина. Ширли только что покончила с ужином и заявила, что теперь у нее хватит сил для участия в разговоре. Сэр Хэмфри выразил необычное для него горячее желание узнать обо всем, что произошло с момента убийства Доусона. Даже леди Мэттьюз обратилась к Фрэнку с той же просьбой. Она сказала, что пока для нее все это похоже на головоломку, которая никак не складывается из отдельных разрозненных кусочков.

Вновь услышав шум мотора, сэр Хэмфри раздраженно сказал:

— Когда-нибудь они оставят нас в покое?

— Должно быть, это инспектор, — предположил Эмберли. — Он не любит меня, но, видимо, на всякий случай решил уведомить, что арест произведен.

Это, однако, оказался не инспектор, а мистер Энтони Коркрен, прибывший в сопровождении сержанта Габбинса.

— О? — удивился Эмберли. — Что еще?

Энтони был не в себе.

— Боже! — сказал он. — Извините, леди Мэттьюз! Но я потрясен. Послушай, Эмберли, это ужасно! Особенно для Джоан. Настоящий кошмар! Я оставил ее с домоправительницей, а мне нужно срочно вернуться в «Мэнор». Вам все расскажет сержант. Он пустил себе пулю в лоб!

На какое-то время все застыли в молчании. Затем Эмберли начал набивать свою трубку.

— Я так и думал, что Фрейзер превратит этот черт-те во что, — прокомментировал он полученные известия. — Что все-таки случилось, сержант?

Леди Мэттьюз мягко сказала:

— Присаживайтесь, сержант. Вы, наверное, очень устали. Может быть, все к лучшему. Не будет скандала. Ведь речь идет о Бэзиле Фаунтине?

Сержант поблагодарил ее и сел на краешек стула, держа в руках свою каску. Фелисити тут же отобрала у него каску и положила на стол. Ее он тоже поблагодарил, но теперь уже он явно не знал, что ему делать со своими руками и куда их положить.

— Ближе к делу! Что случилось? — нетерпеливо спросил Эмберли.

— То, что сказал мистер Коркрен, сэр. Инспектор испортил все дело.

— То-то, я смотрю, вид у вас довольный. Послушайте, сержант, никто не утащит вашу каску. Перестаньте все время смотреть на нее. Все же — что произошло?

Сержант глубоко вздохнул.

— Так вот, сэр, мы поехали в «Мэнор». Инспектор, я и двое констеблей. Нам открыл дверь человек по фамилии Бейкер, которого вы знаете.

— Как его настоящая фамилия, Фрэнк? — спросила леди Мэттьюз. — Я что-то не могу припомнить.

— Петерсон. Но я не предполагал, что вы его когда-либо видели, тетушка?

— Да, милый. Я как-то заезжала к тебе на лондонскую квартиру, а ты куда-то отлучился. Я никогда не забываю лица. Простите, я вас, кажется, перебила, сержант.

— Ничего страшного, — ответил сержант. — Итак, мы прибыли в «Мэнор», и этот Петерсон провел нас в библиотеку, где находились мистер Фаунтин и мистер Коркрен. Мистер Фаунтин был явно сам не свой. Инспектор предъявил ему ордер на арест по обвинению в попытке совершить убийство мисс Ширли Фаунтин, известной также под фамилией Браун. Фаунтин заморгал глазами от неожиданности, но в целом сохранял спокойствие. Я знаками показал инспектору, чтобы он быстренько надел на него наручники, но инспектор, к сожалению, не принял мои знаки во внимание и решил действовать по-своему. И вместо того, чтобы сначала нацепить на Фаунтина браслеты, а уж потом вести разговоры, он начал убеждать его, что игра проиграна. Настоящий пустозвон! Ну и, конечно, когда он рассказал, что молодую леди спасли, Фаунтин понял, что у него нет никаких шансов вывернуться. Странное дело, сэр, но, когда он узнал, что она жива, он, как мне показалось, вздохнул с облегчением. И, что меня удивило, он сказал при этом, что рад. «Я никогда не хотел этого. Меня вынудили обстоятельства. Я прошел через настоящий ад». И добавил еще: «Я готов идти с вами и чертовски рад, что все кончилось». Прошу прощения, миледи, я повторяю его слова. После этого он сказал: «Я хотел бы кое-что взять с собой», — и пошел к письменному столу. — Конечно, мне необязательно было вмешиваться, тем более при инспекторе, но я не мог сдержаться. «Стойте там, где стоите! — прокричал я. — Мы сами дадим вам то, что нужно». Но тут инспектор — чтоб мне сгореть, если это не так — только из-за того, чтобы поступить наперекор мне, разрешил Фаунтину взять все, что он захочет из вещей, находящихся в той комнате. А мне велел не лезть не в свое дело и не указывать ему. И это в присутствии двух констеблей. Но он еще пожалеет, когда обо всем узнает начальник полиции и будет выяснять, как все произошло.

— Таким образом, — продолжил сержант, — он позволил Фаунтину подойти к письменному столу. Любому глупцу было бы ясно, что случится дальше. Фаунтин открыл ящик стола, и не успел инспектор и глазом моргнуть, как он выхватил оттуда пистолет и выстрелил себе в голову.

— А в это время Джоан стояла в дверях и все видела, — дополнил мрачную картину Коркрен.

— Мне очень жаль, что так вышло, — сказал Эмберли.

— Мне тоже, — присоединилась к нему Ширли. — Я знаю, что Джоан Фаунтин не имеет ко всему этому никакого отношения, и не хочу, чтобы она страдала.

— Я надеюсь, — сказал Энтони доверительным тоном, — что после этого отвратительного зрелища у нее больше не будет переживаний. Вы же знаете, что Фаунтин был ей не родным братом, и они, в общем-то, никогда не ладили друг с другом. Конечно, что и говорить, она испытала жуткое потрясение, но, погодите, вот заберу я ее из «Мэнора»...

Тут ему в голову пришла неожиданная мысль.

— Послушайте, — обратился он к Ширли, — я полагаю, что Мэнор теперь принадлежит вам. Не так ли?

Ширли с некоторой неловкостью подтвердила его догадку. Лицо мистера Коркрена при этом просияло.

— Что ж, это великолепно, — сказал он. — Лично я терпеть не мог этот дом. Но теперь все пойдет хорошо. Однако я так и не разобрался в этой истории. Зачем понадобилось убивать Доусона и Коллинза? Какое они имеют к этому отношение? Прошу вас, сержант. Вы должны все знать. Не таитесь!

Сержант предложил мистеру Эмберли рассказать обо всем, но тот с необычной для него вежливостью попросил сержанта не скромничать.

Сержант закашлялся и с укором посмотрел на него.

— Я не слишком хороший рассказчик, сэр, — сказал он, — а, кроме того, для меня самого еще не все ясно в этой истории.

— Фрэнк нам все расскажет, — объявила леди Мэттьюз. — И принесите мистеру Коркрену что-нибудь выпить. И сержанту тоже. Или вам нельзя?

Сержант сказал, что не отказался бы от рюмочки, поскольку, собственно говоря, его дежурство кончилось вчера в шесть часов вечера.

Эмберли прислонился к камину и взглянул на Ширли, сидевшую на диване рядом с леди Мэттьюз.

— Боюсь, что не смогу рассказать вам всю историю, — сказал он. — Есть один или два момента, о которых нельзя рассказывать сержанту и моему дяде.

— Мой дорогой Фрэнк, умоляю, не говори ерунды! — раздраженно сказал сэр Хэмфри. — Почему мы не можем услышать всю историю целиком? Мы обязательно должны все узнать!

— Но я пока еще не решил. Рассказать вам все — это значит сознаться в некоторых незаконных действиях, в результате чего сержанту, возможно, придется арестовать еще двух лиц.

Сержант улыбнулся.

— Опять шутите, сэр. Я не знаю, что вы там сделали, но я всегда говорил и будут говорить, что мистер Эмберли — это бич божий для преступников.

— Х-мм! — промычал в ответ Эмберли.

Сержант, готовый пойти на сокрытие преступления, лишь бы не оставаться в неведении, еще раз напомнил, что он находится здесь не в рабочее время и не по долгу службы.

— Что бы вы ни рассказали сейчас, сэр, дальше никуда не пойдет, — заверил он.

— Очень хорошо, — сказал Эмберли и, взяв в рот трубку, сделал хорошую затяжку.

— Вернемся к самому началу. — Он достал из кармана сложенное вдвое завещание. — Все началось два с половиной года назад, 11 января, когда Джаспер Фаунтин составил новое завещание. Вот оно. Оно было написано им лично и засвидетельствовано его дворецким Доусоном и его камердинером Коллинзом. По этому завещанию его состояние должен был наследовать его внук Марк, а в случае смерти последнего — внучка Ширли. Можно предположить, что Джаспер Фаунтин лишь незадолго до того узнал об их существовании. А может быть, он по какой-либо причине изменил свои прежние намерения. Для нас это несущественно. Основную часть своего имущества он завещал Марку Фаунтину, оставив лишь сумму в десять тысяч фунтов своему племяннику Бэзилу, который, в соответствии с прежним завещанием наследовал все состояние. Я узнал, что Джаспер Фаунтин умер через пять дней после составления этого завещания, и этим объясняется тот факт, что оно не заверено юристом. Джаспер Фаунтин, очевидно, боялся, что вот-вот умрет. Я не знаю, что было сделано с завещанием; ясно одно, что

после кончины Фаунтина им завладели два его свидетеля. Я опять же не знаю, сразу ли они разорвали его на две части или это было сделано позже. Так или иначе, это было сделано, и камердинер получил в свое распоряжение одну половину, а дворецкий — другую. Бэзил Фаунтин наследовал состояние покойного в соответствии со старым завещанием, а двое этих мерзавцев, владея новым завещанием, стали его шантажировать.

Мистер Эмберли, замолк и снова посмотрел на Ширли.

— Пожалуйста, расскажи нам, как Доусон вышел на тебя, — попросил он.

— Я думаю, что он боялся Коллинза, — ответила Ширли. — Коллинз хотел заполучить себе и вторую половину. Доусон показался мне довольно робким человеком, которому трудно было справляться с ролью шантажиста. Я не знаю, как он нашел нас, — Ширли покраснела. — Видите ли, мой отец был... не слишком уважаемым человеком. Когда он умер, мать переехала из Йоханнесбурга и взяла фамилию Браун. Марк и я жили под этой фамилией и после ее смерти. Под этой же фамилией мы вернулись в Англию. Я не могла гордиться нашим настоящим именем, а Марка это не слишком волновало. Тем не менее, Доусон нашел нас и написал Марку письмо. Это было в высшей степени загадочное письмо с намеками на существование завещания в его пользу и предупреждением о всякого рода опасностях. Это письмо в настоящее время лежит в моем банке. Я решила, что будет лучше сохранить его. Марк считал, что все это обман. Я придерживалась другого мнения. Я приехала в Верхний Неттлфорд и стала наводить справки о свободных помещениях для жилья. В это время сдавали «Плющевый коттедж», и я сняла его. Он меня вполне устраивал в связи с... в связи с привычками Марка. Я велела Марку написать письмо Доусону с просьбой о встрече. Это письмо напугало Доусона. Он не хотел, чтобы мы находились здесь; это было слишком опасно. Однажды он появился у нас в коттедже до смерти испуганный, что его кто-нибудь увидит, и больше никогда не приходил. Он сообщил нам примерно то же самое, что вы только что услышали от Фрэнка. Доусон хотел выпутаться из этого дела. Я думаю, что он боялся не столько полиции, сколько Коллинза. Он предложил нам купить его половину завещания.

Ширли прервалась и посмотрела на сержанта.

— Конечно, я знала, что, вступая с ним в переговоры, нарушаю закон, но я не могла обратиться в полицию, потому что завещание было разорвано пополам, а если бы Коллинз проведал об этом, он немедленно уничтожил бы вторую половину.

— Да, действительно, мисс, вы были в затруднительном положении, — согласился сержант,avorоженно слушая рассказ Ширли.

— Беда была в том, — продолжила Ширли, — что он запросил огромную сумму, которую мы могли бы добыть, только вступив во владение состоянием деда. Получался замкнутый круг, но в конце концов мы достигли компромисса, и Доусон согласился поверить нам. Я думаю, он боялся, что, если будет долго раздумывать, мы обратимся в полицию. Он должен был встретиться с Марком на дороге в Питтингли в свободный от работы вечер и передать ему свою половину завещания. Мне казалось, что половина лучше, чем ничего. Взамен Марк должен был дать ему обычную расписку на пять тысяч фунтов.

— Минутку, мисс! Присутствовал ли ваш брат при убийстве Доусона? — спросил сержант.

— Сержант, вы, кажется, забыли, что вы здесь в нерабочее время, — напомнил мистер Эмберли. — Мы как раз вплотную подошли к моему собственному недопустимому поведению. Помните, я говорил вам, что не уверен в том, что я на вашей стороне?

— Помню, сэр, — сказал сержант, глаза у которого округлились.

— Я сообщил вам, — продолжал Эмберли, — что обнаружил труп убитого человека в автомобиле марки «остин» седьмой модели на дороге к Питтингли. Но я не рассказывал вам о том, что, кроме того, я обнаружил стоящую на дороге у машины мисс Ширли Фаунтин.

У сержанта отвисла челюсть.

— Мистер Эмберли, сэр! Это же сокрытие важных улик!

— Именно так. Но если бы я рассказал об этом, то скорее всего Фрейзер добился бы того, чтобы Ширли повесили за убийство. Теперь, я думаю, вы понимаете, почему это весьма заурядное преступление так заинтересовало меня. Когда Ширли нашла Доусона, он был еще жив. Ведь так, Ширли?

— Да, он был еще жив и узнал меня. Но он не взял с собой свою половину завещания. Возможно, хотел выжать из нас побольше денег. Однако он смог сказать мне, где оно находится. Затем появился мистер Эмберли.

— Вы хотите сказать сэр, — снова вступил в разговор сержант, — что знали об этом завещании и обо всем остальном с самого начала и ничего нам не сказали?

— Я знал не все. Точнее сказать, я ничего не знал, но заинтересовался. Единственное, что я знал, это то, что преступление было совершено с целью ограбления. Когда я понял, что убитый Доусон — дворецкий Фаунтина, то понял, что вряд ли речь может идти о деньгах, а поскольку в «Мэноре» не пропало ничего ценного, можно было с уверенностью предположить, что охотились за каким-то документом. Я познакомился с Бэзилем Фаунтином. Во время моего первого визита в «Мэнор» у меня возникли подозрения против Коллинза. Слишком уж явно он пытался подслушать то, что я рассказывал. У меня не было ни малейшего представления о том, какая связь может быть между ним и Фаунтином, но я был уверен, что такая связь существует. Фаунтин знал, что Коллинз подслушивает под дверью, но не хотел, чтобы мы догадались об этом. Кроме того, я отметил для себя, что алиби Коллинза основано на показаниях одного лишь Фаунтина. Уже достаточно заинтригованный, я решил собрать хотя бы предварительные неупорядоченные сведения о Фаунтине. Еще прежде, чем у меня возникли подозрения о его причастности к убийству, вы, тетюшка Марион, сказали мне, что он вам не нравится. А я с большим уважением отношусь к вашему чутью. Ты, Фелисити, сообщила, что он всегда ворчит из-за денег и даже устроил скандал по поводу расходов на карнавальный платье Джоан. Когда я познакомился с ним, мне показалось, что это не очень-то вяжется с широтой его натуры и экстравагантностью. Фаунтин принадлежал к тому типу людей, которым нравится тратить деньги. В общем, создавалось впечатление, что он сильно нуждается в деньгах. Но почему? Он имел достаточно большое состояние. От тебя, Энтони, я узнал, что Фаунтин не любит излишеств. Ты очень подробно описал мне его как любителя спорта и здорового образа жизни. А еще ты рассказал, что, хотя они с Джоан никогда особенно не ладили, но, тем не менее, внешние отношения между ними были довольно хорошими до тех пор, пока он не вступил во владение состоянием своего дяди.

— Я вижу, что снабдил тебя уймой ценных сведений, — заметил Энтони.

— Так оно и есть. Именно благодаря тебе я узнал, что он любит море. Ты описал мне его домик в Литтлхэйвене и его превосходную моторную лодку, на которой можно даже переплыть Ла-Манш. В то время эти сведения были для меня бесполезны. Они понадобились позже. Ты также рассказал, что Фаунтин уговаривал тебя остаться в «Мэноре», как ты полагал, из страха. Ему не хотелось оставаться там одному. Можно было попытаться объяснить это его общительностью. Но с другой стороны напрашивалась мысль о том, что присутствие гостей в доме каким-то образом защищает его. Так оно и было. Пока ты и Джоан находились там, Коллинзу приходилось действовать осторожно. Фаунтин начал бояться его. Он знал, что Коллинз убил Доусона, однако, не осмеливался говорить об этом из страха, что Коллинз в ответ предъявит настоящее завещание. Фаунтин не сомневался, что после убийства Доусона Коллинз завладел полным текстом завещания. Тот факт, что Фаунтин тогда не прикончил Коллинза, я уверен, объясняется тем ужасом, который охватывал его при виде смерти. Если ты помнишь, Энтони, мисс Фаунтин говорила об этом во время моего первого посещения «Мэнора». Фаунтин не мог выносить самой мысли о мертвом теле, даже если речь шла о мертвом щенке.

— После судебного следствия вы, сержант, рассказали мне, что у Доусона водились деньги. Для вас это было необъяснимой загадкой. Тогда-то мне в голову и пришла мысль, что Фаунтина, возможно, шантажируют. Однако до карнавальной ночи в «Мэноре» у меня не было никакого представления о том, каким образом Ширли может быть связана с этими людьми. Ширли тогда пришла на карнавал без приглашения в костюме итальянской поселянки.

— Боже мой! Это была ты? — воскликнула Фелисити. — А мы с Джоан ломали голову над тем, кто бы мог это быть. Ведь тебя не было, когда снимали маски. Ты даже не представляешь себе, как нас заинтриговала!

— Умерь свои эмоции, моя дорогая! — сказал мистер Эмберли. — Оpozнав в костюме Контадины Ширли, я решил последить за ней. У меня было предчувствие, что она явилась туда незваной гостьей не ради развлечения. Было ясно, как дважды два, что она воспользовалась

возможностью проникнуть в «Мэнор», преследуя какую-то определенную цель. Кое-что мне объяснил Рейнолдс.

— Кто-кто, сэр? — спросил сержант.

— Картина Рейнолдса, висевшая в коридоре, — женский портрет, написанный в конце восемнадцатого века. Сходство с Ширли просто потрясающее. Когда я рассматривал этот портрет, ко мне подошел Фаунтин, и из сказанного им тогда я понял, что ему пока неизвестно, что Ширли и Марк находятся поблизости. Его не слишком интересовал портрет, однако, он сказал, что изображенная на нем женщина имеет фамильную черту — густые брови. Он предположил, что это его прабабушка, и отослал за более подробной информацией к домоправительнице. Таким образом, я владел следующими фактами: дворецкий Фаунтина был застрелен с целью ограбления; некая таинственная леди с неоспоримыми признаками фамильного сходства с членами семьи Фаунтинов инкогнито присутствует на маскараде; Джаспер Фаунтин имел сына, который затем умер и которого он лишил наследства за его пристрастие к спиртным напиткам. Марк Браун также был пьяницей. Это, конечно, не могло служить доказательством, но все же совпадение было любопытным. — Эмберли прервался, насыпал в трубку новую порцию табака и немного спрессовал ее пальцем. — Теперь перейдем к описанию крайне предосудительных походов мисс Ширли Фаунтин. Доусон успел сказать ей, что его половина завещания спрятана в высоком комод, и Ширли пришла на карнавал, чтобы найти ее. Однако ее поискам воспрепятствовало появление Коллинза, который с живым интересом наблюдал за ней. Получилось так, что им пришлось вместе отойти от того самого комода, который стоял в коридоре, ведущем к картинной галерее, и спуститься вниз. Это был неудачный момент, не так ли, Ширли?

— Все из-за тебя! — ответила она.

Он засмеялся.

— Сама виновата, моя дорогая. Так вот, когда они удалились, я исследовал комод и нашел в его ящике половину завещания. На ней была видна часть подписи Джаспера Фаунтина и почти целиком читались подписи двух свидетелей. Имена наследников были указаны на другой половине, но, несмотря на это, суть дела становилась ясной.

Через некоторое время Ширли вернулась к комоду. Обнаружив, что завещание исчезло, она решила, что Коллинз опередил ее. Так?

— Конечно, — ответила она, — что еще я могла подумать?

— А дальше было следующее, — продолжил Эмберли. — Коллинз, который через несколько минут пришел за второй половиной завещания, естественно, предположил, что Ширли перехитрила его. Возникла интересная ситуация: оба думали друг на друга, и оба ошибались.

— Так оно и было, — подтвердила Ширли. — Но почему ты не сказал мне, что половина завещания у тебя?

— Девочка моя! Поскольку у меня в руках уже был этот обрывок бумаги, ты лишь немного могла прибавить к тому, что я уже знал. На самом деле было намного лучше, чтобы ни ты, ни Коллинз не знали, у кого на самом деле находится завещание. Фокусы, которые выделывали вы с Марком, были для меня намного полезнее того доверия, которое вы так и не осмелились мне оказать. Существовала и еще одна проблема, которую мы также решали каждый по-своему. Я продолжаю свой рассказ. На следующий день меня посетил полковник Уотсон, и я согласился принять участие в расследовании этого дела. Теперь у меня в руках были все основные нити. Я знал о существовании более позднего завещания, которое кое-кому очень хотелось заполучить. Видя твоё, Ширли, стремление во что бы то ни стало добыть его, я сделал вывод, что оно составлено в вашу пользу. Притязания Коллинза подтвердили мое подозрение о том, что он шантажирует Фаунтина. Логично было предположить, что вторая часть завещания находится у него. Прежде всего нужно было точно установить, кто такие вы с Марком, но основная проблема состояла в том, как получить вторую половину. При этом не было никакого смысла обращаться за помощью к полиции; обрывок незаверенного завещания не мог стать достаточным основанием для действий полиции. Я поехал в Лондон, где дал указания своему сотруднику Петерсону попытаться устроиться в «Мэнор» на вакантную должность дворецкого и снабдил его фальшивым рекомендательным письмом. Я припоминаю, что из-за вас, сержант, ему пришлось пережить несколько неприятных минут.

— Да, уж! — глубокомысленно сказал сержант.

— Так вот. Я полагал, что ему, возможно, удастся обнаружить место, где спрятана вторая половина завещания, но главной моей целью было внедрить в «Мэнор» человека, который следил бы за всеми передвижениями Фаунтина. Я понимал, что рано или поздно Фаунтин узнает, кто такие обитатели «Плющевого коттеджа», и тогда может произойти все, что угодно. Кроме того, будучи в Лондоне, я заехал в редакцию газеты «Таймс», чтобы отыскать в старых подшивках объявление о смерти отца Ширли. Это был единственный случай на моей памяти, когда сведения, полученные от тети Марион, оказались не совсем точными. Тетушка, у вас ужасная память на даты! Этот человек скончался не три, а целых пять лет назад.

— О, это, наверное, было утомительно для тебя, мой мальчик, — извиняющимся тоном сказала леди Мэттьюз.

— Пожалуй, что так, но все же я разыскал это объявление и записал йоханнесбургский адрес покойного. Затем я послал телеграмму в справочное агентство в Йоханнесбурге, чтобы выяснить, есть ли у него наследники, и, если есть, то где они проживают. Кроме того, чтобы быстрее все разузнать, я обратился в частное сыскное бюро в Лондоне с просьбой найти и представить мне сведения о Марке и Ширли Браун.

Вернувшись в «Грейторн», я нашел там тебя, Энтони. Ты, хотя и неохотно, все же сообщил мне кое-что ценное. От тебя я узнал, что Фаунтин получил письмо от фирмы, занимающейся частным сыском, которое очень расстроило его. Это могло означать только одно: он тоже пытался навести справки о детях своего двоюродного брата и их местонахождении. Его огорчение говорило само за себя. Фаунтин, несомненно, узнал, что Марк и Ширли находятся уже в непосредственной близости от него. На следующий день ты мне рассказал о ссоре Фаунтина с Коллинзом. Видимо, он пришел к заключению, что Коллинз пытается перехитрить его. События начинали развиваться очень стремительно. Беда заключалась в том, что, пока Коллинз владел своей частью завещания, в которой указывались имена наследников, было чрезвычайно трудно что-нибудь предпринять. Проведя небольшую сыскную работу, я заехал к тебе, Ширли. При этом произошло удачное совпадение. Ты, считая, что Коллинз теперь обладает обеими половинками завещания, решила попытаться приобрести их и пригласила его в «Плющевый коттедж». Он пришел, полагая, что у тебя находится половина Доусона, и что, имея ее, ты можешь испортить ему игру. Я видел, как он выходил из коттеджа. Я представляю себе, что и ты, и Коллинз оба, по всей видимости, вели разговор в туманных выражениях, поскольку в итоге никто из вас двоих так и не понял, что у другого нет пропавшей половины.

Ширли печально улыбнулась.

— Так все и происходило. Мы даже не упоминали слово «завещание».

— Было бы очень интересно послушать вас тогда, — сказал Эмберли, продолжая свой рассказ. — Когда Коллинз покинул коттедж, там появился я. Помнишь, я сказал тебе тогда, что получил ту информацию, за которой приходил. Это была правда. Я удостоверился в том, что вы приехали из Южной Африки, и в этом мне помогли ваш ковер из шакальих шкур и акцент твоего брата. Конечно, мои наблюдения нельзя считать доказательствами, но для начала этого было достаточно.

Следующий ход в игре сделал Фаунтин, который позвонил и попросил меня приехать к нему. Надо сказать, что он остерегался меня. Он нервничал и пытался повлиять на естественный ход событий. Фаунтин старался направить меня по ложному следу, придумав крайне неправдоподобную историю о Доусоне, которая должна была объяснить, откуда у дворецкого оказались деньги. Эта выдумка сослужила мне хорошую службу. Я пересказал эту историю инспектору, она его очень заинтересовала. Фрейзер пошел по ложному следу и был таким образом обезврежен.

В то время, когда я находился в «Мэноре», там произошел переполох. Пьяный Марк Фаунтин явился туда, чтобы заставить Коллинза под угрозой смерти отдать завещание. Этим он поставил Коллинза в очень неловкое положение.

— Боже мой! Поэтому-то он и уговаривал Бэзила отпустить парня? — спросил Коркрен.

— Да, поэтому. А так как Фаунтин, который, не зная в лицо Марка, хотел все же вызвать полицию, Коллинз был вынужден раскрыть его инкогнито. Если ты помнишь, он произнес: «Молодой джентльмен из 'Плющевого коттеджа'», и Фаунтин сразу все понял. Этот случай

подтвердил мою догадку о письме из сыскного бюро. В целом все складывалось очень удачно, но идиотское поведение Марка создавало серьезные трудности. Не могу сказать, что я и вправду ожидал, что Фаунтин попытается убить его. У меня не было оснований предполагать, что он сможет пойти на убийство, однако, такая вероятность была, и ею нельзя было пренебрегать. Я добился того, что Марка взяли, под наблюдение, причем так, чтобы это было достаточно заметно со стороны. Здесь я совершил ошибку. Если Фаунтин будет знать, думал я, что за парнем следят, он не решится на убийство. Фаунтин был явно недоволен, но не отказался от своей затеи. Я специально посетил «Мэнор» и лично сообщил ему, что к Марку приставили полицейского. Заодно я воспользовался случаем, чтобы убедиться, что Петерсон благополучно исполняет роль дворецкого.

В тот вечер я получил ответ на мою телеграмму из Йоханнесбурга. Больше сомнений относительно того, кто такие Ширли и Марк, у меня не оставалось. Я решил увидеться с сержантом Габбинсом и попросил его усилить наблюдение за Марком. К сожалению, я опоздал. Когда я находился в отделении полиции, пришло известие о смерти Марка.

Эмберли прервал свою речь и посмотрел на Ширли.

— Тебе, наверное, тяжело слушать об этом?

— Продолжай, — кратко ответила она.

— Марк, — продолжил Эмберли, — упал в реку не с пьяных глаз. Да, конечно, он был пьян, и даже очень пьян, но он упал не сам. Его толкнули, а будучи пьяным, он утонул. Это преступление было спланировано настолько умно, что вряд ли Фаунтин что-нибудь еще придумывал так удачно. Пристрастие Марка к спиртному было в Верхнем Неттлфолде притчей во языцех. Многие уже давно считали удивительным, что он до сих пор не свалился в реку. Было также хорошо известно то обстоятельство, что в это время года туман, покрывающий весь Уильд, после наступления темноты становится особенно густым в той низине, где дорога спускается к реке Неттл. Фаунтин верил в свою удачу, а, может быть, он просто знал о том, что Такер не ходит за Марком по пятам. Косвенную ответственность за смерть Марка несет инспектор Фрейзер. Это он дал Такеру понять, что ему поручили совершенно никчемное дело лишь для того, чтобы удовлетворить мою прихоть.

Сержант кашлянул.

— Я надеюсь, что вы сообщите об этом начальнику полиции, сэр.

— Сообщу, сержант. Только, пожалуйста, не перебивайте меня. Фаунтин говорил, что он в тот день собирался поехать в Лондон. Может быть, он и в самом деле ездил туда. Я уверен, что, если бы ему не повезло сразу, он повторил бы попытку на следующий день. Но ему повезло. Все получилось так, как он и предполагал. Он, видимо, оставил свою машину на одной из боковых дорог, отходящих от шоссе, спрятался и поджидал Марка в том месте у реки, где туман был наиболее густым. И когда Марк появился, Фаунтину оставалось только толкнуть его в реку. Фаунтин не очень силен, но здесь и не нужно было большой силы. Река в этом месте достаточно глубока. Пьяный Марк не смог самостоятельно выбраться из воды и утонул.

— А если бы вдруг он не утонул? — сказал Энтони.

— Конечно, для Фаунтина это было бы менее приятно, но большой опасности в этом для него не было. Если бы Марк стал говорить, что кто-то толкнул его в воду, ему бы просто не поверили.

— Ты бы поверил.

— Возможно, но, хотя Фаунтин относился ко мне с подозрением, он не догадывался, насколько я продвинулся в своем расследовании. Нет, план был достаточно безопасен, и он сработал. Коллинз пришел на помощь слишком поздно, когда спасти юношу было уже нельзя, хотя, несомненно, он прилагал нечеловеческие усилия, пытаясь сделать это. С того момента, как Фаунтин узнал о том, что настоящие наследники находятся в Верхнем Неттлфолде, Коллинз был начеку. Он знал Фаунтина лучше, чем я. Помните, сержант, придуманную им историю с портсигаром? Она была абсолютно лживой, но, возьму на себя смелость сказать, что мисс Фаунтин подтвердила бы ее. Я прав, Ширли?

Ширли кивнула.

— Я была полностью в его власти и не стала бы уличать его во лжи, поскольку думала, что завещание в его руках. Отчасти поэтому я и не могла довериться тебе. Он с самого начала подозревал, что ты знаешь намного больше, чем полиция.

— И поэтому ты не осмелилась довериться мне! Большое спасибо. На следующий день после убийства Фаунтин приехал ко мне в «Грейторн». Свой визит он объяснил желанием узнать о роли Коллинза в последнем событии, но на самом деле он приехал выведать, что я об этом думаю, а, кроме того, узнать, останется ли Ширли в «Плющевом коттедже». Я дал ему понять, что подозреваю Коллинза, и сказал, что Ширли остается в коттедже. Поскольку он уже убрал Марка, я предполагал, что теперь он сделает попытку убить Ширли. Я придумал, как застать его на месте преступления и арестовать. И мне бы все это прекрасно удалось, если бы не добрые намерения Коркрена, которые сочетались у него с весьма бестолковыми действиями. Когда мы с Ширли приехали в коттедж за ее вещами, я воспользовался такой возможностью, отодвинул задвижку на задней двери и похитил от нее ключ. Затем, оставив Ширли в «Кабаньей голове», я вернулся в «Грейторн» и, позвонив Петерсону, приказал не спускать глаз с Фаунтина и сразу сообщить мне, если он ночью выйдет из дома. Помнишь, Фелисити, во время этого разговора ты вошла в комнату и сказала, что я не умею вежливо разговаривать по телефону? Петерсон позвонил мне сразу после полуночи и сообщил, что Фаунтин уехал на велосипеде. Я сразу же связался с вами, сержант, после чего мы поехали в «Плющевый коттедж» и стали там поджидать Фаунтина. Но, когда наш план поимки с поличным уже был близок к осуществлению, Коркрен поднял шум, а это позволило Фаунтину скрыться через заднюю дверь. Энтони получил от меня хорошенький нагоняй. Преследовать было глупо, поскольку обвинить его можно было только в том, что он забрался в чужой дом. Забавно то, что Фаунтина выслеживал не только Коркрен, но и Петерсон, который видел их отъезд и последовал за ними. Так что рвения было предостаточно, хотя необходимости в нем не было. Петерсон не узнал Коркрена и, опасаясь, что вместо одного преступника мне неожиданно придется иметь дело с двумя, решил прийти мне на помощь. Я видел его, когда запирали заднюю дверь. Он хотел подойти и переговорить со мной, но, заметив тебя, Энтони, тактично ретировался.

Это была первая попытка Фаунтина убить Ширли.

Я думаю, он хотел инсценировать самоубийство. Дескать, девушка покончила с собой, не перенесла смерти брата. Идея была неплоха. Таким образом, я дал вам, сержант, ключ к разгадке. И был уверен, что вы о многом догадаетесь.

Я сказал вам, что человек, забравшийся в коттедж, не знал, что у его хозяйки есть бультерьер. Коллинз знал об этом, потому что он бывал там раньше. Так что, сержант, вы меня опечалили и разочаровали.

— Ничего себе ключ, сэр, — с горечью ответил сержант. — Десятки людей ничего не знали про этого бультерьера.

— Но Коллинз знал, — сказал мистер Эмберли.

— Да, сэр, и именно поэтому я перестал его подозревать, — сказал сержант и принялся сверлить Эмберли взглядом, который, как он полагал, имеет гипнотическое действие.

— Прекратите, сержант, — сказал Эмберли. — Вы понапрасну растрчиваете свою психическую энергию.

Он положил трубку на камин, а руки засунул в карманы брюк.

— Теперь ваш черед, дядюшка Хэмфри.

— Что такое? — удивился сэр Хэмфри.

Эмберли с веселыми искорками в глазах посмотрел на него.

— Да-да, сэр. Вы пошли к Фаунтину поговорить о браконьерах, а вышли, имея при себе недостающую половину завещания.

— Черт возьми, Фрэнк! Какую чепуху ты несешь!

— Коллинз спрятал ее, — невозмутимо продолжал Эмберли, — в обложке той книги, которую вы взяли почитать. Интересно, видел ли Коллинз, как вы брали эту книгу?

— Да! — воскликнула Фелисити. — Видел и теперь я понимаю, почему он очень хотел под каким-либо предлогом взять ее из папиных рук. Он предлагал смахнуть с нее пыль, обернуть ее, но папа не захотел.

— Таким образом, ему ничего не оставалось, как совершить налет на «Грейторн», — сказал Эмберли. — Но, поскольку дядя взял книгу с собой в постель, попытка провалилась. Когда я размышлял над этим очень странным взломом, то долго ничего не мог понять. Подсказка пришла от тети Марион. Она удивилась, увидев разбросанные книги. Я сразу же подумал, что завещание

должно быть в той книге, которую вы взяли почитать, но, когда по моей просьбе принесли «Литературные курьезы», никаких следов завещания в них обнаружить не удалось. Ни вы, дядя, ни Фелисити не вспомнили, что оставляли эту книгу на несколько минут в руках Ширли. Это было непростительной ошибкой.

На следующее утро мне позвонил Петерсон и сообщил, что какая-то женщина, по всей вероятности, Ширли Фаунтин, разговаривала по телефону с Коллинзом.

— Помню, помню — перебил его Кокрен. — Я рассказал об этом Бэзилу, и он очень рассердился.

— Ясное дело. Именно поэтому он в этот вечер как тень следовал за Коллинзом, точно так же, как я шел по пятам за Ширли. Она договорилась встретиться с Коллинзом в павильоне у пруда. Этот день для меня был очень напряженным. Встреча состоялась. Фаунтин тоже пришел туда, кроме него, там мелькал еще и Петерсон, который не спускал с него глаз. Если бы Фаунтину удалось встретиться с Ширли, я думаю, он убил бы ее на месте. К счастью, увидеть ее удалось не ему, а мне. Но эта встреча послужила для Фаунтина толчком.

Если Коллинз хочет перехитрить его, то от Коллинза нужно избавиться. И хороший способ подсказал ему не кто иной, как мой дядя.

Сэр Хэмфри чуть не подпрыгнул на своем стуле.

— Я?

— Да, сэр, вы. Я имею в виду ваши разговоры о браконьерах. Я не виню вас, я даже полагаю, что вы сделали хорошее дело. У меня нет сомнений, что Коллинз убил Доусона, но доказать это было бы очень трудно. Прежде чем Фаунтин смог осуществить свой замысел, Коллинз предпринял вторую попытку вернуть обратно злополучную книгу. Попытка была дерзка, но оказалась успешной. В это же самое время Петерсон старательно, но совершенно безуспешно просматривал книги в библиотеке «Мэнора». Я уже начинал отчаиваться. Пропала половина завещания, и было непонятно, где ее искать. Если бы она по злому случаю попала Фаунтину в руки, он, несомненно, ее немедленно бы уничтожил. Я испытал большое облегчение, когда Коллинз, обнаружив, что его части завещания больше нет там, где она лежала, подумал, что она попала ко мне, и решился обыскать мою комнату. Это свидетельствовало о том, что и у Фаунтина нет этой половины. В противном случае он обязательно позаботился бы, чтобы Коллинз узнал об этом. Когда Коллинз возвращался из «Грейторна» в «Мэнор». Фаунтин застрелил его. Нам с вами, сержант, Фаунтин сказал, что весь вечер просидел в библиотеке и писал письма.

Здесь Фаунтин опять немного перестарался. Он не удержался и той же ночью позвонил в полицию. Повод для этого он нашел вполне подходящий. Но я никогда не доверял правдоподобным объяснениям. Петерсон сообщил мне, что Фаунтин тщательно обыскал комнату Коллинза, но ничего не обнаружил. Я полагаю, вы, сержант, обратили внимание на слова Фаунтина о том, что он ничего не нашел, когда задавали ему вопросы.

— Да, сэр, — сказал сержант. — Я сразу обратил на это внимание.

— Сержант, с вашими способностями вам нечего делать в Верхнем Неттлфолде, — сказал Эмберли.

— Что ж, сэр, пожалуй, я не возражал бы против того, чтобы поменять место работы, — ответил явно польщенный сержант.

— Я бы на вашем месте попробовал себя на сцене, — порекомендовал Эмберли.

Озадаченный сержант задумался, а Эмберли продолжал:

— Фаунтин невольно начал выдавать себя. Он превращался — и это совершенно естественно — в настоящего сумасшедшего. Вместо того, чтобы как можно меньше рассказывать и запутывать Фрейзера, он попытался изменить свои прежние показания. Не успел он избавиться от Коллинза, как тут же начал подвергать сомнению его алиби по убийству Доусона. Это был явный перебор. До того момента он отказывался верить в то, что Коллинз мог совершить преступление, и не хотел увольнять его, несмотря на явную к нему неприязнь. Но, устранив Коллинза, он сразу сказал нам, что утром того же дня выдал Коллинзу предупреждение об увольнении. Если вы помните, сержант, когда мы с вами уезжали из «Мэнора», вы спросили, дало ли мне что-нибудь это посещение, и я ответил, что отметил один или два важных момента. Именно о них я сейчас и рассказал.

Первоначальная скованность сержанта уже прошла, и он заметно осмелел.

— И вы сразу все это поняли, мистер Эмберли? — спросил он.

— К счастью, да, — сухо ответил Эмберли. — Я видел, что Фаунтин зажат в угол и понимает это. Поэтому на следующий день после убийства Коллинза, то есть вчера утром, я решил принять кое-какие меры предосторожности и с этой целью съездил в Литтлхэйвен.

— Но ты ведь говорил, что занимаешься расследованием убийства Коллинза, — заметила леди Мэттьюз.

— Так считалось официально. Я не хотел, чтобы Фаунтин пронюхал о том, где я.

— Но что же побудило тебя поехать в Литтлхэйвен? — спросила Фелисити.

— Моторная лодка, — ответил Эмберли. — Я знал, что у Фаунтина есть лодка, на которой можно переправиться через Ла-Манш. Я не собираюсь делать вид, что заранее предвидел, как он будет ее использовать. Об этом я еще не догадывался. Но опасался, что если дело примет неблагоприятный оборот для Фаунтина, то он, сознавая грозящую ему опасность, просто удерет. Моторная лодка обеспечивала ему реальную возможность побега. Когда я приехал в Литтлхэйвен и стал наводить справки, то выяснил, что отремонтированную моторку только что привезли из Мортонс-ярда и поставили на швартовную бочку в бухте неподалеку от домика Фаунтина. Подплыв к ней на гребной лодке, я обнаружил, что она полностью готова к выходу в море. Мои предположения явно подтверждались. Я нанял портового грузчика и поручил ему наблюдение за моторкой. Он должен был сразу же сообщить мне по телефону, если ее будут снимать со швартовки. Такая мера позволила бы полиции вовремя связаться с французскими портами и перехватить Фаунтина. Я и сейчас уверен, что Фаунтин привел в готовность свою моторку для того, чтобы обеспечить возможность побега. Так как Коллинз был мертв, ему вроде бы незачем было охотиться на Ширли. Не имея завещания, она ничего не могла ему сделать. Собственно говоря, он не хотел совершать ни одно из своих убийств. Я верю, что он не лгал, говоря, что прошел через ад. Если бы он не унаследовал состояние своего дяди, он оставался бы тем, кем по сути и был: жизнелюбивым и добрым человеком, которому нужен был налаженный быт и немного денег, чтобы удовлетворить свои вполне скромные потребности. Его беда заключалась в том, что он привык считать себя наследником Джаспера Фаунтина, и когда узнал о лишении наследства, то сама мысль о том, что у него могут отобрать все, оставив лишь десять тысяч фунтов, была для него невыносима. Он не имел практически никаких личных средств, но регулярно получал крупные денежные суммы от дяди. Фаунтин произвел на меня впечатление человека легкомысленного и недалеконвидного, но способного на хитрость, чтобы при необходимости выпутаться из трудного положения. Я уверен, он никогда не задумывался над возможными последствиями своего первого преступления. Молчание слуг было куплено за деньги, и хотя Фаунтин прекрасно понимал, что поступает нечестно, он, несомненно, успокаивал себя тем, что, поскольку Ширли и Марк ничего не знают о наследстве, то, значит, и никакой потери для них нет. Он сизмальства приучил себя к мысли, что будет хозяином «Мэнора». И, я думаю, ему было легко оправдать в собственных глазах сокрытие настоящего завещания. Но после того, как он сделал первый неверный шаг, обстоятельства, как он сам выразился, вынудили его пойти дальше. Я уверен, ему все это было отвратительно, и он готов был признать себя побежденным, если бы не постоянная мысль о неотвратимости тюремного заключения.

Эмберли сделал паузу. Его слушатели сидели молча и ждали продолжения.

— Душевные переживания Фаунтина — тема, конечно, интересная, но все же мы отклонились от основы. Я повторяю, что, поскольку Коллинз был мертв, против Ширли ничего не замышлялось. Я уверен, что так оно и было. Но судьба в лице моей неосторожной кузины нанесла Фаунтину удар. Он узнал от Фелисити о всех перипетиях книги «Литературные курьезы», которую дал почитать дяде. Она рассказала ему, что меня заинтересовала эта книга, и что я в ней ничего не нашел. Фелисити не удосужилась сообщить мне, что книга была у Ширли достаточно долго, чтобы та могла найти спрятанную в ней половину завещания.

— Ну, хватит об этом, — потребовала Ширли.

— Но ведь ты же из-за этого чуть не погибла, — возразил Эмберли. — Фаунтин узнал, где Коллинз хранил свою часть завещания, и понял, что теперь она у тебя. Он зашел уже довольно далеко и стоял перед выбором: довести дело до конца или идти под арест. Ты сама знаешь, что было дальше. Если бы не моя несравненная тетушка, ты бы сейчас лежала на дне моря. Это она рассказала мне обо всем случившемся и, кроме того, передала мне телефонное сообщение,

оставленное Петерсоном. И поэтому я сумел вовремя добраться до Литтлхэйвена. Но, однако, весь путь гадал, туда ли я еду.

— Гадал? — удивился Кокрен. — Я не ослышался?

— Не ослышался, — ответил Эмберли. — У меня не было полной уверенности. Выяснив, что он движется на юг, я посчитал наиболее вероятным, что он едет в Литтлхэйвен. По счастью, я отгадал.

— Минутку, — сказала Ширли. — А не можешь ли ты отгадать, почему он выбрал именно такой способ, чтобы убить меня? Я не понимаю, почему он просто не выбросил меня за борт, выйдя на моторке подальше в море?

— Думаю, что могу, — ответил Эмберли. — Во-первых, на это пришлось бы потратить слишком много времени, а он хотел как можно быстрее покинуть Литтлхэйвен. Во-вторых, он был в ужасе от того, что делает. Вдобавок у него была фобия к мертвым телам. Поэтому он и не стал убивать тебя своими руками, а отправил, связанную на погибель в море. Ты рассказала мне, что по пути в Литтлхэйвен он не разговаривал с тобой, и не смотрел на тебя. Так и должно было быть. Фаунтин в это время находился в аду и фактически был безумным.

Эмберли подошел к столу, взял из сигаретницы сигарету и закурил, переводя взгляд с одного потрясенного рассказом лица на другое.

— Мне кажется, я ничего не упустил, — сказал он. — Дело оказалось довольно интересным.

— Довольно интересным? — вырвалось у Энтони. — Я не знаю, как думают другие, но считаю, что ты совершил невероятное чудо. И если вы, мой дорогой сержант, скажете, что все это было вам известно, я вам не поверю.

Сержант без колебаний ответил:

— Нет, сэр, это мне не было известно. Но я скажу, что если бы мистер Эмберли не скрыл такое важное обстоятельство, как то, что он нашел молодую леди у трупа Доусона, то картина с самого начала была бы намного яснее. Да если бы я только знал об этом, мы раскрыли бы это преступление в один момент!

Он встретился взглядом с мистером Эмберли и упрямо повторил:

— В один момент, мистер Эмберли! Как любитель, вы, безусловно, заслуживаете похвалы, но все же вам явно не хватало руководящих указаний опытного профессионала. А в целом вы поработали неплохо.